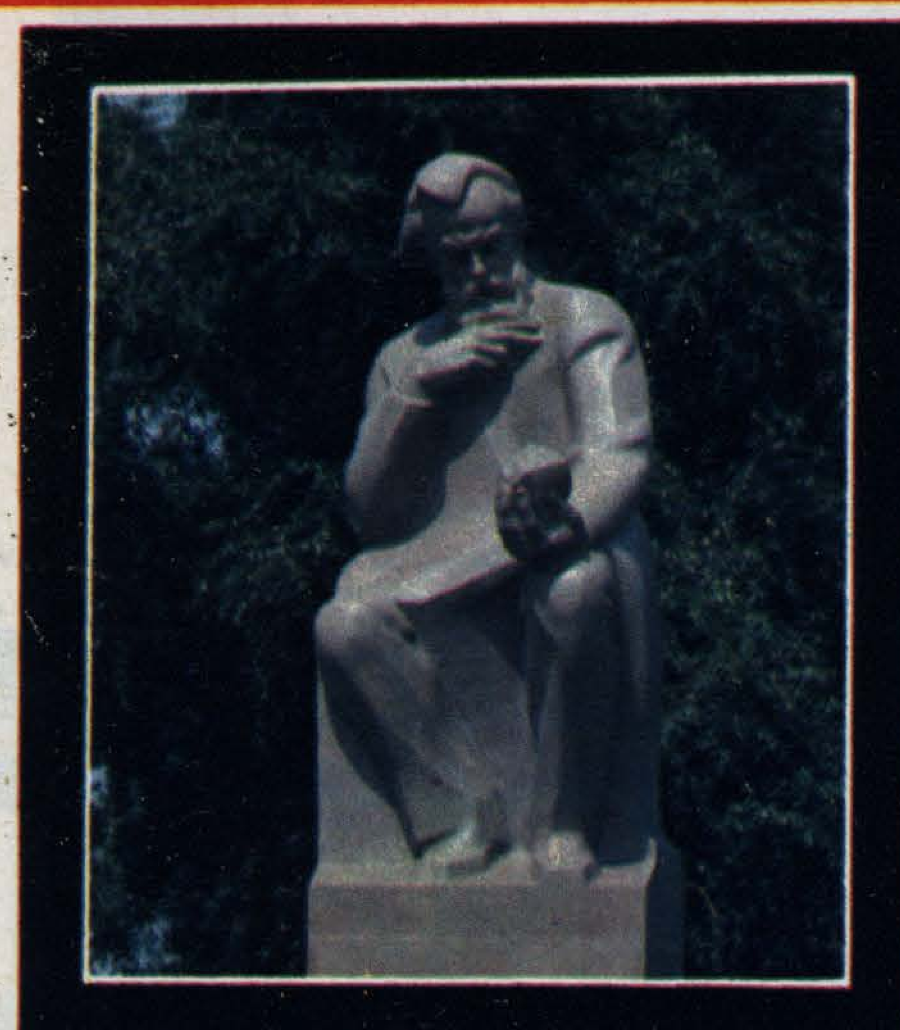
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 11 МАРТ 1988

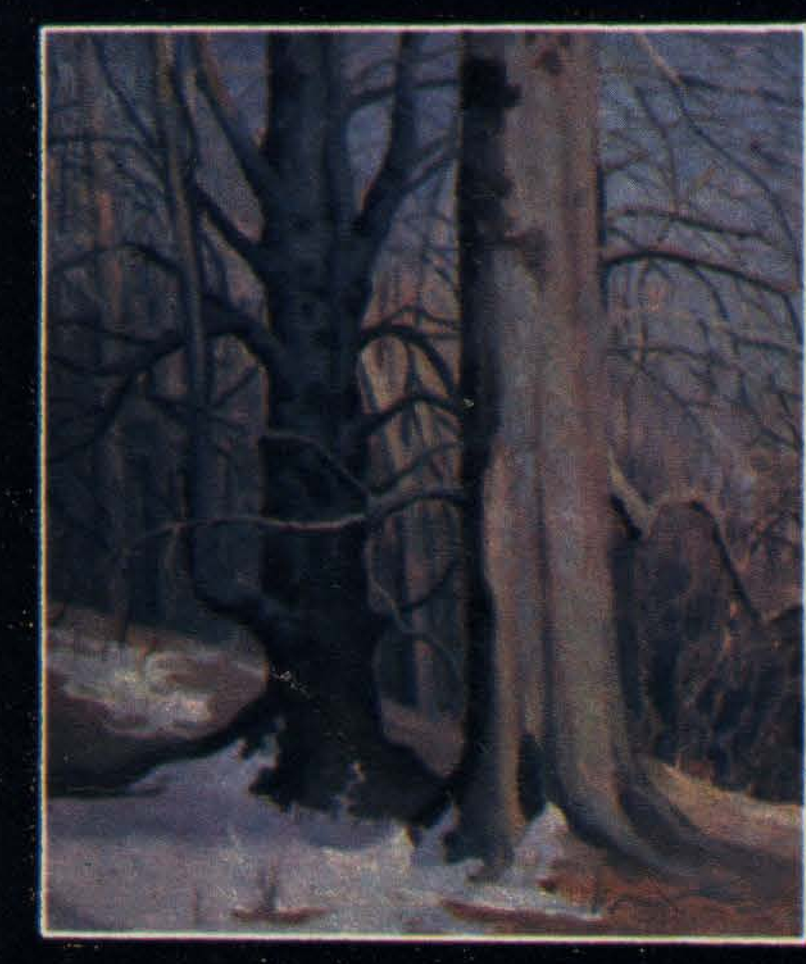
6.000 МЕТРОВ ОКЕАНА НАД ГОЛОВОЙ



ГОРДОСТЬ МИРОВОЙ НАУКИ

ДИАЛОГ: САГАН — АРБАТОВ.

ВЕРА ПАНОВА О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ



ЖИВОПИСЬ НИКОЛАЯ БУХАРИНА

ЧУДЕН ЛИ ДНЕПР ПРИ ТИХОЙ ПОГОДЕ?

8k

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (3164)

12 — 19 МАРТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Международный экипаж подводного обитаемого аппарата «Мир» после погружения: Игорь Михальцев (СССР), Пекка Лааксо (Финляндия) и Анатолий Сагалевич (СССР). (См. в номере материал «Мы на грунте!»)

Фото Юрия РОСТА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 19.02.88. Подписано к печати 05.03.88. А 00310. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1971.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.



ДОСТАТОЧН

ЗВОНОК ИЗ РЕДАКЦИИ: НАПИШИТЕ, КАК В БЕЛОРУССИИ РАЗВИВАЮТ СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТЫ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ. ЖЕЛАТЕЛЬНО, СКАЗАЛИ, НАЙТИ СОВЕТ, КОТОРЫЙ ВОЗГЛАВЛЯЕТ РАБОЧИЙ... ТАКОГО НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕСПУБЛИКИ Я НЕ НАШЕЛ. ВО ГЛАВЕ АБСОЛЮТНОГО БОЛЬШИНСТВА СОВЕТОВ — ДИРЕКТОРА. ЧУТЬ ЛИ НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕМ ОКАЗАЛСЯ МИНСКИЙ ЧАСОВОЙ ЗАВОД. ТУТ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ВЫБРАЛИ ВАЛЕНТИНУ МАТВЕЕВНУ МАМЗЕЛЕВУ — ИНЖЕНЕРА, РУКОВОДИТЕЛЯ ЛАБОРАТОРИИ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА. НА ЧАСОВОЙ Я И ОТПРАВИЛСЯ.

●

Генеральный директор объединения Владимир Васильевич Абрамчик (слева) совместно с членами совета разбирает возникающие проблемы.

●

Председатель совета трудового коллектива Минского часового завода Валентина Мамзелева и председатель цехового совета Валентина Ширина (слева) беседуют со сборщицей Ниной Гинтовой.



ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Едва начал знакомиться с буднями совета, обратил внимание (не может не броситься в глаза!), как глубоко и как решительно затронула перестройка буквально все стороны заводского бытия. Совет делает первые шаги, и каждый непременно в ту сторону, где закладываются основы новых экономических и социальных, стало быть, новых человеческих отношений. Все больше здесь проникаются сознанием: думай сегодня о завтрашнем дне, если не хочешь, чтобы пошатнулось благополучие коллектива и возник конфликт, который ни приказом, ни митингом не ликвидируешь.

Это на заводе, который довольно давно ходит в преуспевающих. Второй год на хозрасчете и самофинансировании! Получает солидные прибыли, в том числе на зарубежном рынке, куда вывозит 37 процентов продукции (в числе покупателей — Швейцария, Великобритания, ФРГ), и 80 процентов доходов получает в твердой валюте. Еще несколько цифр: в 1987 году выпущено на 3 миллиона 312 тысяч рублей сверхплановой товарной продукции, а сверхплановый выпуск товаров народного потребления составил в розничных ценах 7 миллионов 663 тысячи рублей.

Кажется, можно жить спокойно. Наоборот, производственникам все время напоминают, что все достигнутое добыто вечным беспокойством и требовательностью к себе. (Пример? По своей инициативе, без увеличения численности работающих часовщики организовали у себя электронное производство и сняли тем самым часть зависимости от смежников). Напоминают, что экономические методы хозяйствования подстегивают, ужесточают условия существования. Так что рассчитывай только на себя, примеряйся только к завтрашнему дню и не надейся, что кто-то из конкурентов настраивается иначе.

Да, но как добиться, чтобы настраивались все? Как в этом поиске найти свое место совету трудового коллектива?

Авторитетом, весомостью мнений, принципиальностью позиции. А они берут начало на выборах.

Выборы председателя заводского совета поначалу устремились в стандартное русло: несколько голосов предложили кандидатуру генерального директора Владимира Васильевича Абрамчика. Директор попросил его кандидатуру снять. Если замкнуть власть на одном руководителе, зачем тогда совет? Пристройка к директорскому кабинету? Имитация демократии?

Словом, на собрании представителей заводского коллектива остановились на трех кандидатурах. Большинство проголосовало за Валентину Матвеевну Мамзелеву; а сварщика Леонида Григорьевича Иванова и начальника производственно-диспетчерского отдела Кима Викторовича Горошко избрали заместителями. Валентина Матвеевна начинала здесь рабочей. Без отрыва от производства окончила институт народного хозяйства, немаловажно, наконец, и то, что предприятие примерно на три четверти женское. Короче, выбор трудно оспорить. Да и незачем. Лучше послушать размышления самой Валентины Матвеевны:

— Совет родился, живет. Без труда находим точки приложения его сил. По ходу, что называется, учимся демократии. Обнадеживает то, что при обсуждении плана предприятия на нынешний год члены совета (не все, к сожалению) всерьез интересовались обоснованностью заданий, реальностью расчетов, гарантированностью фондов. Обсуждали идею вступления в межведомственные объединения, и снова вопросы: все ли взвешено, велик ли смысл, не потеряем ли больше, чем приобретем?.. Ездили с представителями в Гродненскую область, смотрели место, где хотим открыть свой санаторий... Вместе со специалистами скрупулезнейшим образом изучаем сейчас один из насущнейших вопросов — упорядочение оплаты труда... Что тревожит? Не хватает умения убеждать людей! Сталкиваемся с превратными

О ЛИ СВЕТА У СОВЕТА?



представлениями о демократии, со стремлением держаться подальше от общественных интересов. Или потому, что не воспитана потребность ими жить, или потому, что их нельзя уместить в своей авоське?.. Переживаю, что члены совета не всегда активны. Хотя понимаю: наивно полагать, что новое мышление можно «ввести» разом, как новую форму одежды. Не знаем, как подступиться, потому что живем абстрактными призывами: «идти в массы», «суметь убедить», «повести за собой»...

Валентина Матвеевна рассказывает о ситуации в инструментальном цехе. Двадцать с лишним лет назад здесь пересмотрели расценки, снизили их, а «срезанные» деньги автоматически переложили в премиальный фонд. Норму выполнил — премия гарантирована. Хозрасчет подобное удобство отвергает! Тем более к инструментальщикам есть претензии по качеству. Собрали их, объяснили, что у премии теперь другая «себестоимость». Цех считает, что отменять прежний принцип несправедливо, и большинством голосует за то, чтобы его оставить. Причем голосуют и те, кто не хочет «подрывать» цеховую солидарность. Вот вам понятие о демократии!..

Как его развенчать? Нужен авторитет. А он обеспечивается не обилием телефонов на столе, не данным свыше правом занимать место в президиуме, не отрепетированными позами и фразами. Делом!

— Все мы,— развивает эту мысль секретарь парткома завода Виктор Валентинович Чикин,— держим сейчас испытание демократией. Пришла пора практического осмысления перестройки. Пора ответственнейшая! Какое-то количество брака производственного нам могут списать. Брака демократизации не спишет никто! Процесс пойдет, на мой взгляд, успешно, когда администрация научится умно пользоваться мнением большинства, а большинство усвоит, как важно дельное мнение иметь... Вот мы взялись за социальные проблемы — от своей парикмахерской до жилищного строительства хозспособом — в шесть раз увеличиваем на него ассигнования. Свой физкультурно-оздоровительный комбинат оборудуем, кафе «Именинница» открыли... Видим в том большую воспитательную миссию. Видим и сложность — богатство может и испортить человека, если он не разглядит в нем стимул для того, чтоб становиться лучше.

Наталкиваемся на безразличие, формализм, сладкую тягу к показухе... И я снова и снова размышляю о том, что нельзя руководить коллективом сегодня силой только администрации. Думаю о новом стиле, о способах вытеснения старого, в котором немало явного, если можно так сказать, антидемократизма... Партийные собрания созываются в кабинете начальника цеха. Обычная история. Но психологический климат здесь, согласитесь, особый — начальник цеха чувствует тут себя совсем иначе, чем в комнате партбюро. Вот о каких нюансах думаешь нынче! А вот пример иного рода. Генеральный директор поехал в Москву утрясать заводские дела вместе с председателем совета трудового коллектива. И представьте себе, тон бесед в министерстве отличался от привычного!

Нужно добавить к размышлениям о судьбах совета трудового коллектива мысли Леонида Григорьевича Иванова — сварщика, заместителя председателя совета:

— Приобщайте к управлению рабочих! Призыв повторяется настойчиво, не соблазниться бы нам «классовой модой»! Приобщать надо людей деятельных и авторитетных — вот, я считаю, цель! Обращаюсь к своей биографии и ловлю себя на том, что одних — преподавателей, бригадиров, начальников цехов — помню по имени-отчеству, других даже фамилии забыл... Вот что значит личность? Личность — общественник — вот кто, на мой взгляд, должен выдвигаться в лидеры перестройки. Я бы приветствовал, если бы человек, выдвигаемый на общественную или административную должность, предлагал бы программу, а люди голосовали бы за нее, а не за анкетные данные.

Еще взгляд — на этот раз Владимира Васильевича Абрамчика, генерального директора объединения «Минский часовой завод»:

— Уверенность рядовых тружеников в том, что их голоса что-то значат, создает благоприятный климат в коллективе. А совет как раз представляется мне такой службой климата. И, естественно, помощником во всех делах. Пересматриваем условия социалистического соревнования, и мне важно, что члены совета едины во мнении, что пора, например, ориентироваться на иные размеры материального поощрения передовиков. Право, неудобно поощрять десятью рублями рабочего, зарабатывающего в месяц более двухсот рублей! Подчеркиваю, все это не мелочи. Считаю пробелом, что до сих пор не определены права советов трудовых коллективов во взаимоотношениях с министерствами, ведомствами, Советами народных депутатов. Ведь социальная справедливость восторжествует лишь тогда, когда утвердится всюду. Бороться за нее в пределах одного коллектива бессмысленно, легко скомпрометировать идею. Подкреплю свое утверждение примером. У министерства есть фонды на легковые автомобили. Они делят их между предприятиями для продажи работающим. Делят так: одну машину на тысячу человек. Мы возражаем: почему не учитываете вклад завода в народное хозяйство? Как бороться с уравниловкой нам, если ее культивируют сверху? В какое положение мы ставим совет трудового коллектива?

А лимиты на приобретение имущества!.. Решили установить на заводе телефон доверия. Совет поддержал. Нужны два магнитофона. Купить нельзя. Нельзя купить телевизор для комнаты психологической разгрузки, аквариумы и ковры для детских комбинатов... Лимиты, лимиты, лимиты... Между тем магазины забиты коврами, затоварены телевизорами... Рабочие говорят: мы хотим сами распорядиться тем, что зарабатываем для коллектива. Попробуй им объяснить, что у перестройки до этого не дошли руки!

...Вот так начинает совет трудового коллектива на Минском часовом. С раздумий. С поисков.

Александр ЩЕРБАКОВ,
собственный
корреспондент «Огонька».
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото).

Вопросы трудовой дисциплины можно обсудить и «на ходу», если в этом возникает потребность.



ЦИТАТЫ ДЛЯ АКАДЕМИКА

НАШИ НЕДОСТАТКИ СУТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШИХ ДОСТОИНСТВ — ЭТОТ ТРЮИЗМ НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЕШЬ, ЧИТАЯ НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ КНИГ И СТАТЕЙ Ф. Г. УГЛОВА. ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ХИРУРГ, АКАДЕМИК АМН СССР, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ, НЕ МЕНЕЕ ИЗВЕСТЕН ОН КАК ГОРЯЧИЙ ПРОПОВЕДНИК ТРЕЗВОСТИ. МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ СЛУШАТЬ ФЕДОРА ГРИГОРЬЕВИЧА; СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ: ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ВЫЗЫВАЮТ СТОЛЬ БУРНУЮ РЕАКЦИЮ АУДИТОРИИ, ЧТО КУДА ТАМ ПУГАЧЕВОЙ ИЛИ ЛЕОНТЬЕВУ.

Страсть — вот чего не хватает нашей пропаганде, трезвеннической в том числе. Слишком привыкли мы говорить одно, думать другое, делать третье. При таком «настроении» — откуда взяться-то эмоциям? Они ведь там, где спор. А где задано было казенное единодушие, там писатель пописывал, а читатель, понятно, почитывал.

Когда же страстность пропагандиста становится недостатком? Один из возможных ответов: когда он оперирует ложными оценками и сомнительными фактами. Откройте книгу Ф. Г. Углова «В плену иллюзий», изданную в 1985 г. «Молодой гвардией» (огромным, кстати, тиражом), на с. 31, и вы с изумлением прочтете: «Владелец кабака, чаще всего **иноверец** (подчеркнуто мной.— **Л. О.**), пользуясь опьянением посетителей...» и т. д. Не ищите кавычек, это авторский текст. Иноверец... Какое, милые, сегодня тысячелетие на дворе?

Подобное можно было бы счесть за случайную оговорку, терминологическую небрежность. Тем более что в последующих двух изданиях 1986 г. книги словцо это (из лексикона Святейшего синода?) опущено. Однако осталась «иноверческая» точка зрения, остались попытки подкрепить ее «фактами».

«Значительное число питейных заведений в России,— пишет Ф. Г. Углов,— принадлежало еврейскому торговому капиталу. В одной Минской губернии он владел 1548 питейными заведениями из 1630». Эти данные автор заимствовал из работы дореволюционного экономиста А. П. Субботина (впрочем, не называя его). Но вся штука в том, что Субботин говорит о питейном капитале лишь в так называемой черте оседлости, куда входила и Минская губерния. Что же касается собственно российских губерний, то в них доля еврейского питейного капитала не достигала и двух процентов. Скажем, в Московской губернии из 4965 питейных заведений еврейскому капиталу принадлежало... два, в Нижегородской — три, в Ярославской и Петербургской — ни одного. Выходит, в одних губерниях простой народ спаивали «иноверцы», в других — этот ненавистный... царизм.

На грустные размышления наводят и ссылки автора на И. А. Сикорского, ими просто изобилует книга. Доходит до курьеза: даже отрывок из ксенофонтовской «Киропедии», не раз изданной в советское время, снабжен примечанием: «Цит. по И. А. Сикорскому». Ф. Г. Углов с почтением называет его «замечательным ученым», «известным психиатром». Что ж, в истории науки этот человек действительно оставил след, но известность его — геростратова.

Киев, сентябрь 1913 года. Суд присяжных слушает дело по обвинению Менделя Бейлиса в убийстве мальчика Андрюши Ющинского с ритуальной целью. Смысл процесса был откровенно разъяснен печатным органом черной сотни: «Правительство обязано признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь...».

С этим людоедским суждением полностью солидаризовался профессор Сикорский, выступивший на процессе в качестве эксперта. Его, с позволения сказать, «экспертиза» была по самым высоким ставкам оплачена из секретных фондов департамента полиции. Что же касается оценки общественным мнением «научного вклада» Сикорского, то она была на редкость единодушной. В. Д. Бонч-Бруевич: «Вся его экспертиза, являясь сплошным недоразумением с научной точки зрения, дышит таким человеконенавистничеством, таким изуверством...» Профессор В. П. Сербский: «В экспертизе Сикорского наука... и не ночевала... Это — сложное квалифицированное злодеяние, которое тщательно обдумано и планомерно исполнено». В. Г. Короленко: «Сикорский вместо психиатрической экспертизы стал читать по тетради собрание изуверских рассказов, ничего общего с наукой не имеющих». Петербургский журнал «Современная психиатрия»: «Экспертиза позорная и не соответствует самым элементарным научным требованиям». Московский «Журнал невропатологии и психиатрии»: Сикорский «скомпрометировал русскую науку и покрыл стыдом свою седую голову».

Конечно, это — дела давно минувших дней. И все же, что за нужда заставляет сегодня черпать из столь мутного источника соображения о социальных причинах пьянства в царской России или о воздействии алкоголя на нервную систему человека?

Поразмыслить над парадоксами диалектики достоинств и недостатков увлеченности заставляет и недавняя статья Ф. Г. Углова в защиту «сухого закона», опубликованная в «Нашем современнике» (1987, № 7). Стоит ли говорить, что и в ней не обошлось без дежурной ссылки на Сикорского? Но речь пойдет о другом.

Жирным шрифтом в статье выделяются имена шести ученых и публицистов, «слепых поводырей», как с библейской экспрессивностью характеризует их автор, которые «многого добились, насаждая пьянство в стране». Трем из них, упомянутым только по фамилии (ввиду их полной, надо полагать, одиозности), придется утешиться тем, что по крайней мере сами-то фамилии воспроизведены верно. То есть с прописной буквы.

Но не пустое ли это дело, искусственно вычленять антиалкогольную (точнее, алкогольную) политику, которая велась до 1985 года, из застойного общеполитического контекста? Суть ведь не только и не столько в проповеди культурпитейства, сколько в соответствующих директивных указаниях, каковые эта проповедь обслуживала. Чего проще свести проблему к персоналиям и, уподобившись Паниковскому и Шуре Балаганову, трясти друг друга за грудки: «Ты кто такой? И чем занимался до 17 мая 1985 года?»

Время, сказал поэт, переломное, а не костоломное. Возложить вину на нескольких ученых и журналистов — значит блокировать видение реальных причин многолетней алкоголизации страны. И реальных последствий, из которых важнейшее с точки зрения перспектив отрезвления заключено в глубоко укоренившихся питейных традициях и обычаях. Пребывать в уверенности, что «сухой закон» — это золотой ключик от врат трезвости, значит обречь себя на состояние, обозначенное заглавием собственной книги.

Ленин писал о страшной инерционной силе вековых привычек, «предрассудков миллионов» и предостерегал от опасности принять изжитое для авангарда за изжитое для масс. Именно в такую ошибку впадает уважаемый академик, утверждая, что «наш народ в своем абсолютном большинстве осознает всю опасность, нависшую над нами, и готов к трезвому образу жизни. При этом не только готов, но и с нетерпением ждет такого решения».

Увы, это пока еще не совсем так. Вернее, совсем не так. Объективные данные социологических исследований общественного мнения не могут быть опровергнуты результатами «многочисленных бесед с людьми различных социальных групп и образовательного ценза», которые вел и на которые ссылается Ф. Г. Углов. Например, опрос, проведенный М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги, показал, что значительное число людей относят себя к сторонним наблюдателям за развернувшимся антиалкогольным движением. Характерно, что даже среди непьющих молодых людей только немногим более трети выступили за «сухой закон».

Под пером Ф. Г. Углова трезвость приобретает угрюмые и так узнаваемые черты догматического стремления насильно облагодетельствовать человека. Не мир пришел вам принесть, но... трезвость...

Прикосновение догмы парадоксальным образом трансформирует научную полемику в брань, законное нетерпение — в нетерпимость, а энтузиазм — в фанатизм. Вслушайтесь в лексику: «...Настоящие коммунисты-патриоты... стремятся снизить продажу и потребление алкоголя», «...в аппарате управления сидят враги трезвости. А почему они продолжают спаивать народ — надо выяснять в каждом конкретном случае», «...подобные действия любого руководителя региона должны рассматриваться как преступные, направленные против народа», «...враги трезвости пытаются экономическими трудностями обосновать свою правоту», «...эти люди — или не знакомые с экономическими законами общества, или чуждые нам и нашему строю, опасные люди», «...фантастические домыслы», «голословные утверждения некоторых недобросовестных социологов и медиков», «...пресечь их скрытую, но, к сожалению, эффективную, разлагающую деятельность», «...уступка врагам, мечтающим о нашем уничтожении с помощью этого наркотического яда», «...истинные борцы за трезвость обращаются прежде всего к патриотическим чувствам и здравому смыслу народа», ... и пр., пр. Знакомо, не правда ли? Напомню, что писано это не в 1937 или 1948 годах, а на третьем году перестройки.

В запале «одной, но пламенной страсти» трудно избежать не только стилевых, но и явных фактических передержек. Так, по мнению Ф. Г. Углова, «нет никаких оснований сомневаться в том, что во многом благодаря ленинскому закону о запрещении производства и продажи алкоголя мы... быстрыми темпами восстановили свое разрушенное империалистической и гражданской войной (так в тексте.— **Л. О.**) хозяйство». Напротив, есть все основания сомневаться в этом. Широко известно высказывание Сталина насчет того, что именно с целью накопления средств для восстановления хозяйства и индустриализации «ленинский закон» был... отменен. Сегодня, разумеется, можно спорить, насколько верна и нравственна идея финансировать социалистические преобразования «алкогольными» деньгами, но таковы исторические реалии. И не след их переписывать — даже в интересах пропаганды трезвости.

Равным образом утверждение Ф. Г. Углова: «Принудительная трезвость, введенная в 1914 году, привела страну к полному отрезвлению со всеми его благоприятными последствиями» — приходит в противоречие и с известными фактами, и с его же тезисом, согласно которому в капиталистических странах «подобный закон не мог быть проведен в жизнь в силу эксплуататорских (так в тексте.— **Л. О.**) условий жизни».

И уж совершенно необъяснимой выглядит оценка современной алкогольной ситуации, из которой исходит уважаемый академик. У него выходит так, будто за последние два года в стране ничего не изменилось. Он пишет: «Если подобный (какой — вчерашний или сегодняшний? — **Л. О.**) уровень потребления алкоголя просуществует еще несколько лет, процесс деградации нашего народа может принять необратимые формы». Или: «...Продолжается продажа этого яда в неограниченном количестве». Так-таки «неограниченном»? Складывается впечатление, что Ф. Г. Углов просто не желает замечать серьезного поворота антиалкогольной политики, обозначенного партийно-государственными документами 1985 года. Поистине, над вымыслом слезами обольюсь...

Желчная это логика: чем хуже — тем лучше. Лучше для собственной системы аргументов, превратившейся в застывшие стереотипы. Для нагнетания настроений надрыва и разочарования, побуждающих не к выдержке, терпению и готовности к долгой, кропотливой работе, а к импульсивной реакции в духе щедринского градоначальника: «Не потерплю!»

От «иноверцев» к Сикорскому, от Сикорского напрямую к скрытым силам, фантастическим домыслам и преступным действиям чуждых нам и нашему строю, опасных людей — вот кривая, истинное значение которой лишено даже налета эзотеризма. Лишним свидетельством тому — эпизод, описанный в статье секретаря Ленинградской писательской организации Г. Петрова «Так вы пробиваетесь к правде?». Речь идет о небезызвестной «научной» конференции в Ленинградском университете, среди участников которой наряду с лидером «Памяти» Д. Васильевым и другими был и Ф. Г. Углов. Как водится, задавались определенного сорта вопросы, один из них звучал так: «Какова роль евреев в заговоре против русского народа?»

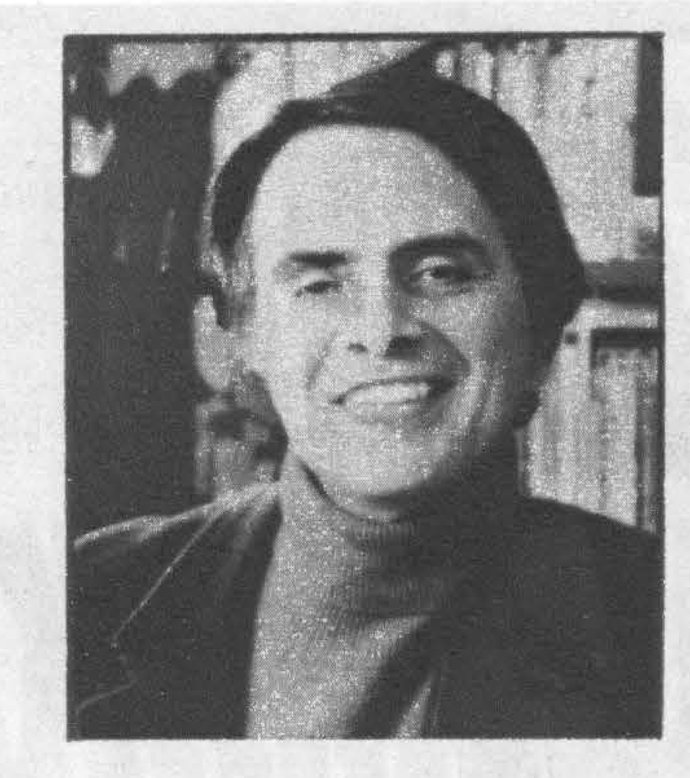
«Каждому порядочному человеку,— пишет Г. Петров,— понятно, как следует отвечать на подобные провокации. Но Ф. Углов из возможных вариантов ответа выбирает:

— Они автографов не оставляют».

«Вторичность» ответа сомнений не вызывает. Неясно лишь, кого на сей раз цитирует почтенный академик.

Лев ОВРУЦКИЙ

СМОЖЕМ ЛИ МЫ КОГДА-НИБУДЬ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ «ОБРАЗА ВРАГА», КОТОРЫЙ СЛОЖИЛСЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СССР И США? ЛЕГКО ЛИ ЭТО БУДЕТ СДЕЛАТЬ, УЧИТЫВАЯ ТОТ ФАКТ, ЧТО И СЕЙЧАС СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПОРОЙ НЕ МОГУТ ОТОЙТИ ОТ ОПАСНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ИЗ АРСЕНАЛА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»? УДАСТСЯ ЛИ США И СССР СОСУЩЕСТВОВАТЬ, НЕ БАЛАНСИРУЯ НА ГРАНИ ЯДЕРНОЙ ПРОПАСТИ? НА ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ПЫТАЮТСЯ ОТВЕТИТЬ ВИДНЫЕ УЧЕНЫЕ КАРЛ САГАН И ГЕОРГИЙ АРБАТОВ. ИХ ДИАЛОГ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА».



Карл Саган — профессор астрономии и космических исследований, а также директор лаборатории планетарных исследований в Корнеллском университете, штат Нью-Йорк, США. За свою деятельность в исследовании планет с помощью космических кораблей он был награжден медалями НАСА «За исключительные научные достижения» и дважды — «За выдающиеся заслуги перед обществом», а также медалью Константина Циолковского. В последние годы доктор Саган и его коллеги занялись исследованиями долгосрочных последствий ядерной войны, открыв прежде неизвестные опасности для нашей цивилизации. Он удостоен награды Джозефа Пристли «За выдающийся вклад в укрепление благополучия человечества» и премии компании «Хонда» «За вклад в новую эру человеческой цивилизации».

НАШ ОБЩИЙ ВРАГ

Карл САГАН

Американский президент сказал советскому Генеральному секретарю, что если бы Земле грозило вторжение пришельцев, то обе наши страны объединились бы против общего врага. И действительно, из истории нам известно немало случаев, когда противники, смертельно враждовавшие между собой на протяжении жизни не одного поколения, отбрасывали в сторону свои разногласия перед лицом более серьезной угрозы. Так было с древнегреческими городами-государствами, объединившимися против персов, с русскими и половцами, объединившимися против монголов, или, уж коли на то пошло, с американцами и русскими, воевавшими против нацистов. Что касается вторжения из космоса, то оно, разумеется, мало вероятно. Но общий враг все же есть — и не один, а целый ряд общих врагов, представляющих порой небывалую угрозу и являющихся порождением нашего времени. Их породили наши растущие технологические возможности, наше нежелание отказаться от видимых краткосрочных выгод ради будущего благополучия.

Безвредное на первый взгляд сжигание угля (и других видов ископаемого топлива) приводит к накоплению углекислого газа, создает «парниковый эффект», повышая температуру на Земле. В результате, по некоторым прогнозам, менее чем через столетие американский Средний Запад и Советская Украина — нынешние житницы планеты — могут превратиться в пустыни с чахлой растительностью. Инертные, казалось бы, безвредные газы, применяемые в холодильных установках, истощают защитный слой озона, они увеличивают процент губительного ультрафиолетового излучения Солнца, достигающего поверхности Земли и уничтожающего бесчисленные множества незащищенных микроорганизмов. Гибнут леса в Канаде под воздействием американской промышленности. Подвергается опасности древняя культура Лапландии в результате катастрофы советского ядерного реактора. По всему миру распространяется опаснейшее эпидемическое заболевание. Из-за недальновидности нас неизбежно ожидают новые опасности, о которых мы еще даже не подозреваем.

В результате гонки ядерных вооружений, инициаторами которой были Соединенные Штаты и Советский Союз, планета оказалась в ловушке со своими примерно 60 тысячами единиц ядерного оружия. Это намного больше, чем необходимо, чтобы не только стереть с лица Земли обе страны, поставить под угрозу земную цивилизацию, но и, возможно, даже покончить с человечеством. Несмотря на клятвенные заверения в мирных намерениях и приверженности к договорам, направленным на прекращение гонки ядерных вооружений, Соединенные Штаты и Советский Союз каким-то образом все-таки умудряются создавать каждый год достаточно новых ядерных боеприпасов, способных уничтожить любой город на планете. А в оправдание каждая из сторон искренне указывает на другую. Катастрофы с «Челленджером» и на Чернобыльской АЭС напоминают нам, что, несмотря на все наши усилия, отказы в современной технологии возможны. В век, когда к власти пришел Гитлер, мы сознаем, что безумцы могут добиться абсолютной власти в развитых индустриальных странах. В такой обстановке неожиданный сбой,



Арбатов Георгий Аркадьевич — директор Института США и Канады АН СССР. Доктор исторических наук, профессор, академик. Член ЦК КПСС, с 1974 года — депутат Верховного Совета СССР.

Родился 19 мая 1923 года в Херсоне. Демобилизовавшись в 1944 году как инвалид Отечественной войны, поступил в Институт международных отношений МИД СССР. После окончания института был на редакционной и журналистской работе. С ноября 1967 года — директор Института США и Канады АН СССР. С 1967 года Г. А. Арбатов — участник Пагуошских встреч, с 1969 года — Дартмутских встреч представителей американской и советской общественности. Начиная с 1975 года был членом делегаций Верховного Совета СССР, принимавших делегации сената и палаты представителей конгресса США. Представляет СССР в Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности («Комиссия Пальме»). Председатель Советской ассоциации содействия ООН.

ПРИЗНАКИ ПЕРЕМЕН

Георгий АРБАТОВ

Я давно знаю Карла Сагана — как видного ученого и как общественного деятеля. И не только со стороны. Не раз мне доводилось вместе с ним участвовать в дискуссиях на международных симпозиумах и в телевизионных дискуссиях, посвященных актуальнейшим проблемам борьбы против гонки вооружений и угрозы войны.

К тому, что написано в биографической справке, я мог бы лишь добавить, что профессор Саган сыграл немалую роль в исследовании последствий ядерной войны, и в частности эффекта «ядерной зимы». А оно, это исследование, вместе с правдой о ядерной войне, рассказанной врачами, докладом «Комиссии Пальме» о новых параметрах международной безопасности и несколькими другими аналогичными исследованиями и документами стало очень важной вехой в просвещении общественности насчет реальностей нашей эпохи, вплотную подводя к новому политическому мышлению.

Уже это, наряду с моим личным уважением к Карлу Сагану, объясняет, почему, получив предложение редакции журнала «Огонек» прокомментировать статью американского ученого, я тут же дал согласие. Не могу сказать, что, прочитав статью, я об этом пожалел. Но поручение, должен признаться, оказалось более трудным, чем я поначалу ожидал.

Ибо, с одной стороны, главные идеи да и сама направленность статьи у меня вызывают самую искреннюю поддержку, а с другой — пассажи, где говорится о Советском Союзе, так и подмывают вступить с американским ученым в самую жесткую и непримиримую полемику. А то и другое с большим трудом укладывается вместе — мне не кажется убедительным комментарий, где статья, с одной стороны, оценивается как хорошая, а с другой — как плохая. Нужен все же какой-то общий знаменатель.

После нелегких раздумий я решил, что его вывести можно и что он будет, безусловно, положительным.

Потому прежде всего, что не только правилен, но и убедительно обоснован вывод американского ученого о том, что главным источником опасности как для народов США и СССР, так и для всей человеческой цивилизации являются гонка вооружений и взаимная враждебность двух держав. Враждебность, угрожающая ядерной катастрофой и перекрывающая путь к сотрудничеству, которое помогло бы отвратить другие нависшие над нами опасности, в частности экологические и экономические.

Совершенно правилен и другой вывод профессора Сагана: что угрозу рождают растущие технологические возможности в сочетании с нежеланием отказаться от видимых краткосрочных выгод ради будущего благополучия. Остаются, правда, неясными причины

отказ в системах связи или эмоциональный кризис у одного из руководителей стран — это только вопрос времени. Ежегодно человечество расходует почти один триллион долларов на подготовку к войне, большую часть расходов несут США и СССР. Возможно, если и существует враждебная внеземная цивилизация, ей не имело бы смысла нападать на Землю. Понаблюдав за нашим поведением, она могла бы решить, что целесообразнее немного подождать, пока мы не уничтожим себя сами.

Мы находимся на грани. Нам не нужно вторжение пришельцев, поскольку мы сами порождаем опасность. В своей повседневной жизни мы вроде бы далеки от нее, да и осознать это сразу трудно. Опасность — это прозрачные газы, невидимая радиация, ядерное оружие. Нет даже свидетелей, которые бы воочию видели действие этого оружия. Распознать нависшую над нами опасность и ненавидеть ее гораздо труднее, чем ненавидеть хана или фюрера. Объединение сил против новой угрозы требует от нас мужественных усилий к самопознанию, так как именно мы сами — все страны Земли, но особенно Соединенные Штаты и Советский Союз — несем за это ответственность.

Наши две нации — это гобелены, сотканные из богатого разнообразия этнических и культурных нитей. В военном отношении мы самые сильные державы в мире. Мы считаем, что наука и технология способны сделать жизнь счастливой для всех. Мы твердо убеждены в праве народа управлять своей страной. Наши системы правления были порождены историческими революционными процессами, направленными против несправедливости, деспотизма, некомпетентности и предрассудков. Мы потомки революционеров, осуществивших невозможное,— освободивших нас от тираний, которые столетиями внушали миру, что власть их от бога. Какие силы освободят нас из западни, в которую мы сами себя загнали?

Каждая из сторон располагает пространным перечнем вызвавших негодование злоупотреблений, совершенных другой стороной, некоторые из которых воображаемые, большинство же, в той или иной степени, имели место. Всякий раз, когда одна из сторон совершает какое-то злоупотребление, можете быть уверены, что другая постарается компенсировать его каким-то действием. Обе нации полны уверенности в своей нравственной правоте. Каждой известны до мельчайших подробностей самые ничтожные проступки другой, но и та, и другая едва ли даже замечают свои собственные грехи и те страдания, которые причиняет ее собственная политика. На каждой стороне, конечно, есть хорошие и честные люди. Они видят опасности, порождаемые политикой их стран. Из соображений элементарной порядочности и в силу простой необходимости выжить они стремятся выправить положение. Но есть также — в каждой из стран — и люди, охваченные ненавистью и страхом. Они считают, что их противники — неисправимые злодеи. «Твердолобые» каждой из сторон поощряют друг друга. Их устойчивость и власть зависят друг от друга. Они нуждаются друг в друге. Они сцепились в смертельном объятии.

Если мы не можем высвободиться из этих смертельных объятий, тогда остается альтернатива. Какой бы мучительной она ни была, нам придется потерпеть боль: для начала нужно рассмотреть исторические события так, как они, возможно, видятся другой стороне. Пусть сначала это будет воображаемый советский исследователь, анализирующий американскую историю. Соединенные Штаты, основанные на принципах свободы и независимости, были последней крупной страной, покончившей с рабством. Закон защищал расизм еще целое столетие после освобождения рабов; а многие из отцов-основателей — в том числе Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон — были рабовладельцами. Соединенные Штаты систематически нарушали свыше 300 договоров, в которых они гарантировали некоторые права первоначальным обитателям США — индейцам. Теодор Рузвельт в широко известной речи воспел «праведную войну» в качестве единственного пути достижения «национального величия». В 1918 году Соединенные Штаты вторглись в Россию. То была обреченная с самого начала на провал попытка покончить с большевистской революцией. Соединенные Штаты изобрели ядерное оружие и стали первой и единственной страной, применившей его против гражданского населения,— в результате погибли сотни тысяч мужчин, женщин и детей. Соединенные Штаты имели оперативные планы ядерного уничтожения Советского Союза еще до того, как тот стал ядерной державой, и создают все новые и новые средства уничтожения, провоцируя непрекращающуюся гонку ядерных вооружений. Во множестве выявившихся в последнее время противоречий между теорией и практикой в Соединенных Штатах повинна и нынешняя администрация, которая, рядясь в тогу защитника высокой морали, предостерегает своих союзников от продажи оружия террористскому Ирану и одновременно совершает это же, но тайно. Администрация, которая ведет по всему миру тайные войны во имя демократии и одновременно препятствует эффективным экономическим санкциям против режима ЮАР, подавляющее большинство граждан которой вообще не имеют никаких политических прав. Администрация, которая возмущена действиями Ирана, минирующего Персидский залив, и одновременно сама занимается минированием никарагуанских портов и затем уклоняется от юрисдикции Международного суда. Администрация, которая поносит Ливию за убийство детей и в отместку сама убивает детей. Администрация, которая осуждает отношение к национальным меньшинствам в Советском Союзе, в то время как в самой Америке в тюрьмах гораздо больше черной молодежи, чем в колледжах. Даже дружественно настроенные к США люди более чем сдержанно могут относиться к подлинным намерениям этой страны, особенно тогда, когда американцы не желают признавать «неудобные» факты из своей истории.

Теперь вообразите себе западного исследователя, анализирующего некоторые факты советской истории. 20 июля 1920 года маршал Тухачевский отдал следующий приказ: на наших штыках мы принесем мир и счастье трудовому человечеству. Вперед,— на запад! Вскоре после этого В. И. Ленин * в разговоре с французскими делегатами заметил, что советские войска стоят в Варшаве, скоро нашей будет Германия, мы отвоюем Венгрию, Балканы восстанут против капитализма, зашатается Италия. Буржуазная Европа трещит по всем швам в этой буре.

Задумайтесь о миллионах советских граждан, погибших в результате политики Сталина в период между 1929 годом и второй мировой войной — во время насильственной коллективизации, массовой депортации крестьян, последовавшего в 1932—1933 годах голода и колоссальных чисток (в ходе которых были арестованы и казнены почти все члены партийной иерархии старше 35 лет и одновременно торжественно провозглашена новая Конституция, которая якобы охраняла права советских граждан). Затем возьмите проведенное Сталиным обезглавливание Красной Армии, его отказ поверить в нацистское вторжение в СССР даже после того, как оно началось. Задумайтесь о советских ограничениях гражданских свобод, свободы выражения мнений и права на эмиграцию, о неубывающем эндемическом антисемитизме и преследовании религии. И если вскоре после образования СССР ваши высшие военные и гражданские руководители говорили о намерении вторгнуться в соседние страны, если вашим вождем на протяжении почти половины вашей истории

* Редакция «Огонька» обратилась в соответствующие архивы. Однако ни этой цитаты, ни каких-либо иных высказываний В. И. Ленина такого рода не оказалось. Нам очень жаль, что многомиллионный читатель журнала «Пэрейд» будет введен в заблуждение этой цитатой, на основе которой Карл Саган строит свои выводы.

Окончание на стр. 28.

такой близорукости политиков и целых государств. А это немаловажный вопрос и для установления верного диагноза болезни, и для назначения эффективного ее лечения. Но я понимаю, что в одной статье проблему, требующую глубокого экономического, социально-политического и исторического анализа, не раскроешь.

Еще один верный вывод американского ученого: непримиримую враждебность между США и Советским Союзом рождает целая система самых негативных представлений друг о друге. Конечно, это далеко не исчерпывает причин плохих отношений. Но, несомненно, затрагивает очень важный аспект гонки вооружений и «холодной войны».

Если к этому добавить верные, подчас глубокие мысли насчет путей и направлений радикальной перестройки советско-американских отношений, архаичности многих установлений внешней политики, несоответствия традиционных подходов к международным отношениям, современным реальностям, будет понятно, почему статья Сагана в целом заслуживает положительной оценки.

Так же как идея одновременной ее публикации в американском еженедельнике «Пэрейд» и в советском «Огонек» (оба имеют многомиллионную читательскую аудиторию). Я думаю, это будет одним из конкретных примеров гласности, «честной игры», когда в открытую говорят то, что считают правдой: будь она приятна или нет (добавлю, что не возражал бы и против того, чтобы в духе той же гласности «Пэрейд» опубликовал и мой комментарий к статье).

Но, сказав все это, я все же не могу не поделиться и некоторыми мыслями о тех страницах статьи, где критикуются многие стороны истории, да и нынешней жизни, и политики СССР, равно как и Соединенных Штатов. Критикуются подчас резко и даже зло. Хотя, впрочем, и с оговоркой, что такого рода представления смахивают на карикатуру, к чему тут же дается еще одна оговорка — что карикатуры эти не лишены оттенка правдоподобия и реальности.

Никого, наверное, не удивит, если я признаюсь, что с критикой Сагана в адрес США я, читая статью, испытывал полное внутреннее согласие, а порой меня подмывало кое-что к ней добавить. Но совсем с иным чувством читал то, что американский ученый от себя (либо в качестве утвердившегося на Западе представления) пишет о моей стране, о Советском Союзе.

И тут же поймал себя на мысли: а может, такой мой подход как раз и отражает то, что вызывает столь серьезное беспокойство американского ученого? А именно: склонность по-разному оценивать свою и другую страну, стремление уходить от «неудобных» фактов, готовность смаковать подробности любого проступка, если он совершен «ими», и становиться в позу, как пишет Саган, оскорбленной гордости и уверенности в своей нравственной правоте, когда «они» говорят что-то плохое о «нас».

Наверное, действительно никто от этой человеческой слабости не свободен. Наверное, не избежал этого при чтении и я. Уверен, что такие же чувства будут испытывать многие другие читатели «Огонька». И тем более американские читатели журнала «Пэрейд».

Утверждая так, я не допускаю двойного стандарта.

Потому, во-первых, что советские люди сейчас сами проявляют беспрецедентную откровенность и непримиримость ко всему плохому, что было в истории. Тяжких, даже трагических страниц в ней было немало, и никто больше нас этого не переживает, об этом с болью не думает. Не отворачиваемся мы и от негативных явлений, с которыми приходится сталкиваться сейчас, зная, что только смелый их анализ позволит решительно идти вперед.

В этом плане статья Сагана может лишний раз показать советским читателям, сколь неосновательны страхи тех, кто возражает против гласности на том основании, что ею во вред нам могут воспользоваться «там», на Западе. «Там», на Западе, о негативных фактах нашей истории, о неладах, имеющихся сейчас, и без нашей самокритики все давно знают и давно о них говорят. И когда мы не уклоняемся от суровой правды сами, то лишь укрепляем свой авторитет, доверие к тому, что сами свои проблемы решим и недостатки исправим.

А, во-вторых, по моим многолетним наблюдениям, американцы, пожалуй, больше любой другой нации чувствительны к критике их страны, ибо очень уж многие из них в глубине души продолжают считать себя «богом избранной» нацией, этаким «сияющим городом на холме». Да и нелепых представлений, предрассудков о нашей стране у них куда больше, чем у наших людей о США (хотя никто не без греха). То же самое относится к готовности верить небылицам о другой стране, появляющимся в собственных средствах массовой информации. (Причины такой «асимметрии» заслуживают особого изучения, но я не сомневаюсь в самом факте: меня в нем убедили двадцать лет активного общения с американскими аудиториями, с которыми я говорил об СССР, и с советскими, с которыми говорил об Америке.)

Мне кажется, что эти наблюдения на свой лад невольно подтверждает своей статьей сам Карл Саган. Подтверждает тем более красноречиво, что ни у кого не может быть сомнений на тот счет, что мы имеем дело не с рядовым обывателем из американской глубинки, а человеком незаурядным по эрудиции, знаниям, уму и широте взглядов.

Что я имею в виду?

К Америке профессор Саган в статье, спору нет, суров. А к нам, к Советскому Союзу, не только суров вдвойне, но кое в чем и несправедлив. Что я отношу не за счет предвзятости, а за счет того простого факта, что даже самый независимо мыслящий человек не может не испытывать давления среды, взглядов, настроений, а вместе с ними и предубеждений общества, в котором он живет.

Эти предубеждения, несомненно, повлияли на некоторые его рассуждения о Советском Союзе, окрасили их.

Это относится к некоторым частностям.

О «разрушении» Лапландской культуры, например, якобы происшедшем вследствие Чернобыля.

И о том, что происходило в 1968 году в Чехословакии,— упрощать до такого предела тогдашние сложные, болезненные процессы и потрясения в этой стране серьезному ученому просто не подобает.

Не думаю также, что вот так, походя, стоило бросать нашей стране упрек в «неубывающем эндемическом антисемитизме». Во-первых, это обвинение неверно по существу. Во-вторых, антисемитизм — явление, от которого, пожалуй, не свободна полностью ни одна страна, включая Америку. И, в-третьих, явление это сложное, в обращении с ним надо проявлять должный такт. В частности, ничто не провоцирует сейчас антисемитские настроения так, как не прекращающаяся на Западе кампа-

Окончание на стр. 28.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ПО ПРАВУ ДЕМОКРАТИИ

Уважаемые читатели! За прошлый месяц «Огонек» получил писем больше, чем когда бы то ни было. Нет ничего важнее, чем знать, что мы нужны вам, нет ничего ответственнее, чем быть на уровне вашей взыскательной заинтересованности. Именно по вашим письмам мы планируем номера, именно с учетом ваших запросов строим всю свою деятельность. Очень хочется помочь каждому, кто просит о помощи, очень важно ответить на ваши вопросы, потому что любой из них — часть проблем, волнующих сегодня многие миллионы людей. Нет малых забот, нет малой боли, если люди желают откровенно понять происходящее и посильно помочь перестройке, осознанно изменяя жизнь к лучшему. Ведь любое из наших с вами выступлений — даже самых критических — направлено на пользу дела, определяется этой пользой.

Мы откровенны — должны быть откровенны — друг с другом. Даже не соглашаясь, даже споря, впрямую выкладывая все аргументы, мы должны оставаться товарищами по общему делу перестройки; даже сходясь в споре, мы обязаны уважать друг друга. Спасибо, дорогие читатели, за ваши откровенность и взыскательность.

Впрочем, иногда в письмах звучит странная фраза, и я хочу напомнить ее вам. Фраза эта (в разных вариантах) сводится к формуле «По какому праву?». «По какому праву тронули нынешнего руководителя?», «По какому праву тронули бывшего?», «По какому праву критикуете писателя — национальное достояние?», «По какому праву критикуете писателя — юное дарование?». Часть наших читателей продолжает верить, что разрешения на критику выдаются, будто охотничьи лицензии, а без них, без согласования-позволения, трогать кого бы то ни было запрещено. Вам укажут...

«По какому праву?». По праву демократии. Которое, кстати, воспринимается авторами ряда писем с привычным своеобразием. Дело в том, что часто письма с претензиями к журналу нам дают читать из высоких директивных органов, ибо письма адресованы туда.

Каждый гражданин, понятное дело, волен писать куда угодно, на то и почта работает. Но странным представляется мне первое желание правдолюба написать о своем отношении к журнальной публикации именно жалобу и — «на самый верх». Ну почему, скажите, если некоему грамотному человеку не нравится опубликованная у нас статья, ему не обратиться к нам, не поспорить? Так нет же, привычно «сигнализирует наверх», во влиятельную газету, организацию, в общем — «куда следует». Чуть не воскликнул: «По какому праву?». И тут же подумал: пусть шлют на здоровье. Мы ведь лишь учимся спорить, а кое-кто, воспитанный окриками, усвоил их как лучший и единственный аргумент — навсегда. Так сказать, человек, являющийся продуктом прежних времен и одновременно их жертвой.

Что характерно: за последние двадцать месяцев редакция ни разу не обращалась в вышестоящие органы с просьбой о заступничестве и помощи, хоть и критиковали и оскорбляли нас не однажды. Спорим, храня в себе уважение к оппонентам. Но уважаем и руководителей страны, храним ощущение, что есть у них достаточно забот, кроме тех, что пробуют навязать им амбициозные любители исключительно приказного выяснения истины. А ведь требуют, чтобы в любом споре декретом назначали правых и виноватых, и — никаких споров!

Дорогие наши читатели, еще раз спасибо вам за помощь и поддержку. Мы рады будем каждому вашему письму; при необходимости ответим и на те, что адресуются через нашу голову. Но если вам что-то нравится или не нравится в «Огоньке», давайте разговаривать в открытую, и прежде всего между собой, на страницах журнала. Мы готовы к этому; судя по большинству ваших писем, вы — тоже. Значит, у нас и вокруг нас прибавилось откровенности и ответственности. Да будет их еще больше: даже если не сразу — многим так нелегко переучиваться...

Виталий КОРОТИЧ



■

Ваш журнал возвращает нам имена соратников В. И. Ленина, погибших в результате сталинского произвола, а также Ф. Раскольникова.

Я был мальчишкой, когда его флотилия подошла к городу Сарапул. За несколько дней до этого дивизия Азина освободила город от белогвардейцев. В Сарапуле командир Волжской флотилии узнал, что, оставляя город, белогвардейцы увели вверх по Каме баржу, на которой находились сотни заключенных — советских работников и красноармейцев, которых ждала верная смерть. Ф. Ф. Раскольников с тремя миноносцами бросился вдогонку. И в селе Гольяны спас людей, заключенных на «барже смерти». Впоследствии я учился в школе с дочерью спасенного Раскольниковым Манохина и Сергеем Добрых, отца которого расстреляли на барже белые.

Мне посчастливилось жить на улице, носившей имя Раскольникова (бывшей Зеленой). Впоследствии ее переименовали в улицу Седельникова. Само имя Раскольникова было предано забвению, но для меня он оставался героем гражданской войны.

Л. А. ФЕДОРОВ,
ветеран труда
Свердловск

■

Наша лаборатория, работая в различных областях медицины, экологии, физики и химии, уже свыше 30 лет занимается проблемой курения. Точнее — не может не заниматься. Когда загрязнение окружающей среды превышает предельно допустимую концентрацию (ПДК), шансов заболеть становится значительно больше. Поэтому государство тратит огромные средства на то, чтобы этого не произошло, на очистные сооружения, например. Но вот закуривает человек сигарету и начинает дышать табачным дымом. А его загрязненность в 384 000 раз превышает ПДК. Вдыхать табачный дым в четыре с лишним раза вреднее, чем выхлопной газ автомобиля, непосредственно идущий из трубы. В совершенно чистой атмосфере организм курящего подвергается такому токсическому воздействию, будто он находится там, где загрязнение составляет 1100 ПДК (по гигиеническим нормам оно не должно превышать 1 ПДК). Такое загрязнение в условиях промышленных центров не встречается. Иными словами, для курящих проблемы окружающей среды практически не существует. И для них затраты на очистку отходящих газов — пустая трата средств.

Добавлю только, что в табачном дыме около 200 особо ядовитых веществ, он удаляет из воздуха легкие ионы и другие аэровитамины. Это не позволяет курильщикам и тем, кто их окружает, пользоваться благотворным качеством воздуха — его свежестью. Часто слышишь: ну, это давно известно, что курить вредно. Но так ли известно, как многие думают?

Хочется все-таки верить, что наши современники достаточно цивилизованны, чтобы не отравлять себя. Пусть те немногие сведения, которые здесь приведены, послужат им предостережением.

М. Т. ДМИТРИЕВ,
профессор,
заведующий лабораторией
НИИ общей и коммунальной гигиены
Академии медицинских наук СССР

■

За последнее время на страницах некоторых газет и журналов и по Центральному телевидению участились случаи выступлений быстро перестроившихся знатоков истории, которые позорят все наше социалистическое, на чем воспитывались и воспитываются поколения преданных коммунизму людей.

В «Литературной газете» 9.12.87 года генерал-полковник Д. Волкогонов в статье «Феномен Сталина» изложил путаницу исторической действительности, пытался восхвалять заслуги Троцкого, Бухарина и К° и на фоне этого облить грязью Сталина и всю действительность нашей партии. Он же в своем выступлении по Центральному телевидению назвал тов. Сталина преступником, сославшись на то, что располагает для этого достоверными источниками. И правомерно ли ему судить о каких-то военных просчетах, а тем более о «преступлениях» И. В. Сталина, перед которым вольно или невольно вытягивались по стойке «смирно» даже такие руководители великих государств, как Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль, держа руки «по швам».

Не пора ли всем критиканам заняться своим непосредственным делом, чтобы в кратчайшие сроки помочь восстановить разрушенную за последние десятилетия экономику нашего государства, и прекратить валить все на тов. Сталина?

Член-корреспондент Академии наук СССР П. Волобуев в журнале «Наука и жизнь» в № 11 за прошлый год предлагает «новые подходы к изучению Октябрьской революции», сетует по поводу «обезличивания истории», сожалеет, что «незаслуженно» забыта «известная обойма активных деятелей Октября — Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков».

Заканчивая, П. Волобуев вопрошает о необходимости: 1. Признания закономерности дискуссий и обсуждений в партии; 2. Решительного осуждения фракционной борьбы, нетерпимости к фракционной деятельности внутри партии. И в то же время призывает «быть готовыми к острой борьбе». Разве тем самым П. Волобуев не призывает к открытой фракционной борьбе внутри нашей партии на современном этапе?

Доктор исторических наук В. Кулиш в журнале «Наука и жизнь» (№ 12, 1987 год) искажает действительность исторических событий

200 ЯДОВ ТАБАЧНОГО ДЫМА ●
СУДЬБА ТРУДОВ В. М. БЕХТЕРЕВА ●
БУДУТ ЛИ ЧИТАТЬ «ОГОНЕК» НА СЕЛЕ? ●
О ПАМЯТНИКЕ ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ ●

военного времени, пытается приписать вину И. В. Сталину и другим великим полководцам за «просчеты и поражения» в начальный период войны и пытается опозорить стиль и методы сталинского руководства в ходе всей войны.

Я не понимаю историков — чего они в конечном счете хотят? Уж не сожалеют ли вместе с Западом, что мы, коммунисты, выиграли войну? Или они это делают только ради гонорара?

В газете «Неделя» № 5 за этот год И. Бестужев-Лада в статье «Правду и только правду» поставил под сомнение все завоевания Советской власти в период коллективизации, индустриализации и в годы Великой Отечественной войны, тем самым нанес политическое оскорбление всему нашему поколению. Под видом борьбы за перестройку Бестужев-Лада выискивает и создает противников перестройки среди нашего старшего поколения, разбив нас на пять быстро убывающих («по естественным причинам») групп, с которыми, по его мнению, нечего и считаться.

В конце февраля в Московском физико-техническом институте состоялось собрание ветеранов партии, войны и труда. Собрание считает эту статью политически вредной, особенно для студенческой молодежи, и выражает свой протест автору.

М. Т. НОВИКОВ,
проректор Московского физико-технического института

■

В минувшем году исполнилось 130 лет со дня рождения великого ученого и врача, невропатолога и психиатра Владимира Михайловича Бехтерева. Он был гениальным диагностом (чего стоит такая оценка, данная В. М. Бехтереву его современниками: «Как работает головной мозг, знают только двое — бог и Бехтерев»), блестящим организатором науки и медицины, великолепным популяризатором.

В 1923 году, когда тяжело болел Владимир Ильич, В. М. Бехтерев был приглашен для консультации. Почему он не был назначен лечащим врачом В. И. Ленина, зачем надо было приглашать врача из-за границы, когда рядом был свой гениальный невропатолог? По свидетельству старых московских врачей, Бехтерев осматривал и Сталина.

В декабре 1927 года ученый умер. За 32 часа до смерти он был здоров. 22 декабря выступил на I Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров с докладом о коллективной психопатии, затем был в Большом театре. Ночью почувствовал боли в животе и на следующий день скончался. Эта смерть вызвала недоумение у его друзей и соратников, и оно, наверное, было на чем-то основано.

Последняя работа В. М. Бехтерева была опубликована в 1928 году («Мозг и его деятельность»). И затем только в 1954 году вышла книжка его избранных трудов. И это у ученого, написавшего за свою жизнь более 600 блестящих работ! У нас в библиотеке АН МССР нет ни одной работы В. М. Бехтерева. На чем должны учиться современные исследователи, если работы гения недоступны, как перестраивать медицину, если опыт великого врача «забыт»?

Не переизданы в наше время такие книги, как «Коллективная рефлексология», «Рефлексология труда». Мы покупаем книги по гипнозу и внушению за рубежом, с трудом пробила себе дорогу психотерапия, а познакомиться с работами В. М. Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни», «Личность и условия ее развития и здоровья», «Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение» не имеем возможности. Негде прочесть его труды «Моральные итоги мировой войны», «Война и психозы». И надо ли объяснять значение работы о массовом психозе, в которой с позиции врача-невропатолога описываются приемы массового оболванивания людей. Много лет В. М. Бехтерев вел борьбу с алкоголизмом, его сочинение «Алкоголь и борьба с ним», увы, оказывается, имеет непреходящее значение, но где оно?

В течение 20 лет В. М. Бехтерев занимался вопросами полового воспитания детей, поведением ребенка раннего возраста. А по сегодняшней литературе создается впечатление, что мы здесь только начинаем.

Ученый первым пытался объяснить некоторые процессы в организме человека с точки зрения физики, привнести физические понятия в медицину и даже в психологию. Над ним смеялись и оппоненты и соратники, а спустя 50—60 лет появились биофизические лаборатории.

Не является ли судьба научного наследия В. М. Бехтерева результатом монопольного владения истиной теми, кто, прикрываясь именем Павлова, организовал печально известную сессию АМН СССР по физиологии в 1950 году с последствиями, аналогичными «лысенковской» сессии ВАСХНИЛ 1948 года?

В. А. МАЗУР,
сотрудник отдела электронной микроскопии ЦАМ АН МССР
Кишинев

■

Прочитали вместе с женой статью «Что в ребячьем гардеробе?» (№ 39 за 1987 год). У нас двое детей — 6-ти лет и шести месяцев. Из этого следует, что моей жене еще целый год сидеть с ними дома. Конечно, есть желание подработать, но где и как? И тут, о радость, интервью с зам. министра легкой промышленности В. Е. Пантелеевым, где он прямо гарантирует, что к нам внимательно отнесутся в отделах кадров.

У нас есть отличная швейная машинка, кое-какие навыки (платья для детей, штанишки и прочее моя жена шьет сама) и, наконец, есть желание помочь решить эту неразрешимую пока проблему с детской одеждой, да неплохо и заработать маленько.

Но, увы, Виктор Ефимович, мы не смогли воспользоваться вашим приглашением, так как, позвонив в отдел кадров нашей Ангарской швейной фабрики, получили от ворот поворот. Оказывается, нужно уволиться с прежнего места работы, устроиться к ним, да еще полгода учиться. Естественно, что для нас лучше шить дома, тем более, что через год жена выйдет на свою работу. Да и в отделе кадров нам дали понять, что фабрика в наших услугах не нуждается.

Обращаюсь к вам, Виктор Ефимович, через журнал, так больше гарантии, что письмо попадет на глаза именно вам.

В. В. МОИСЕЕНКО
Ангарск Иркутской области

■

Чувство неудовлетворения вызвало у многих, не только у нас — членов семьи А. Т. Твардовского, опубликованное в печати сообщение о составе жюри, которому предстоит определять художественную значимость проектов памятника Василию Теркину в Смоленске. Созданное по принципу представительства от республиканских организаций, жюри заметно испытывает дефицит в таких людях, которые знали поэта лично, изучали его творчество, писали о его творческом пути, наконец, знакомили с его поэзией широкие массы слушателей. Оказались обойденными такие, например, литературные критики, как Ю. Буртин, А. Турков, В. Лакшин; актеры — Олег Табаков, Михаил Ульянов, которым многие и многие слушатели обязаны своему знакомству с поэзией Твардовского; представители изобразительного искусства — О. Верейский, И. Бруни, иллюстрировавшие поэму, знакомые с ней с военных лет.

Хотелось бы отметить еще один, более щепетильный момент. Конечно, «ради дела» мы нередко пренебрегаем некоторыми приличиями, принятыми в мире. Вот и в данном случае: ни одного из членов семьи Александра Трифоновича Твардовского в жюри нет.

Сейчас начинают возникать разговоры о сближении рядов и забвении конфликтов. Конечно, придерживаясь поверья, что худой мир лучше доброй ссоры, разговоры о мире следует учитывать. Однако не тем ли самым равнодушием, которое в свое время удерживало этих примирителей от вмешательства в конфликты, диктуются теперь их советы о «замиренье»?

Перестройка наших дней идет не только в сфере производства. Высокую требовательность к себе и самокритичность — вот что спрашивает перестройка с каждого. Со дня появления в печати «Письмо одиннадцати» — «Против чего выступает «Новый мир»?» (опубликованное в «Огоньке» № 30 за 1969 год) — не подвергалось пересмотру со стороны лиц, его подписавших. Не воспользовавшись правом «отставки» по собственному желанию, смело приняв на себя новые обязанности судьи над Теркиным, и тем самым над создателем этого образа, писатель П. Проскурин не может не вызвать протеста.

Как он мог оказаться в составе жюри?

И можно ли, нужно ли примириться с этим?

М. И. ТВАРДОВСКАЯ

■

Перечитывая «Огонек» за прошлый год, увидел, что с предложением увековечить память жертв репрессий выступил в журнале Евг. Евтушенко. Как мы забывчивы! Ведь такое предложение уже было высказано с самой высокой трибуны на XXII съезде партии и, по сути дела, одобрено всеми делегатами. В «Заключительном слове на XXII съезде КПСС» 27 октября 1961 года Н. С. Хрущев говорил: «Товарищи предлагают увековечить память видных деятелей партии и государства, которые стали жертвами необоснованных репрессий в период культа личности. Мы считаем это предложение правильным. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Целесообразно было бы поручить Центральному Комитету, который будет избран XXII съездом, решить этот вопрос положительно. Может быть, следует соорудить памятник в Москве, чтобы увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола. (Аплодисменты.)»

Было высказано предложение, были аплодисменты, памятника только пока нет. А он должен быть.

Э. И. ПАШНЕВ
Москва

■

С 1987 года было решено регулировать подписку на периодические издания. Конторам малого ранга запрещается выписывать, что на ум взбредет, и это правильно, государственные средства надо тратить с умом. Все же в приказе было сказано, что ограничения в подписке не должны коснуться массовых библиотек. Может быть, я чего-то недопонимаю, но, мне кажется, сельская библиотека должна считаться массовой.

▶



Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.



В этом году нас лишили права подписки на «Огонек». Даже во время войны наша изба-читальня (так называлась тогда библиотека) получала «Огонек», и мы, дети, если удавалось пораньше освободиться от работы — а работали наравне со взрослыми,— бегали его читать, смотреть картинки. Многие литературные новинки тогда печатались в «Огоньке».

И вот запрет. Мне могут сказать: выписывай сам. Но мы узнали о том, что не будет «Огонька», когда должен был прийти первый номер. К тому же я из своих 80 рублей оклада уже 50 заплатил за подписку периодики, и увеличение этой суммы не вызывает восторга у семьи.

Если действовать по принципу «любишь читать — выписывай сам или покупай сам», можно не долго думая закрыть и библиотеку: покупай книги сам, в районном книжном магазине. А магазин в 30 километрах. Разве рядовому читателю это доступно? Не будь библиотеки, мы бы ни одной книги не прочитали.

Убежден, что с запретом на «Огонек» для сельских библиотек явно поторопились. Именно в наших библиотеках он и должен быть. Потому что в сельской местности продажа периодики в розницу не производится. А в районную библиотеку за 30 километров каждую неделю не поедешь.

М. Д. СКРИПАЧЕВ
с. В. Колчурино Татарской АССР

■

Вскоре после того, как американский журнал «Лайф» в своем февральском номере за этот год перепечатал из «Огонька» документальную повесть Артема Боровика про Афганистан «Встретимся у трех журавлей», к нам в редакцию поступило письмо-отклик от известного английского писателя Грэма Грина:

«Среди всех материалов, которые мне приходилось читать про войну в Афганистане, я не встречал ничего, что можно было бы сравнить с «Встретимся у трех журавлей» — рассказом очевидца о солдатских буднях без примеси пропаганды. Словом, это уже литература, а не журналистика».

Грэм ГРИН
Антиб, Франция

■

Центральное телевидение откликнулось на 50-летний юбилей В. Высоцкого фильмом, созданным Эльдаром Рязановым «Четыре встречи с Владимиром Высоцким». Они были показаны в конце января в вечерние часы и повторялись следующим утром. Четвертая часть, названная «Поэт, исполнитель, музыкант», повторялась 28 января в 8.55.

Но она оказалась укороченной. Исчезло исполненное Рязановым стихотворение Высоцкого «Черный человек».

Кто и зачем это сделал? Ведь это не просто неуважение к телезрителям, это неуважение (в который уже раз!) к памяти поэта.

Г. А. МОЗЕНСОН,
участница Великой Отечественной войны
Мытищи Московской области

КОГДА ПЕЧАТАЕТСЯ ТИРАЖ?

В последнее время в редакцию приходит много писем, особенно от ленинградцев, с жалобами на то, что «Огонек» поступает к ним на два-три дня позже, чем в прошлые годы.

Дорогие друзья! Как вы знаете, в нынешнем году подписка увеличилась в два с половиной раза, вырос, хоть и не намного, тираж. Но производственные мощности остались прежними. Раньше, когда в Москве было 14 тысяч подписчиков, типография издательства «Правда» успевала напечатать за пятницу и «черную» (рабочую) субботу журнал для столицы, пригорода, Ленинграда, Киева, Харькова, Минска и сдать его в отделения перевозки почты на вокзалах. Но теперь в Москве 155 тысяч подписчиков, и в конце недели типография успевает напечатать журналы только для москвичей и пригорода столицы.

В этом году график отправки «Огонька» изменился.

В ПОНЕДЕЛЬНИК журнал печатают для Ленинграда, Киева, Харькова, Минска и социалистических стран.

ВО ВТОРНИК «Огонек» доставляется на Казанский прижелезнодорожный почтамт, чтобы следовать в Ташкент, Рязань, Челябинск, Целиноград, Уфу, Ульяновск, Йошкар-Олу, Казань, Тюмень, Алма-Ату, Петропавловск, Омск, Караганду, Новосибирск, Свердловск, Семипалатинск.

В СРЕДУ — поступает в отделения перевозки почты: Киевского вокзала (для Брянска, Львова, Калуги, Чернигова), Белорусского (для Смоленска, Вильнюса, Калининграда), Рижского вокзала (для Латвии), Савеловского (Рыбинск и другие попутные города), на Ленинградский вокзал (для Ленинградской области, Мурманска) и на придорожный почтамт Ярославского вокзала, чтобы следовать в Пермь, Иркутск, Владивосток, Хабаровск, Читу, Новокузнецк, Кемерово, Нерюнгри, Улан-Удэ.

В ЧЕТВЕРГ журнал получают: отделение перевозки почты при Курском вокзале (для отправки в Тбилиси, Севастополь, Симферополь, Днепропетровск, Ростов-на-Дону, Батуми, Киров, Пермь, Ереван, Кременчуг и другие города этого направления), прижелезнодорожный почтамт Павелецкого вокзала (для Тамбова, Астрахани, Саратова, городов Нижней Волги) и почтамты Москвы — для дальнейшей отправки мелких посылок по всем направлениям, в том числе на Крайний Север.

После того, как журнал поступает на вокзалы, его дальнейший путь к подписчикам находится в ведении Главного управления почтовой связи министерств связи РСФСР и СССР.



Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

ПАЛИТРА

ВИДОПИСЕЦ ЕМЕЛЬЯН КОРНЕЕВ

1780—1839

НОВОЕ ИМЯ
В ИСТОРИИ
РУССКОГО ИСКУССТВА



Открытие неизвестного художника прошлого — дело нечастое. Многим памятно, какими крупными событиями культурной жизни стали в последние десятилетия «находки» таких выдающихся мастеров XVIII века, как Иван Вишняков, которого вернула истории нашего искусства Т. Ильина, или Григорий Островский, ставший известным благодаря С. Ямщикову. Без этих художников сейчас уже трудно представить себе развитие жанра русского портрета.

Если же говорить об истории отечественного пейзажа, то наше представление о нем наверняка пополнит творчество Емельяна Корнеева. Сразу оговоримся: его не нужно причислять к корифеям. Но великаны искусства, как известно, не являются на пустом месте, их рождает благодатная художественная среда, которую составляют многие художники, мастера высокого класса.

Одним из таких мастеров и был в начале XIX столетия Емельян Михайлович Корнеев — выпускник Петербургской Академии художеств 1800 года. До недавнего времени подлинных рисунков художника (Корнеев работал в графике) было известно не более десятка. Правда, по его рисункам были выполнены некоторые гравюры двухтомного альбома «Народы России», изданного в Париже, но по этим типажным гравюрам не так-то просто судить об оригиналах.

Открытие Корнеева состоялось в обычной будничной работе. На стол Надежды Николаевны Гончаровой — старшего научного сотрудника Государственного исторического музея в Москве легли папки с анонимными пейзажными рисунками, которые предстояло атрибутировать. Все они еще в прошлом веке были одинаково окантованы и снабжены подписями на французском языке. В музей рисунки поступили в 1919 году из семейного собрания Якушкиных — потомков известного декабриста. Считалось, что на них изображены места сибирской ссылки его товарищей.

Однако скоро стало ясно, что многие рисунки — целая серия, написанная рукой одного, и притом хорошего, мастера,— более ранние работы. Подтверждала такой вывод и дата, которая стояла на одном из листов,— «Вид Абаканского острога на Енисее». 29 декабря 1802 года.

В начале прошлого века русские художники не часто путешествовали по Сибири, поэтому выяснить, кто из художников побывал там в 1802 году, не составляло большого труда. Их оказалось двое — В. П. Петров и Е. М. Корнеев. Рисунков Петрова сохранилось много, но их стилистика заметно отличалась от рисунков якушкинской коллекции. Зато последние оказались очень близки гравюрам из альбома «Народы России», сделанным по работам Корнеева. Тщательное сопоставление альбомных гравюр Корнеева с анонимными рисунками выявило повторяющиеся детали. А когда и там, и здесь обнаружился один и тот же вислоухий пес с коричневыми подпалинами, сомнений уже не осталось: автор — Корнеев. Это совпадало и с данными его биографии — известно, что он был художником экспедиции генерала Е. М. Спренгпортена, шведа на русской службе, которая в 1802 году выполняла «военно-стратегический осмотр Азиатской и Европейской России».

Однако нужны были еще документальные подтверждения авторства Корнеева. Попутчиком его в экспедиции был 19-летний прапорщик А. Х. Бенкендорф. Тот самый! Конечно, в 1802 году никто не думал, что скромный офицер станет со временем всесильным начальником Третьего отделения импера-



ВИД ГОРОДА ЧЕРКАССКА. 1803.

торской канцелярии. Архив Бенкендорфов — прибалтийских помещиков хранится в эстонском городе Тарту. Тут-то и нашлась опись серии рисунков, сделанных в ходе экспедиции, как сказано в одном из архивных документов,— Емельяном Корнеевым. Круг замкнулся. «Произведения неизвестного художника» обрели автора.

Корнеев оказался талантливым видописцем. Так называли мастеров-пейзажистов в тот период, когда завершался переход от условного декоративного пейзажа XVIII века к реалистическому изображению конкретной местности — сельской или городской. На рубеже XVIII и XIX столетий родилась у нас и видовая графика, которая очень скоро стала в России едва ли не самым массовым, распространенным видом изобразительного искусства. Художники-видописцы, движимые патриотическими чувствами, стремились запечатлеть все доступные им уголки родной страны, участвовали в экспедициях и сами предпринимали далекие и продолжительные путешествия. У истоков русской видовой графики и стоял наряду с другими мастерами Емельян Корнеев.

Однако, как это часто бывает, новые знания породили и новые вопросы. Вот, например, один из них.

ВИД КРЕПОСТИ «НЕДРЕМАННАЯ». 1803.



ВИД КАЗАНИ
С ЗАПАДА.
1803.

ВИД
БАЛАКЛАВСКОГО
ЗАЛИВА
1804.

В 1819 году отправились в путь корабли крупнейшей русской научно-исследовательской экспедиции для изучения полярных морей и земель северного и южного полушарий Земли. Южный отряд этой экспедиции под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, как известно теперь каждому школьнику, открыл Антарктиду. А Северный отряд в течение трех лет исследовал Ледовитый океан у берегов Азии и Америки. В плавании участвовали художники. В южные моря ходил П. Н. Михайлов, в северные — Е. М. Корнеев.

Оба привезли из экспедиции много рисунков. Часть работ Михайлова была опубликована еще в прошлом веке в атласе Южной экспедиции. Рисунки же Корнеева были отобраны в Государственный адмиралтейский департамент. Собирались, видимо, издать труды Северного отряда, как был издан атлас Южного. Известно, что рисунки передавались из одной канцелярии в другую, пока след не затерялся. Не нашли их до сих пор. Возможно, они погибли, а может быть, лежат где-то на архивных полках, ожидая удачливого исследователя.

О нелегких поисках, о находках и неудачах, о новых вопросах и новых разысканиях, а в конечном счете — о творчестве большого русского графика рассказывает иллюстрированная монография Н. Гончаровой, которая выйдет в издательстве «Искусство».

Б. КРАЕВСКИЙ

Константин
ВАНШЕНКИН

ИЗ ЛИРИКИ



ЛЫЖНЯ

Ослепительный росчерк лыжни,
Наслажденье от легкого бега.
На ходу зачерпни и лизни
Хоть немножко январского снега.

В поле ходит поземка, пыля.
Время жесткое многое стерло.
Но дистанции этой петля
Захлестнула пожизненно горло.

Я подробно ее сберегу,
Я на прошлое памятью падок.
Возле школы, на синем снегу,
Роща лыжных бамбуковых палок.

Давней юностью сдунуты с парт,
Нынче смотрим растерянным
взглядом:
Оказалось, что финиш и старт
Для удобства находятся рядом.

* * *

Не моют кудри дождевой водой,
Попасть под дождь и то бояться
стали.

Пусть даже увеличился удой,
Но неохота спать на сеновале.

Над миром прояснились небеса,
И облака холодные отплыли.
Отравленная корчится краса,
Страдающая, горькая от пыли.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР

Для важных дел,
Что не видны,
Пришел в отдел
В конце войны.

Пришел в КБ
Его рычаг
Еще в х/б
И в кирзачах.

Башкой силен,
В работе злой,
Оставил он
Культурный слой.

И в кабинете,
И в толпе,
И на планете,
И т. п.

НИЩИЕ

Доносятся обрывки фраз.
Но, странно! — что б вы ни сказали,
Все это было много раз,
Замешенное на скандале.

Пусть вам не нужен посошок,
Вы все же несомненный нищий,
Что давится, раскрыв мешок,
Засохшею духовной пищей.

НЕДАВНО

Мрачен и завистлив,
Карандаш слюня,
Худшее замыслив,
Смотрит на меня.

О победном бое
Объясняет мне.
А, само собою,
Не был на войне.

Учат импотенты
Вздохам до зари.
А не компетентны,
Черт их подери!

ВИДЕНИЕ

Грозища стихла,
И, словно вор,
Кот ростом с тигра
Вошел во двор.

Минуя заросль,
В дверях возник.
Так показалось
Всего на миг.

Над гребнем хижин
Скользнула тень...
Как был унижен
Я страхом тем!

СТАРИК

Прочною служит основою
Собственной жизни плато.
Но на хрена ему новое,
Модное это пальто.
Впрочем, не следует спрашивать.
Не повернуть его вспять.
Хочет носить — не донашивать,
Жить — а не век доживать.

* * *

Давний порядок
Сердцу знаком.
Снова приехал,
Щелкнул замком.

Голое поле.
Синий простор,
Что над землею
Купол простер.

Дальней дороги
Серый бетон.
Листьев осенних
Полон балкон.

* * *

Какие женщины в пейзаже,
На фоне скверов и морей! —
Готов понять и тех, кто даже
Моложе дочери моей.

Но в самом беглом разговоре
Я замечаю в тот же миг,
Что я, пожалуй, не в фаворе,
О чем не скажут напрямик.

Приветливые, как вначале,
Уходят, галькою шурша.
И слабым отзвуком печали
Мгновенье тешится душа.

РОЗЫ

Посереди стола, за час до вашей
ссоры,
Букет пунцовых роз, раскрывшихся
слегка.
И пусть они к себе притягивают
взоры,
Вы чувствуете в них оттенок
холодка.

Четыре лепестка осыпались
с букета,
Лежат, отражены поверхностью
стола.
И сразу придало
естественности это,
Покуда ты в ладонь их молча
не смела.

ЛАСКА

Пристрастие к слезам
Послужит ли уроком?
Обиделся — и сам
Обидел ненароком.

Но не желала зла
Всему, что сердцу мило.
Тихонько подошла
И ласку применила.

ПЕСЕНКА

Пела в мамином дому:
«То ли девочкой останусь,
То ли мальчику достанусь —
Не известно никому...»

Приблатненный тот мотив
Зацепила краем уха,
И остался в поле слуха,
Чем-то душу захватив.

Затуманенная высь
Принимала эти звуки.
...Позже дети родились.
Вскоре, кажется, и внуки.

Но однажды, как в дыму,
Сладко вспомнилось под
старость:
«То ли девочкой останусь,
То ли мальчику достанусь —
Не известно никому...»

ЛАУРЕАТ

Тут премия на вас упала,
словно манна,
И хоть во всем другом вы вовсе
не слепой,
Вы стали утверждать в пылу
самообмана,
Что это нынче к вам пришло
само собой.

Пришло само собой, и вы
небрежно-рады,
Спокойны и горды, что видно
по всему...
Но домогаться так настойчиво
награды —
Как поздравленья слать себе же
самому.

* * *

Золотая Флоренция. Здесь,
Закатившись на юг отчего-то,
Петербургом пронизанный весь,
Достоевский писал «Идиота».

Он себя на разлуку обрек,
Но не так, как случается ныне.
Отдавая России оброк,
Свою книгу кончал на чужбине.

Видел явственно, как наяву,
То, что вспомнить почти уже
не с кем:
В полыньях потускневших Неву
И морозные клубы над Невским.

В суете итальянского дня,
Полон болью своей городскою,
Век спустя, он окликнул меня
Этой мемориальной доскою.

* * *

Как будто выполняя уговор,
К тебе приехав, пил тогда
за здравие
Твоих людей, долин твоих и гор,
Запавшая нам в душу Югославия.

Моя любовь, и радость, и вина,
И сбывшиеся добрые пророчества.
...Мальчишеские женщин имена.
Фамилии, похожие на отчества.

* * *

На акватории рижской,
Словно поднявшись со дна,
Мачта тонюсенькой риской
В зыбком просторе видна.

Мачта рыбацкого судна
Или каких субмарин.
В море пустынно и скудно,
Марево, как стеарин.

Редкую эту примету
Всячески пестует взгляд.
Но чуть отвлекся — и нету.
Воды безлюдием злят.

Впрочем, сидел бы я в нише,
Воспоминания стриг,
Если б не этот — возникший
И потерявшийся штрих.

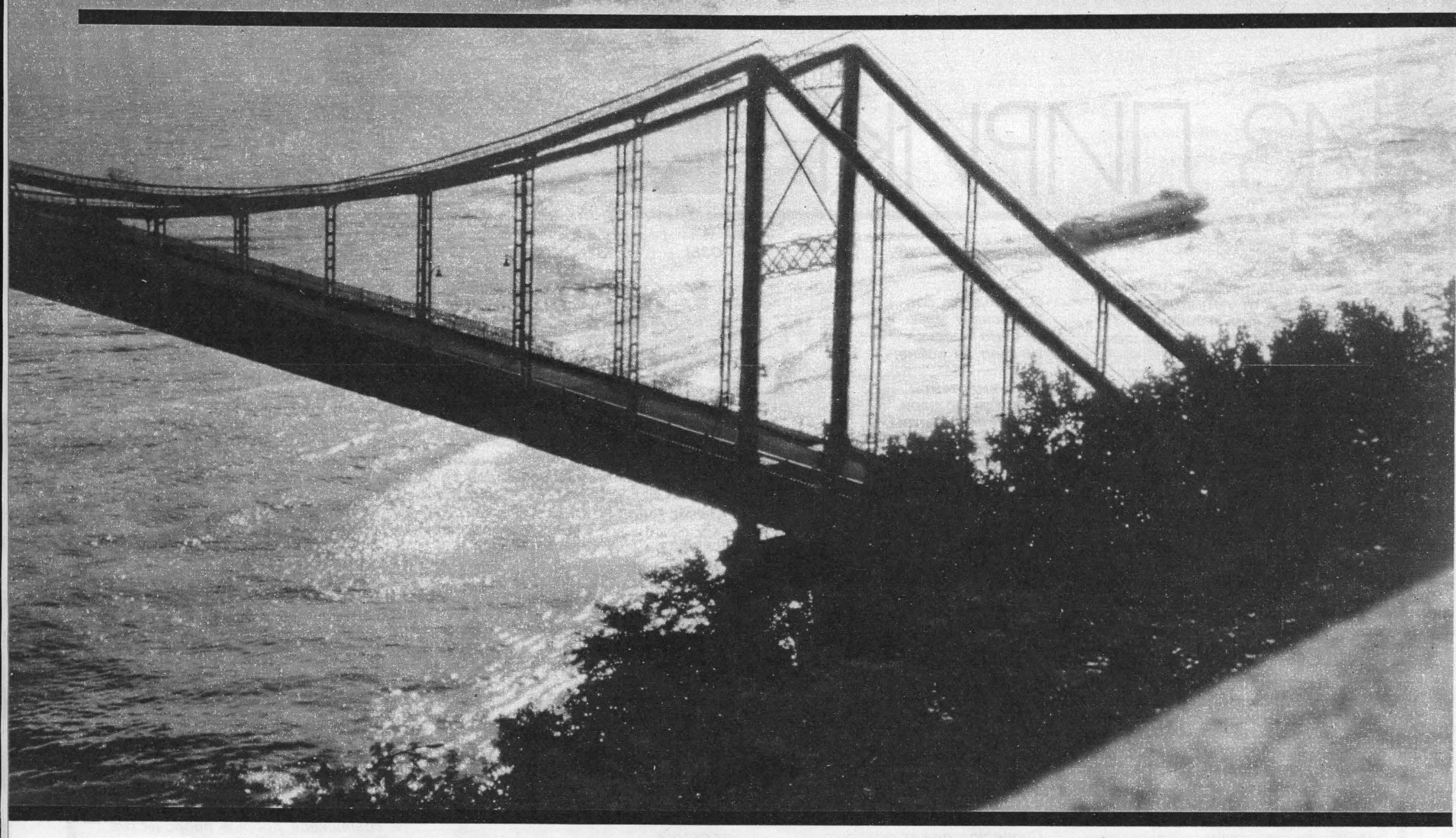
* * *

Весной в лесу стоит шумок.
Вверху постреливают почки,
И первой зелени дымок
Показывает коготочки.

А осенью шуршит листва,
Шумящая, но неживая,
И с веток валится, едва
Другие ветки задевая.

И гуси медленным крылом
Пересекают небо кстати.
...Скажи, откуда ж бурелом
При этой вечной благодати?

ДНЕПР ВПАДАЕТ



ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

**Станислав КАЛИНИЧЕВ
Фото
Виктора ЯКОБСОНА**

Вопросительный знак в конце заголовка сегодня еще кажется неуместным. Однако пройдет какое-то время, и мы спросим: так куда же он впадает — в Днепро-Бугское озеро или в Очаковское водохранилище? А возможно, что и никуда не будет впадать, а будет разбираться, не докатившись до своих низовий, как ныне Амударья?

В последнее время в среду общественности просочились (иного слова и не подберешь) кое-какие сведения о проекте «отлучения» Днепра от Черного моря путем возведения плотины между Очаковом и Кинбурнской косой. Единственная река, удостоенная чести величаться по имени и отчеству, колыбель трех славянских народов, основной участок исторического пути из варяг в греки — Днепр Славутич будет превращен, так сказать, в объект внутреннего водопользования. Более того, этот «внутренний водоем» намечено подпитывать водою из Дуная — «сточной канавы Европы», как в пылу полемики выражаются противники проекта.

Ученые, писатели, журналисты, с которыми мне приходится сталкиваться, да и большинство других людей, в нынешнюю пору обновления начинающих постигать личную ответственность за происходящее, начисто отвергают саму идею «отлучения» Днепра от моря, превращения речного лимана в «стоячее болото». Накал страстей растет лавинообразно. Его подогревают ставшие известными экологические беды Байкала и Севана, Балхаша и Аральского моря... Да и своего украинского опыта более чем достаточно, если вспомнить катастрофу на Днестре или бесхозяйское, ничем не оправданное затопление многих десятков тысяч гектаров Днепровской поймы.

Не однажды видел я берег Киевского моря, который и ныне ежегодно отдает несколько метров суши. Падают вековые сосны в мелководье — десятки, сотни метров можно идти, и будет вода по щиколотку, по колено, по пояс... И вот в жару это огромное пространство мелководья прогрелось, и как в бульоне все дно было устелено слоем сварившейся рыбы... Тот, кто видел такое, не скоро обретет доверие к нашим мелиораторам и гидростроителям, не помогут ни сотни убедительных статей, ни кардинальные перемены в министерских креслах. Руководители меняются, но аппарат остается...

Единственное средство для осаживания как амбиций, так и эмоций — факты. А они таковы, что на Украине сегодня резервы питьевой воды равны нулю. Обеспеченность водой на душу населения здесь в пять раз ниже, чем в среднем по европейской части СССР. При этом тысячи сел и поселков республики не имеют водопровода.

Так что больше четырнадцати миллионов человек черпают воду из колодцев или непосредственно из ручьев и речек. Во многих городах, даже в областных центрах, установлен график подачи воды на предприятия и в квартиры граждан: два-три часа в один район, потом в другой...

Если представить себе, что однажды исчезли бы вдруг ругаемые нами (и справедливо!) днепровские водохранилища, то без них могучий Славутич был бы вычерпан до дна (при нынешних объемах водопотребления) недели за две. Конечно, населению Днепра хватило бы. Люди выпивают и забирают для своих домашних нужд менее десятой доли общего расхода воды. Почти половину воды забирает промышленность, и почти столько же — сельское хозяйство.

Думаю, не раскрою никаких тайн, напомнив, что площадь Украины составляет менее трех процентов территории страны, но здесь выращивается четвертая часть нашей сельскохозяйственной продукции. А надо больше. Один из главных рычагов Продовольственной программы: орошение все новых и новых площадей на засушливом юге республики.

Если в промышленности, взяв курс на интенсификацию, внедрение ресурсосберегающих технологий, мы вправе ожидать роста производства без увеличения расхода воды, то в сельском хозяйстве положение иное. Тут хоть и следует сокращать потери, с бо́льшим эффектом использовать полив, но значительной, да и вообще никакой экономии ожидать не приходится: надо смотреть правде в глаза. У нас и без того нормы полива самые низкие в Европе.

И как ни прикидывай, как ни рассчитывай, а чтобы дополнительно оросить около полутора миллионов гектаров земли, надо увеличить расход воды на шесть-семь кубокилометров! Где же их взять?

И вот тут родилась идея «отлучить» Днепр от Черного моря. Если забрать дополнительные кубокилометры из Каховского водохранилища, то сброс воды

В ЧЕРНОЕ МОРЕ?

в Днепро-Бугский лиман (и без того недостаточный) сократится вдвое. Лишенный притока сверху, лиман начнет подпитываться снизу, за счет притока соленых морских вод (что, кстати сказать, уже происходит). А с пресными водами лимана жизненно связан огромный регион, и для него образование здесь соленого морского залива равнозначно экологической катастрофе. Поэтому и решили перегородить лиман плотиной в районе Очакова.

Но возникла другая опасность. Остановив течение вод, мы резко изменим их качество. От соли мы их убережем, но зато начнет процветать всякая мыслимая и немыслимая зараза. Не исключено, что для проводки судов по сине-зеленым водорослям огромного болота придется вызывать ледоколы. (Это предположение крайних пессимистов пока не опровергнуто.) Представители Минводхоза и их проектировщики на этот случай нашли контраргументы. Фронт наступления на природу тут открывается заманчивый: все работы оцениваются далеко за миллиард рублей! Кроме того, мы знаем по опыту, что первоначальные суммы за годы строительства возрастают вдвое...

Так вот, чтобы не сделать лиман стоячим, в теле плотины предусматриваются устройства для пропуска некоторого количества воды. Кроме того, успокаивают мелиораторы, плотина оставит уровень лимана практически неизменным, он будет лишь на десять сантиметров выше, чем в море, чтобы при шлюзовании судов перетекала пресная, а не соленая вода. И еще одно природоохранное средство предложено проектантами: очищать лиман залповыми пропусками, то есть в весенний паводок, скопив достаточное количество воды в Каховском водохранилище, пропускать через лиман за короткое время с повышенной скоростью течения...

Все эти планы уже разработаны.

Одной из ошибок защитников проекта является этакое пренебрежительное, унаследованное от недавнего прошлого отношение к мнению общественности, к мнению ученых, вообще всех, кто не представляет «директивные органы». Даже доводы компетентных подразделений Академии наук республики, которые не согласуются с основными положениями проекта, они стараются не замечать, обходить. А если оказываются перед необходимостью объяснять какие-то «неудобные» факты, то заявляют: «А мы тут при чем? Мы лишь выполняем решения партии и правительства...»

Действительно, имеется несколько официальных постановлений на этот счет. Вот одно из первых, относящееся еще к 1980 году. Начинается оно словами: «Принять предложение Минводхоза СССР...»

Комментарии, как говорят, излишни.

В Академии наук Украины есть такое подразделение — Совет по изучению производительных сил республики. Его председатель С. И. Дорогунцов с болью говорил мне:

— За Минводхозом силы: миллиардные ассигнования! Мощнейшая техника, способная срыть пол-Европы. На этот проект работают только проектировщики и изыскатели, которые заняты в соответствующих институтах,— до восьми тысяч человек! А нас, которые возражают, всех специалистов... семнадцать человек.

Давайте вникнем в доводы противников «отлучения» Днепра от Черного моря.

Суммарный сток всех рек на Украине в средний по водности год составляет больше 80 кубических километров, а в маловодный год — лишь около или немногим более 50.

Когда мы развиваем промышленность, строим новые оросительные системы, то во всех расчетах вынуждены брать меньшую цифру. Ведь нельзя построить завод или подготовить рисовое поле, которые будут действовать в полноводные годы и простаивать в засушливые. Они должны действовать все время. Мы регулируем речной сток в течение года — подпираем плотинами талые воды, а летом их расходуем. Но вот многолетний сток, когда хранятся и при необходимости пускаются в ход запасы воды прошлых лет, мы регулировать еще не можем. А жаль! Американцы такую задачу выполняют и довольно успешно.

На Украине разведано и, можно сказать, оприходовано больше десяти кубокилометров так называемых многолетних подземных вод, которые не связаны с поверхностным стоком. Это тоже существенный резерв, а на какое-то время даже альтернатива переборам из Днепра.

По данным Минводхоза, стоимость кубокилометра подземных вод окажется чуть ли не втрое выше, чем полученных от выполнения намеченного проекта. Но... мы знаем большую приблизительность первоначальных подсчетов, где неизбежные ошибки всегда почему-то в пользу того, кто ведет подсчет. При освоении же подземных вод отдельные объекты могут вступать в строй самостоятельно, после короткого периода строительства, вот и «корректировка» их стоимости будет менее существенной. Да и считать можно по-разному. Особенно если не закрывать глаза на экологию.

Как уже говорилось выше, наши днепровские «моря» построены не лучшим образом; они мелководны, занимают большие пространства в многонаселенной республике. Но, помимо прочих, они имеют два недостатка, относящихся непосредственно к теме разговора. Во-первых, большие площади дают непозволительные потери воды за счет испарения, а, во-вторых, сложный рельеф мелководий не позволяет пользоваться сполна даже имеющимся запасом воды. Чтобы исправить эти ошибки, у «морей» надо заново отвоевывать землю, обваловывать берега, сокращать площади и повышать общие глубины. Частично такая работа проделана, восемь тысяч гектаров земли отвоевано. Но есть возможность ликвидировать более ста тысяч гектаров мелководий, получив все те выгоды, о которых выше говорилось как о потерях.

Конечно, проделать такую работу хлопотно. Это не кавалерийская атака с развернутыми знаменами, а просачивание через эшелонированную оборону. Шуму меньше, но и потерь тоже... Правда, сами специалисты Минводхоза выдвигают иные доводы. По их подсчетам, каждый дополнительный кубометр воды, полученный в результате такой работы, будет стоить аж... на 7—8 процентов дороже, чем от перекрытия лимана.

Одним из главных аргументов, который приводят противники проекта,— динамика роста водопотребления в республике и в промышленно развитых странах мира. Начиная с 1960 года в большинстве стран Запада при непрерывном росте производства валового продукта потребление воды остается практически на одном уровне, и до конца века его существенного повышения не ожидается. А у нас потребление за эти же сорок лет возрастет втрое! Уже сегодня потребление воды на Украине по сравнению с 1960 годом возросло почти в два с половиной раза.

И далее расти водопотребление будет неизбежно, потому что в отличие от большинства стран Запада у нас главным разливальщиком все больше будет выступать сельское хозяйство, а не промышленность. Страны Запада стали сокращать относительное водопотребление за счет внедрения маловодных или безводных технологий. Такая тенденция, наконец, наметилась и у нас. И если ее развивать, как говорят, навалившись всем миром, то можно, пожалуй, лет на десять отодвинуть необходимость в новых источниках. Но сельское хозяйство в обозримом будущем снизить расход воды, очевидно, не сможет.

Нельзя не сказать и про хлесткую фразу насчет «сточной канавы Европы», каковой именуют иногда Дунай. Если в любом споре вредны амбиции, то не менее вредны и чрезмерные эмоции. Давайте поинтересуемся фактами. Суммарный годовой сток всех рек Украины принято брать без учета дунайских вод. Почему? Ведь Дунай в такой же степени принадлежит Украине, как Румынии, Болгарии, Австрии и другим странам, чьи земли он омывает. И годовой сток его Килийского гирла, принадлежащего нашей стране, почти... в два раза больше годового стока всех остальных рек Украины, вместе взятых. Так почему же нам не пользоваться этим богатством?

Теперь о качестве его вод. Если оставить эмоции и заглянуть в таблицы, которые показывают наличие нежелательных примесей в воде, то Дунай окажется не более загрязненным, чем Днепр — наш основной поилец. А если учесть, что в последние годы наметилась устойчивая тенденция к улучшению этих показателей, что придунайские страны подписали обязательства на более жесткие требования по охране международной артерии, то нам более пристало позаботиться об очищении Днепра.

Прошу читателей поверить, что автор всеми силами удерживал себя от соблазна насытить текст всякого рода цифрами, справками, документами... Но одну справку привести не удержусь. Сегодня в различных странах разрабатываются следующие проекты использования дунайской воды: Греция и Югославия проектируют канал Дунай — Эгейское море; Болгария и Греция — Южно-Болгарский канал; Болгария — канал Русе — Варна; ЧССР, ГДР, ПНР — канал Дунай — Одер — Эльба; Венгрия проектирует канал Дунай — Тиса... Только в Румынии и Болгарии водами Дуная уже орошаются миллионы гектаров полей. Так что многие овощи и фрукты, которые мы импортируем из этих стран, выращены на дунайской воде.

Осваивать дунайские воды в солидных масштабах нам давно пора, а где и каким образом — это дело специалистов и ученых. Что же касается сооружения Очаковской плотины, то тут любые однозначные утверждения на сегодня весьма рискованны. Хочу поддержать противников ее строительства! Они правы, в республике есть еще немало иных возможностей получения воды. Здесь уже упоминались многолетние подземные запасы и реконструкция днепровских водохранилищ. Можно еще говорить о сокращении потерь в коммунальном хозяйстве, которые огромны; об использовании для технических целей морской и минерализованной воды вместо питьевой... Например, морскую воду мы используем в пятнадцать раз меньше, чем США. А ведь у них с питьевой куда легче... В наших «морских» областях — Крымской и Одесской — потребление соленой воды за последние годы даже сократилось. За счет роста расхода питьевой, разумеется.

Нетронутым остается малоисследованный резерв — расчистка десятков тысяч прудов, создание межхозяйственных водоемов, восстановление, облесение и защита мелких рек и речушек, питающих большие реки. Вот куда бы кинуть хоть часть богатырских сил строителей Минводхоза! Развернуть их лицом к Дунаю, пока не стали они «героями Очакова».

Можно еще и еще называть, где и каким образом можно сберечь пресную воду. Тотальным тормозом на всех этих путях выступает наша бесхозяйственность. И — отсутствие цены на воду.

Такое положение мне кажется безнравственным по отношению к природе, к той земле, которая нас родила.

В заключение хочу сказать, что столь разноречивые мнения о важном проекте возникли потому, что принимался и утверждался он келейно, «с подачи» заинтересованных ведомств. При этом науку, образно говоря, просто выставили за дверь. А зря! Последнее слово должно быть за нею. У нас есть природоведы, экологи. Не наивные мечтатели, оторванные от нужд экономики, а люди ответственные, умеющие понимать не только природу, но и реалии развития экономики. Вот их-то мнением и пренебрегли.

Ведомственная наука не может быть объективной, а в данном вопросе — тем более. Окончательные решения должны вырабатываться в атмосфере, свободной от гипноза произведенных затрат и наличия могучего строя готовой к штурму землеройной техники.

О МОЕЙ ЖИЗНИ, КНИГАХ И ЧИТАТЕЛЯХ

Вера ПАНОВА

В КОНЦЕ ЖИЗНИ, НА ИСХОДЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ, ВЕРА ФЕДОРОВНА ПАНОВА (1905—1973) НАПИСАЛА ПОСЛЕДНЮЮ, ОЧЕНЬ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ПО СОДЕРЖАНИЮ, НО НЕ ВПОЛНЕ ЕЩЕ ОЦЕНЕННУЮ ПО ДОСТОИНСТВУ КРИТИКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКУЮ ПОВЕСТЬ «О МОЕЙ ЖИЗНИ, КНИГАХ И ЧИТАТЕЛЯХ». ЭТО КНИГА БЕЗ ВЫМЫСЛА, БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ЛИТЕРАТУРНЫХ УКРАШЕНИЙ И УХИЩРЕНИЙ — ПРЯМОЙ РАССКАЗ О ЖИЗНИ, КАК ОНА ЕСТЬ, КАК ОНА БЫЛА ПРОЙДЕНА АВТОРОМ «СПУТНИКОВ». ЦЕЛАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУДЬБА УМЕСТИЛАСЬ В ЭТУ НЕ ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ ПО ОБЪЕМУ КНИГУ. СЕГОДНЯ «ОГОНЕК» ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ПОВЕСТИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ. ОНИ ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ.



КРАХ

Вечером 1 декабря 1934 года Борис *, как это бывало часто, задержался в редакции для приема информации. Я прилегла на кровать, у изголовья которой стояла тумбочка с телефоном. Почти сейчас же в ухо брызнул звонок. Борис сказал:

— Вера, в Ленинграде убили Кирова.

Я воскликнула:

— Это ужасно!

Но это тривиальное слово и в тысячной доле не выражало моих тогдашних чувств. В голове покатились какие-то мутные, ни с чем не сообразные, я бы сказала, средневековые мысли. Почему-то сразу стало ясно, что с этого момента вся жизнь наша пойдет совершенно иначе.

Помню другой роковой день.

Я выпускаю газету в типографии: металлический стол, колонки линотипного набора, груды влажных бумажных листов, разбросанные верстатки и щетки, придирчивый метранпаж в черной спецовке, все, как всегда. И вдруг зовет кто-то из наборщиков (кажется, Харламов):

— Товарищ Панова, вас просят к телефону.

Бегу через длинный наборный цех между линотипов, хватаю трубку. Голос мужа:

— Вера? Ты можешь сейчас же, не откладывая, приехать домой?

Конечно, пугаюсь, конечно, спрашиваю:

— Что случилось?

— Не спрашивай ничего, отвечай: можешь или нет приехать сразу?

Конечно, отвечаю, что могу. Конечно, сердце леденеет сразу от этого короткого разговора, но оно еще не знает правды, оно еще на ложном следу: ему почудилось, что стряслось что-то ужасное с кем-то из детей.

Как бегу по гололедице к трамвайной остановке, как еду в трамвае, как добираюсь до дома,— ничего не вспомнить: мутный сон и холод ужаса. Но вот я дома, в нашей маленькой комнате. Вот мама. У нее лицо спокойное. На мой лихорадочный вопрос: «Дети?» — она отвечает:

— Дети в порядке.

И вот Борис. Лицо потрясенное, губы еле шевелятся:

— Меня уволили по обвинению в троцкизме. По обвинению в том, что я скрыл при проверке партдокументов свою причастность к троцкизму. И сегодня это будут обсуждать на партийном собрании.

Все это свалилось на него внезапно: сидел за своим редакционным столом, работал, вдруг его вызвали к редактору Шаумяну (сын бакинского комиссара Шаумяна, одного из 26), и тот ему это все изложил.

— Наверно, исключат из партии,— сказал Борис.

Я была тогда еще дура набитая. Обе мои первые мысли были дурацкие. Первая, которую я высказала вслух: «Может, еще и не исключат». Вторая, которую я, слава богу, не высказала, была еще глупей: «И все потому, что забыл сказать на том собрании, что в Ленинграде принадлежал к оппозиции». Я не знала тогда, что это ровно ничего не значило — сказал, не сказал,— что это поражает равно сказавших и несказавших, виноватых и безвинных, что это падает на человека как удар молнии. Ничего я тогда еще не знала, поняла только, что беда подошла вплотную, неминучая, страшная, всем бедам беда.

Борис сказал еще две вещи: первое — лишь бы не арестовали, остальное еще туда-сюда. Второе: пойду к Фалькнеру.

Как ни была я глупа, все же сказала:

— Ничего он тебе не поможет.

Мы смогли тем не менее пообедать, а потом Борис ушел на партсобрание, сказав, что позвонит мне оттуда.

Телефон над тумбочкой зазвонил раньше, чем я ждала. И сейчас же в трубке раздался голос:

— Вера? Исключили!!!

Что я могла сказать? Я сказала:

— Иди домой.

А 6 февраля добрейший Полиен Николаевич Яковлев вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Вера Федоровна, поверьте, мне это очень трудно вам говорить, но нам придется расстаться.

Приказ был вывешен с молниеносной быстротой, и больше я на работу во «Внучата» не ходила. Вместо Яковлева редактором вскоре стал Лева Краско, вероятно, Яковлева убрали за то, что он не сразу уволил меня, жену исключенного из партии. Когда я вернулась домой с известием, что я безработная, Борис сказал:

— Давай подумаем, как сократить наши расходы.

Мы уволили домработницу — без всякого сожаления, так как она была никудышная, и отказались от услуг некоей Флоры Федоровны, дававшей Наташе уроки немецкого языка. Остальные расходы сократить было невозможно — нужно было есть-пить, как-то одеваться, чинить обувь и т. п.

В следующие дни пришла маленькая надежда — Борис, как намеревался, пошел к Якову Фалькнеру, и, против моего ожидания, Фалькнер захотел ему помочь — он в последнее время сдружился с Борисом и, должно быть, просто не мог видеть в нем врага народа. Фалькнер обещал Борису устроить его на завод «Ростсельмаш».

— Конечно,— сказал Фалькнер,— ваших привычных журналистских заработков там не будет, но прожить можно. (А мы уж ни о чем ином и не мечтали...)

Он сдержал обещание — 11 февраля, это была суббота, Борис впервые пошел на работу на «Ростсельмаш». Вернулся часов в 6, перед вечером, веселый, и на мои вопросы ответил, что его поставили работать подручным слесаря, что не боги горшки обжигают, что он очень скоро вполне сживется с этой работой и что все еще, может быть, будет не так уж плохо. Мы пообедали, это был наш последний обед, выпили чаю и рано легли спать, так как Борис чувствовал себя все-таки усталым после непривычной работы на станке.

Уже белело утро сквозь щели ставень, когда я проснулась от каких-то голосов за дверью и от грохота болта. Прислушалась и поняла, что мама кому-то отворяет, различила голос домовладельца Матвея Карповича и как-то вдруг поняла все. Поняв, спросила:

— Борис, ты слышишь?

— Да, да! — ответил он и сразу сел, и сразу в дверь стали входить люди: Матвей Карпович (они его взяли в понятые) и два незнакомых, военный в буденовке с красной звездой (потом узнала, что его фамилия Анисимов) и штатский в очках (впоследствии узнала и его фамилию — Аппельбаум).

Уж не помню, кто из них предъявил ордер на обыск у гражданина Вахтина Бориса Борисовича, заключив фразой «с последующим арестом». Обыскали прежде всего нашу комнату (дав мне предварительно встать и одеться), потом мама, бедная мама, повела их в детскую. Конечно, ее расчет был нелеп, разве этих людей мог умилосердить вид троих спящих детишек, но мы все были тогда простаками и недоумками, не смыслящими ни аза.

Во время обыска я раза два открывала входную дверь, выглядывала во двор: светло, мела метель, крылечко все пуховей, все выше зарастало снегом. Больше всего они провозились с книжным шкафом, каждую книгу брали за корешок и трясли, а потом швыряли на пол. Из одной книги выпала пачка облигаций госзаймов, из другой — деньги, полученные мною при увольнении. То и другое нам вернули тотчас же предупредительнейшим образом. Никакого проку от этого обыска явно не было, да они и не добивались его, им нужно было проделать все формальности прежде, чем увести арестованного человека.

Мне они велели дать ему с собой смену белья (еды никакой) и в понедельник прийти на ул. Энгельса, 33, там мне скажут, какие передачи и в какие дни я могу делать.

Не помню, как я дожила эту ночь. Помню, что на другой день я сидела у нашего маленького письменного столика и писала письмо М. И. Калинину. Сколько таких писем было мной написано в дальнейшем, и все до единого напрасно. Но в тот день я была слепа, как новорожденный щенок, горе сжимало мне горло, не давая дышать, и я писала, еще надеясь, что от этого что-то может измениться.

Помню, что весь этот день меня, кроме ощущения железного ошейника на

* Б. Б. Вахтин — муж В. Ф. Пановой *(прим. ред.)*.

горле, не покидало ощущение ледяного холода — я набрала полные туфли снега, когда бежала к воротам вслед за Борисом и теми, кто его уводил.

В тот же день я собрала еду и белье, чтобы завтра же, в понедельник, отнести по указанному адресу (надеюсь, что адрес этот я указала правильно, если нет, меня поправят многие и многие, кто помнит лучше). В понедельник спозаранок пустилась в путь. Как сейчас вижу эту дверь, такую обыкновенную, и эту заплеванную, забросанную окурками лестницу. У двери на каменном крыльце стоял часовой, он пропустил меня без всяких вопросов. Поднялась — на первой же площадке налево дверь, в двери окошечко, у двери стоит какая-то маленькая старушка. Я прильнула к окошку, оттуда спросили:

— К кому?

— К мужу,— глупо ответила я.

— Фамилию скажите.

Я назвала: Вахтин,— мне сказали:

— Давайте.— И я передала в окошечко мои свертки и пакеты, довольная собой, что правильно распорядилась — принесла передачу, ни у кого не спрашиваясь. И вдруг вижу — маленькая старушка берет меня за локоть:

— Вахтина арестовали? Когда?

— Прошлой ночью,— отвечаю.

— Я — мама Вали Вартанова,— сказала маленькая старушка,— его тоже арестовали прошлой ночью.

Разумеется, мы уже не могли отстать друг от дружки, вместе пошли вон из окаянного дома. Выяснилось (сверили по времени), что прямо от Вартановых они пошли к нам. Розалия Георгиевна сказала, что они приезжали в черной машине, я этой машины не видела, хотя и выбегала за ними, когда они уходили. Спросили друг друга о некоторых общих знакомых. Но в тот день и Исай Покотиловский, и Володя Третесский были еще на свободе, их арестовали позже, когда именно — не знаю.

С милой, приветливой Розалией Георгиевной мы стали встречаться очень часто — и не только у той двери с окошечком: мы стали бывать друг у друга. Я познакомилась с ее дочерью Варюшей, сестрой Вали Вартанова. Варюша была красавица редкая, прекрасная, как шемаханская царица. Она была замужем за зубным врачом Василием Тихоновичем Галкиным. Он ее обожал и баловал, как мог, хоть за одно свое дитя Розалия Георгиевна могла быть спокойна. За Валю же ее сердце обливалось кровью денно и нощно, это была та материнская скорбь, которой не изжить до гроба, те святые слезы, о которых писал Некрасов.

Позже к нам присоединилась Сима, сестра Исая Покотиловского. Мне с этими женщинами было легче, чем с кем бы то ни было, нас объединяло общее горе и общие бредовые мечты, что авось вдруг что-то изменится, вдруг да забрезжит надежда. Увы, эти мечты были совершенно беспочвенны, ниоткуда не мелькало ни малейшего луча, люди вокруг падали и падали. Почти в каждой семье было такое же горе, как у нас.

СВИДАНИЕ



Ко мне пришли женщины: мать и сестра Вали Вартанова и сестра Исая Покотиловского. Я с этими женщинами встречалась часто, так как Вартанов и Покотиловский были так называемыми однодельцами моего мужа Б. Б. Вахтина.

Слово «одноделыцы» означало, что им всем шилось одно и то же дело (что на самом деле никакого дела не было, выяснилось после XX съезда КПСС, когда все трое были реабилитированы. Но тогда до этого было еще много лет, всем троим еще предстояло погибнуть, а нам, женщинам, изойти слезами, и слова «одноделец», «репрессированный», «жена репрессированного» звучали еще очень страшно).

Женщины пришли и сказали:

— Мы все написали заявления о свидании. Посылать надо в Москву, Кузнецкий мост, 24, Главное управление лагерей — Гулаг.

— Вам дадут свидание,— посулила мне Варюша, красивая, как шемаханская царица, сестра Вартанова.— Уж вы сумеете написать трогательно.

Но мне что-то не захотелось писать трогательно. Я написала кратко: я, такая-то, прошу разрешить мне свидание с моим мужем таким-то, находящимся там-то.

И муж и его «одноделыцы» находились тогда в Соловецком лагере. Мы посылали им туда посылки и письма и иногда получали письма от них.

Я послала мое заявление в Гулаг и стала жить очередным ожиданием. Это было весной 1936 года, а в конце июля меня вдруг вызвали в милицию.

— Распишитесь,— сказал милиционер,— в получении известия.

— Я никакого известия не получала.

— Получите, только сначала распишитесь.

Я расписалась в книге, и милиционер сказал, что мне, по моему заявлению, разрешено свидание с мужем в течение 10 часов, в присутствии коменданта. Для этого от 1 до 10 сентября я должна приехать в город Кемь и явиться в управление Белбалтканала, имея при себе паспорт.

— А как они узнают,— спросила я,— что свидание мне действительно разрешено?

— Не беспокойтесь,— сказал милиционер,— узнают...

Я раздобыла денег на поездку и отправилась в путь с таким расчетом, чтобы попасть в Кемь 5—6 сентября.

Путь мой лежал через Ленинград, где жила моя свекровь, мать мужа. Она меня встретила и помогла достать билет в скорый поезд «Полярная стрела».

Какая я была тогда напуганная, почти сумасшедшая, видно хотя бы из того, что я была уверена, что меня непременно арестуют в поезде, и вместо того, чтобы наслаждаться поездкой в прекрасном, комфортабельном вагоне, я мучительно присматривалась ко всем пассажирам, мужчинам и женщинам, гадая, не этот ли, не эта ли сейчас подойдет ко мне с ордером на арест...

Станций было много, на каждой входили новые пассажиры, и мучительное мое беспокойство продолжалось до самой Кеми.

Зато в другом отношении я успокоилась: если, пускаясь в путь, я опасалась какой-нибудь путаницы, недоразумений, в том числе и того, что сама чтонибудь не так сделаю, не туда попаду,— то эти опасения улетучились очень скоро.

Уже в дороге я по каким-то приметам поняла, что многие из пассажиров «Полярной стрелы» едут по такому же делу и с теми же страхами, что я, и что мне не составит никакого труда ориентироваться в Кеми и попасть куда нужно и когда нужно. И в самом деле, первый же человек на станции Кемь, к которому я обратилась, не только сразу указал мне здание управления Белбалтканала (оно возвышалось над другими домами и было видно издали), но и объяснил, что мне надо сесть в поезд, идущий на Кемь-пристань, и там найти себе у жителей приют на время свидания («Они там все сдают углы,— сказал мой добрый советчик,— и там же есть большой продовольственный магазин, да масло, должно быть, все время было, а насчет остального трудно сказать, это как повезет...»).

Маленький дачный поезд повез меня на Кемь-пристань. В вагоне против меня сидела немолодая цыганка какой-то диковинной, фантастической красоты, одетая пестро и нарядно. Она сидела, раскинув свои пышные юбки из торгсиновских ситцев, юбки не скрывали пыльных босых ног, в ушах у нее были золотые кольца, на шее — ожерелье из золотых монет.

Она сразу спросила:

— На свиданье приехала? К кому?

— К мужу.

— И я к мужу,— сказала цыганка.— Дай руку, я тебе погадаю.

Я отказалась гадать. Мещанский мой рационализм меня удержал. Вместо гаданья мы пошли в магазин покупать масло.

Мне объяснили, что продавцы в магазине — заключенные, кассирша — заключенная, прохожие на улице — заключенные и что верхом необходительности и душевной грубости в этих местах считается спрашивать человека, за что он осужден. До этого я, впрочем, дошла и своим умом, и никого ни о чем спрашивать не собиралась.

Район Кемь-пристань был весь деревянный: дома, мостовые... В перспективе маленьких улочек маячили штабеля бревен и досок. Когда мы с цыганкой шли вдоль домов, из окошек сквозь герани на нас смотрели лица.

В первом же домике, куда я постучалась, мне сдали угол — то был действительно угол большой комнаты, очень убогой и грязной, но с надраенным до белизны дощатым полом (в Кеми все полы скреблись до белизны). Постели у хозяев не было, вообще бедность в доме была отчаянная, но опекавшая меня хозяйская девочка сказала:

— А картошку покупайте у нас, у других не берите. Вы, наверно, будете жарить картошку для дяди. Кто приезжает на свидание, все жарят картошку.

Она принесла кошелку картошки и противень, и, повинуясь ее подсказке, я стала жарить картошку на жарко накаленной плите. Я старалась вогнать в это кушанье как можно больше масла, понимая, что для «дяди» это сейчас главное... Если даже вольные люди, дети и взрослые, смотрят на масло такими глазами...

Но надо было еще заявиться в управление Белбалтканала, и я пошла. Здание как здание, казенное, серое, с вывеской. У подножия лестницы — часовой в военной форме. Он справился в какой-то бумажке и пропустил меня, отобрав паспорт. В прокуренной комнатушке другой военный подтвердил мои права на свидание, но сказал:

— Сегодня мы не успеем привезти вашего мужа с Соловков, «Ударник» уже вышел. Завтра вечером встречайте на пристани.

Он был так любезен, что даже спросил, как я устроилась. И предупредил:

— Вокруг Кеми ходите осторожно, тут все кишит беглыми.

Я не собиралась ходить вокруг Кеми, но поблагодарила и пообещала быть осторожной. Осторожность моя свелась к тому, что паспорт, возвращенный мне, и небольшие свои деньги я спрятала в чулок, прихватив сверху резинкой. Сама не знаю, зачем я это сделала, многое в те дни делалось безотчетно, безумно,— да и могло ли быть иначе?.. Но через несколько дней этот чулок сослужил мне службу...

— А наших привезут сегодня,— сказала цыганка.— Мы ведь вчера приехали. Приходи встречать вместе.

Вечером я пошла. Почему бы мне не встретить с нею ее мужа и не поглядеть, как это происходит? На пристани, представлявшей собою как бы громадный дощатый надраенный пол, между высокими штабелями светлых досок собралась целая толпа цыган. Кроме моей красавицы, там была еще одна пожилая некрасивая цыганка, была молодая девушка, тоже некрасивая, но с великолепными огненными глазами, был молодой цыган в богатой, на меху, распахнутой шубе, куривший дорогие папиросы из серебряного портсигара, и целая куча грязных, лохматых, полуголых цыганят, цеплявшихся за женские юбки.

Унылая деревянная пустыня, унылое белесое море под белесым небом, желтая невыразимо горькая вечерняя заря на краю неба. Цыгане вдруг замахали руками, и кто-то крикнул:

— Идет!

В белесой бескрайности показался дымок: шел «Ударник» — связной между Кемью и Соловками. В моей памяти он похож на речной трамвайчик, что ходит по Неве. Он приближался, на нем было много людей, двое из них сняли шляпы и приветствовали ждавших на пристани.

— Вон наши! Вон! — толкала меня цыганка.— Вон, которые в шляпах. Наши цыганы!

Цыгане в шляпах первыми сошли с «Ударника». К ним бросились детишки, бросилась девушка и парень в шубе и обе пожилые цыганки. Глядя, как они обнимаются и целуются, я думала о том, что завтра, если мне выпадет счастье дожить до этого, также привезут на этом пароходике и моего «дядю»... Пока же, чтобы не мешать, я отошла в сторонку и присела на сложенные там доски. Да, я была и там, стезя моих скитаний прошла по берегу этого печального моря, я видела эту горькую зарю, и минутную горькую радость обездоленных людей, и пылающие глаза девушки-цыганки, припавшей к груди отца. Я сидела на досках и смотрела на все это, и оно врезалось в мою память, как острая пила.

Какие-то люди проходили мимо взад и вперед. Люди достаточно обросшие и обтрепанные, чтобы угадать в них заключенных, с лицами миролюбивыми, сочувствующими. Раздался вопрос:

— На свидание, гражданочка?

— На свидание.

— Что ж, привезли его?

— Нет. Завтра.

— А вы откуда, гражданочка? А, с Ростова-на-Дону? А я — с Украины. Соседи, значит.

Далеко на пристани в каком-то окошке блестел огонек. Мой собеседник ушел туда и вернулся.

— Гражданочка,— заговорил он дружески.— Вы бы не были так добры зайти до нас в контору Мортранса? Вон там наша контора, где огонек горит. Наш бухгалтер вас очень приглашает, ему поговорить желательно. Он очень, вы не думайте, культурный человек. Ох, если бы вы знали, гражданочка, что это за человек!

— Что же это за человек? — поинтересовалась я.

— О, гражданочка! — восторженно вскрикнул мой собеседник, но на вопросы не ответил, а зашагал опять к конторе, как бы уверенный в том, что я за ним иду.

Я была молодая, на секунду я усомнилась... Но тут же подумала: «Э, не может быть!» — и пошла.

В конторе Мортранса на столе горела керосиновая лампа, лежали гроссбухи, и сидел красивый старик с белоснежной узкой бородой. Белоснежными и узкими были и руки его, лежавшие на раскрытом гроссбухе.

Он стал спрашивать, я отвечала. Его интересовали разные вещи: каковы на юге виды на урожай, есть ли уже в Ростове троллейбус, слышала ли я оперу «Катерина Измайлова?» Спросил, за что осужден мой муж,— я же спросить его не осмелилась.

Так и не знаю, кто он был, и, конечно, корю себя за то, что не дозналась, но, как и многое другое, это непоправимо и никакими домыслами тут не поможешь. Кем угодно мог он быть, духовным сановником либо светским, беспартийным либо коммунистом, и какое, в сущности, это имеет значение для кого бы то ни было... В этой пустыне погибали одинаково эти и те...

Цыгане уже разошлись, когда я возвращалась из конторы Мортранса.

Моя цыганка подошла ко мне. «Свидание будет происходить,— сказала она,— в Кемском лагере, это совсем рядом с тем домом, где ты сняла угол. При свидании,— сказала она,— будет комендант, но это ничего!» — цыганка согнула палец и постучала косточкой

сперва себя по лбу, потом по доскам, у подножия которых я сидела. Она давала понять, какого она мнения о коменданте, который будет надзирать за нашим свиданием.

Так оно и оказалось, это было одно из самых тупых лиц, какие я видела в жизни. Он сидел за особым столиком у двери той комнаты, где происходило свидание, и все время что-то рисовал карандашом на листке бумаги, слушая наш разговор. Мы говорили свободно, стесняясь его так же мало, как деревянного дивана, на который нас усадили. Нет, он нам не мешал нисколько, этот бедный комендант. Но буду рассказывать по порядку.

Муж приехал с Соловков на другой вечер после цыган. Я издали увидела его на палубе — он в любой толпе был на голову выше других, рост его был 186 см... На нем были его черное кожаное пальто и серая кепка, в которых его увели из дому в ночь на 12 февраля 1935 года.

Конвойные сделали попытку не дать нам приблизиться друг к другу, но тотчас же без наших просьб отказались от этой попытки. Даже не помешали мне идти рядом с ним до ворот Кемского лагеря.

У этих ворот нам пришлось расстаться до следующего дня. Мы уговорились, что предоставленные нам 10 часов распределим так: 3 дня по 2 часа и 4 дня по часу.

Тогда, вначале, нам показалось, что это поистине безбрежное время, что мы — обладатели несметного богатства, и мы были счастливы — в последний раз!

На другой день в полдень я пришла к этим воротам одна. Я принесла все, что могла,— всяческую снедь из «Гастронома», жареную картошку, глиняный кувшин с вишневым вареньем, несколько буханок хлеба. Часовой указал на избу неподалеку от ворот. Я вошла в большую комнату. И когда, мой ушедший невозвратно, я вспоминаю места наших свиданий, я прежде всех светлых мест, украшенных зеленью садов и лазурью моря, вижу эту комнату, в нищей избе на территории концлагеря. У двери ее сидел и рисовал тот самый комендант, перед окном сидели две женщины и мужчина, на полу — цыгане, а на деревянном диване — мой Борис в своем кожаном пальто.

Женщины перед окном оказались сестрой и матерью заключенного, сидевшего с ними у столика. Мать была глухая, дочь громко повторяла все, что говорил сын. Они стеснялись своего крика и были очень несчастны.

Но цыгане были великолепны. Они расстелили на полу цветную скатерть и пировали от всей души. На скатерти были наставлены тарелки с жареными курами и южными плодами — виноградом, грушами, пунцовыми помидорами. Молодой цыган в шубе достал нож и один за другим разрезал арбузы, и все они ели и пили с воодушевлением, очевидно, видя в этой совместной трапезе высшую красоту и радость свидания. Мы с нашей жареной картошкой были, конечно, жалки рядом с ними.

— Боря,— сказала я,— ты не знаешь, за что тут эти цыгане?

Он знал и объяснил мне. Они решили самоопределиться и выбрали себе своего цыганского короля. Вон тот цыган — король, а другой — его премьер-министр. Моя красавица цыганка оказалась супругой премьера, а некрасивая — королевой. А этот парень и девушка — принц и принцесса. Ну, и вся эта мелюзга — королевские дети, высочества.

Мы поговорили о своих детях, ожидающих в Ростове моего возвращения, и о том, чего-чего только, господи, нет на свете!.. Поговорили о беглых, якобы кишащих вокруг Кеми. Муж рассказал, как он сам собирался бежать с Соловков на плоту, как они с другим заключенным строили плот, но, когда он был уже построен, товарищ мужа испугался и отказался бежать, «и у меня,— сказал Борис,— не хватило духу пенять ему, он уже доходил и вскоре умер от чахотки...».

Мы разговаривали, комендант рисовал, цыгане ели и пили, те трое у окна кричали о своих делах... В общем, эта плачевная комната являла картину полноты жизни, никто не стал бы это оспаривать... Жизни с горючими слезами, ползающими детишками, янтарными грушами, куриными ножками, торчащими из жующих ртов. Ах, с каким аппетитом они ежали, с каким размахом чокались. И вдруг звон, гром, вскрики — это зарыдала девушка с огненными глазами, упав головой на стол. Что-то запрыгало по полу, что-то разбилось, но почти сразу рыдания прекратились, и возобновилась степенная, почти благоговейная трапеза.

Такая невинная радость — досыта накормить любимого человека — эта радость была мне дана на считанные дни и то по особому соизволению — мне просто выпал счастливый билет, что перст судьбы отметил мое заявление в ворохе других... Не потому ли, что оно было написано самыми простыми словами, без всяких попыток растрогать?.. Москва ведь слезам не верит, сказано давным-давно...

Первые два часа пролетели как одно мгновение. Уже в конце первого часа мы поняли, что наше богатство — мираж, что не успеем мы оглянуться, как окажется, что ему конец. Так и было, но все же спасибо судьбе за эти часы...

Я приходила каждый день и приносила еду, однажды мне посчастливилось раздобыть десяток свежих яиц, в другой раз — даже мяса, так что я смогла принести Борису бифштекс. Он говорил, что уже и мечтать перестал о такой пище.

Он попросил, чтобы я перед своим отъездом передала ему денег, так как по почте они идут очень долго. Я обещала с легким сердцем — деньги ведь лежали у меня в чулке...

Но за день до отъезда я чуть было не провалилась с этим делом...

Я пришла на свидание, не чуя недоброго. И вдруг комендант приказал мне войти в смежную комнату, а там меня ждала рослая дивчина, которая объявила, что должна меня обыскать.

Вошел комендант и подтвердил, что я должна дать этой гражданке меня обыскать.

— Оружие есть? — спросила дивчина.

— Ну что вы! — сказала я.

— Деньги? Письма? — приставала дивчина.

— Ничего нет,— соврала я, и вдруг меня осенило — надо идти напролом: — Есть деньги,— сказала я.

— В лифчике?

— Нет. В чулке.

— Товарищ комендант,— позвала дивчина.— Они говорят, у них в чулке деньги.

— Покажите,— сказал комендант. Я достала деньги и паспорт и протянула дивчине.— А зачем вы это спрятали?

— Видите, меня предупредили,— сказала я,— что тут кругом бродят беглые. Если бы они отобрали у меня деньги, мне бы и домой не доехать.

— Это у нас есть,— признал он хмуро.— Ну ладно, идите.

— Паспорт-то хоть отдайте!

— Отдай им все,— приказал он дивчине. Она отдала.

В соседней комнате меня встретили испуганные глаза мужа: он уже знал, что в этот день всех приехавших на свидание обыскивают. Я его успокоила и передала ему деньги.

Между прочим, они ему были нужны, чтобы заплатить долг. Дело в том, что на свидание его привезли за плату.

Вот как это было: он отдыхал после обеда, и вдруг его позвали: «Вахтин, на свиданье!» Он пошел, ему сказали: «Пять рублей за проезд!» У него не было. Вдруг он увидел Третесского. Тот себя все время чувствовал перед товарищами виноватым, так как имел слабость подписать при следствии все нелепые обвинения. Теперь, увидев Бориса и узнав, что его вызывают на свидание, он сказал: «Не говори Вере, что я сознался». Борис на это сказал: «Давай пять рублей!» У Третесского деньги нашлись, и он дал.

МУЗЕЙ НА БОБЛОВСКОМ ХОЛМЕ

Возможность сделать репортаж о таком событии представляется пока, к сожалению, нечасто — в основном приходится огорчать читателя сообщениями о гибнущих памятниках. В 154-ю годовщину рождения великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева, в его подмосковном имении — небольшом селе Боблово — открылась постоянная экспозиция, посвященная жизни, научной и практической деятельности ученого. Боблово весьма тесно связано со всей его работой, в частности, здесь были написаны многие главы из «Основ химии», отсюда был совершен беспримерный полет Менделеева на воздушном шаре во время наблюдения солнечного затмения, между Бобловом и соседними Бабайками состоялся первый в истории Подмосковья сеанс радиосвязи, который осуществили два друга, два крупнейших ученых — А. С. Попов и Д. И. Менделеев.

Идея создания здесь музея возникла давно. На территории бывшей усадьбы сохранилось каменное строение, в котором после революции размещалась школа, потом оно долгое время стояло бесхозным.

Не раз разбивались о бюрократический барьер усилия энтузиастов, требующих сохранить для национальной культуры усадьбу ученого. Много сил борьбе с бездушием, непониманием очевидного отдали бывший директор Бобловской школы В. Малинина, химик О. Качинская, писатели В. Енишерлов и В. Солоухин, архитектор, правнучатый племянник Д. И. Менделеева А. Максимов.

Радостное событие появления в нашей стране еще одного музея, причем первой воссозданной усадьбы ученого, не может, конечно, быть оправданием того, что не раз срывались планы ремонта помещений, что строительные и реставрационные работы не всегда велись добросовестно, что буквально в последний момент удалось пресечь попытки ретивых хозяйственников проложить асфальтированную дорогу по заповедной территории, которая неизбежно погубила бы так любимую Дмитрием Ивановичем въездную вязовую аллею.

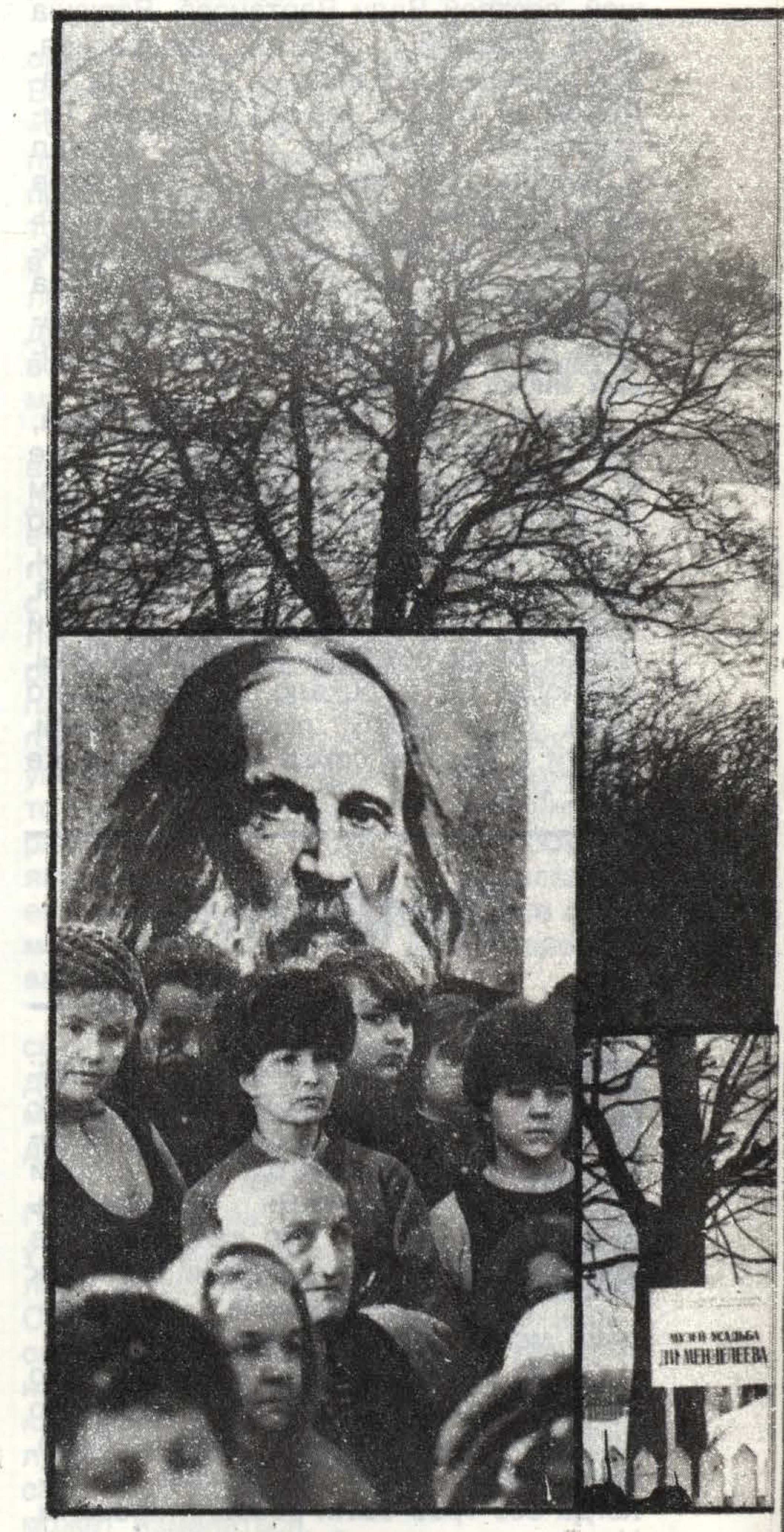
Множество народу собралось 7 февраля в старинном доме на Бобловском холме. О неразделимости творчества ученого говорила директор Ленинградского музея Менделеева при университете Л. Керова; внучка ученого Е. Д. Менделеева, сама по профессии историк, напомнила собравшимся о необходимости сохранения исторической памяти без искажений и умалчивания.

— В нашем деле необходимо жить не только настоящим,— сказал член Московского правления ВХО имени Д. И. Менделеева А. Дубинин.— Мы всерьез рассматриваем возрождение в практических целях опытных полей ученого: материалы об этом переданы руководству Почвенного института имени В. В. Докучаева и совхоза «Динамо», на землях которого расположено Боблово. Решаем вопрос об образовании специального «Фонда Д. И. Менделеева» для финансирования музейных работ в Боблове.

А работы предстоят немалые: неподалеку от отремонтированного клинским производственным объединением «Химволокно» здания, в котором была открыта экспозиция, предполагается возродить старый усадебный дом, выстроенный по проекту самого Дмитрия Ивановича, произвести расчистку парка, восстановить утраченные планировки, постройки.

Сейчас много приходится слышать о необходимости сохранения исторической памяти, о сохранении и восстановлении наших природных богатств. Клинско-Дмитровская гряда, на которой расположено Боблово, Шахматово, старинное торговое село Рогачево, места, связанные с жизнью Л. Н. Толстого, Фонвизиных, П. И. Чайковского и многих других наших замечательных соотечественников, является также уникальным природным памятником — ну где, например, еще в Подмосковье увидишь естественный водопад? По счастью, эта удивительно красивая полоса между древним Клином и Дмитровом не сильно еще пострадала от лозунгов, призывавших насильно брать у природы ее богатства. Недаром академик Д. С. Лихачев неоднократно указывал на необходимость создания на Клинско-Дмитровской гряде Национального природного и исторического парка, в который могли бы войти воссозданные уголки, связанные с памятью наших предков.

Владимир ПОТРЕСОВ,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА.



— Боря,— сказала я,— они же с тебя и за обратную дорогу потребуют.

— Ну уж нет,— сказал он,— я мог еще заплатить за то, чтобы меня отвезли на свидание. Но платить за то, чтобы меня везли обратно на каторгу,— нет уж, этого не будет.

Из этого ответа я поняла, как невыносимо ему живется на каторге из-за этой его гордыни и непримиримости. Ах, всегда и везде легче живется нестроптивым, смирным, со всеми соглашающимся. А мы с ним никогда такими не были, вот и обошлась с нами жизнь так, как обошлась.

Осталось рассказать о прощании — последнем, потому что больше мы не встречались.

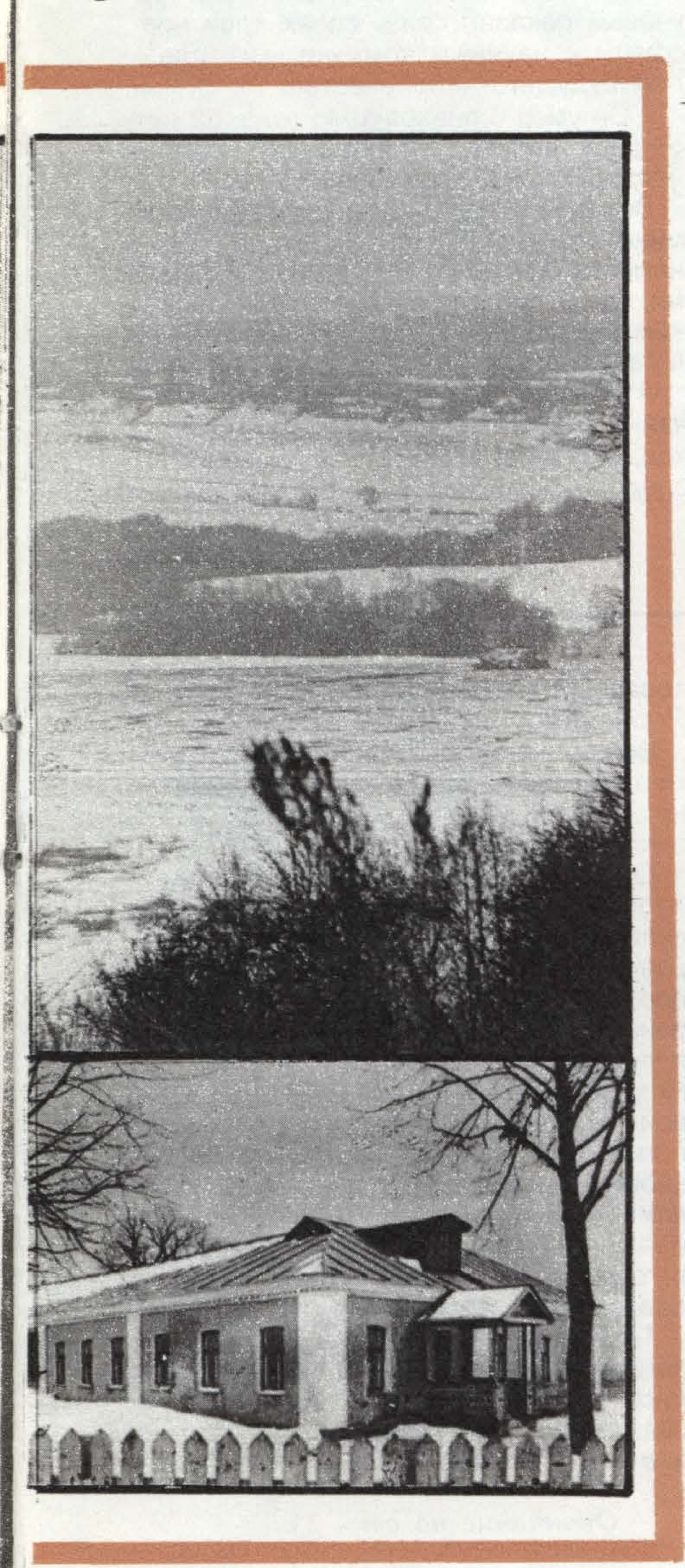
Как я купила билет, и как трудно мне было ему об этом сказать, и как мы простились в этой комнате, зная, что завтра я уже не приду сюда.

Прощаясь, я его поцеловала и перекрестила ему лоб, я знала, что он думает о самоубийстве, и он потом писал мне в Ростов, что его поразило именно то, что я ему перекрестила лоб... Но мы ведь всегда все знали друг о друге...

Потом я вышла и пошла к воротам. У забора из колючей проволоки остановилась. Подошел солдатик-конвойный и стал рядом. И вдруг я услышала голос Бориса: «Вера, прощай», и он прошел за колючей проволокой, еще раз прошел передо мной — уже в самый, самый последний раз я увидела его солнечные волосы и прекрасное, неповторимое лицо.

И я знаю: если я когда-нибудь в чем-нибудь могла быть перед ним виновата — при жизни ли его или после его кончины (он реабилитирован посмертно),— я знаю, он все мне простил ради той минуты, когда мы прощались у колючей проволоки...

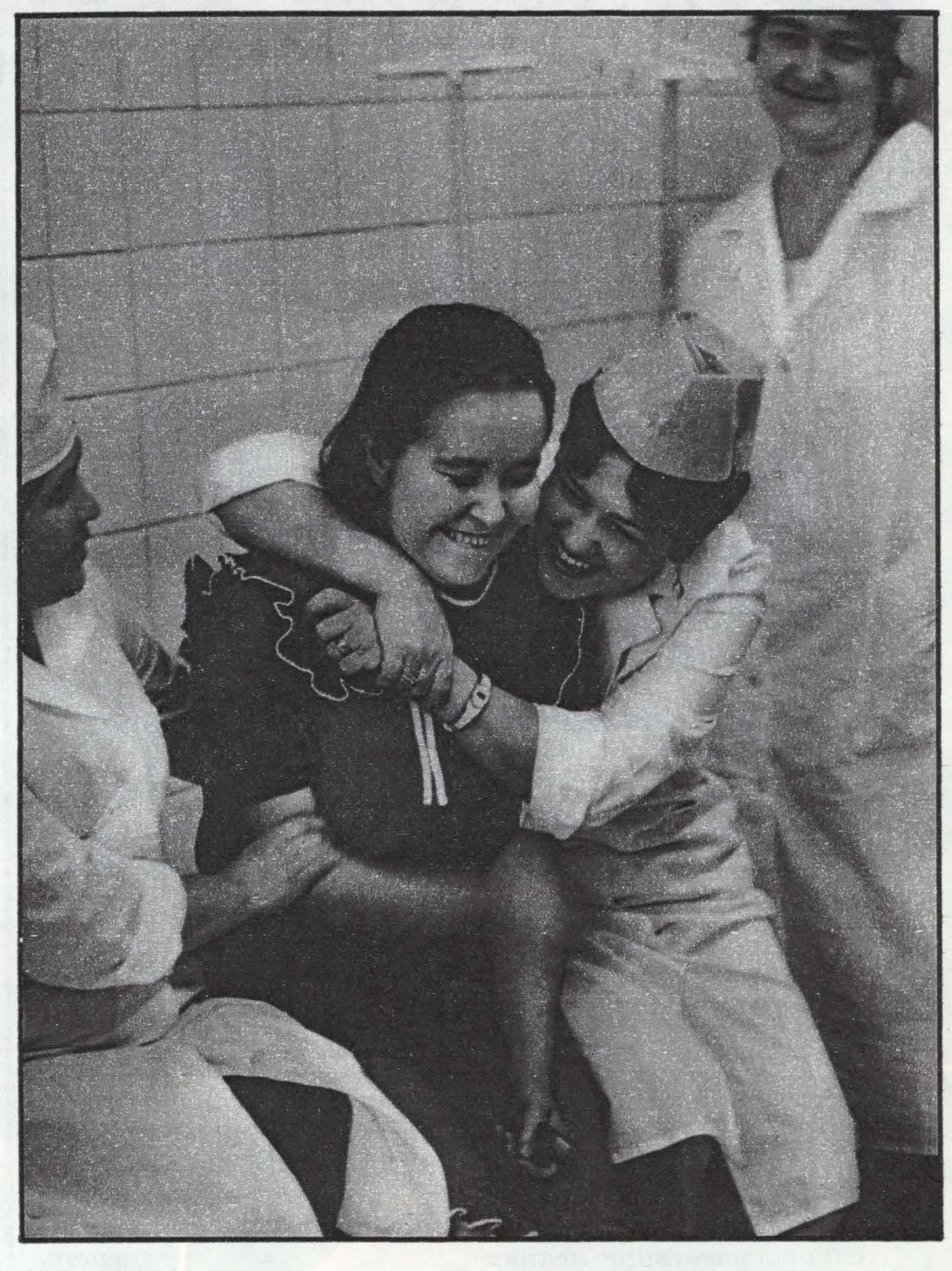
Публикация А. НИНОВА



И СНОВА АЛЕКСАНДРА

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

У АЛЕКСАНДРЫ ШАЛЬКОВОЙ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ — С 12 МАРТА 1987 ГОДА. А ЕСЛИ ЕЩЕ ТОЧНЕЕ — С ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЧАСОВ ТОГО ЖЕ ДНЯ, КОГДА В ЕЕ ГРУДИ ЗАБИЛОСЬ, ЗАРАБОТАЛО СЕРДЦЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА. СЕРДЦЕ, ПРИНЕСШЕЕ ЕЙ СПАСЕНИЕ, ДАРОВАВШЕЕ ЖИЗНЬ.



О том, как протекала операция, ставшая доброй ласточкой в истории советской трансплантологии и какие после нее развивались события, уже рассказывалось в нашем журнале (№ 14, 1987 г., «Второе сердце Александры»). Напомним: на второй после операции день больная пришла в сознание. Через два дня ей разрешили сесть. Еще через три — встать и ходить самостоятельно.

Мы увидели тогда Шурочку на пятнадцатый день ее обновленной жизни. Не в палате и даже не в коридоре клиники Научно-исследовательского института трансплантологии и искусственных органов Минздрава СССР. В приемной директора института, куда она спустилась с пятого этажа вместе с Анной Алексеевной, своей мамой. Вышел профессор Шумаков, пригласил всех нас в кабинет, и потекла меж нами беседа. Порозовевшей, быстро набирающей силы Шурочке, как ее здесь ласково звали, казалось, что и домой, в свое Великовисочное, она отправится вскоре.

На самом деле ей предстоял санаторий. Но главврач санатория воспротивился: «С пересаженным, чужим сердцем? У нас еще не было таких больных! Мы принимаем перенесших острый инфаркт миокарда и операции на сердце. А вдруг с ней что-нибудь случится?»

...Страхи оказались напрасными. Шурочка вела себя как самый обыкновенный ходячий больной. Выполняла утреннюю зарядку, гуляла в парке, бывала в клубе, смотрела фильмы. Если не считать, конечно, того, что время от времени приезжал из института лечащий врач, брал анализы и привозил таблетки.

В конце сентября прошлого года я позвонила в институт: «Как Шурочка?». «Здесь она, у нас».

Еду в институт. Шурочку нашла в холле у телевизора с вязаньем. Та же гладкая прическа, те же очки на близоруких глазах. На щеках — румянец.

— Как жизнь молодая?

— Хорошо, спасибо. Вот вяжу, читаю. Помогаю медсестрам перевязочный материал готовить... В парк хожу. Да что там парк! На ВДНХ уже ездила — в метро и автобусах потолкалась. Выдержала! В магазинах бывала...

...А под новый год Валерий Иванович Шумаков, добрая, заботливая душа, устроил Александре чудесные каникулы — отправил на целых десять дней домой. Институтская машина доставила ее в аэропорт «Шереметьево». Самолет — в Нарьян-Мар. Вертолет — прямо на остров, в село Великовисочное. Хрустит под ногами снег, мороз за тридцать. И вот он, родной дом, утонувший в снегах. Мама, сестры, подруги... Вся родня набежала. Двери не закрывались. Все село, считай, в гостях перебывало. Шли поглядеть, подивиться на Александру. Помнили ее совсем слабой, не поднималась.

И снова грядет весна...

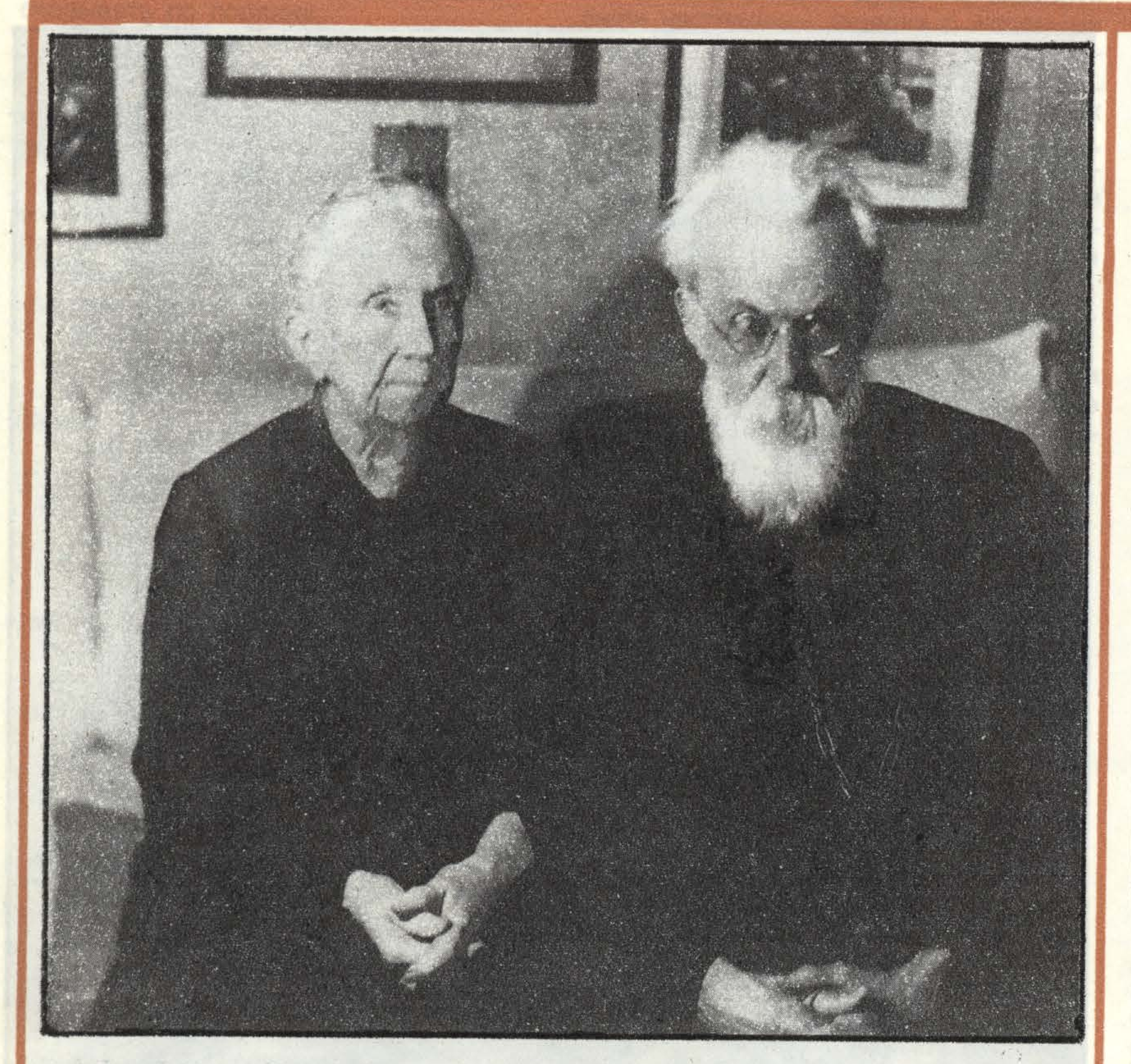
У директора института необычное творится в кабинете — чаепитие. У самовара, за хозяйку, радостная, как именинница, Александра. Профессор пригласил и Владислава Абрамова, молодого человека, доставленного прошлым летом из Нальчика. Ему было имплантировано сердце донора в прошлом году, 29 ноября. В клинике находится и третий пациент профессора Шумакова с пересаженным сердцем, тридцативосьмилетний Юрий Рожин из сибирского села. Отец шестерых детей. И совсем недавно, в ночь с 13 на 14 февраля, в эту славную семью вошла тридцатилетняя Алима Хасенова из Кокчетава.

Много теплых слов и добрых пожеланий услышала Шура за этим профессорским чаепитием в ее честь.

Огоньковцы и читатели журнала присоединяются к ним:

— С добрым здоровьем, Александра-Шурочка!

ЗАГЛЯНУВШИЙ В БУДУЩЕЕ



Исполнилось 125 лет со дня рождения великого естествоиспытателя — Владимира Ивановича Вернадского. Он прожил долгую трудную жизнь, в которой были и счастливые дни, и тяжелые утраты. Он учился в прославленном Петербургском университете, слушал блестящие лекции Менделеева, Бекетова, Докучаева, Сеченова, Бутлерова. Ему посчастливилось в юности встретить свою первую и последнюю любовь, об руку с которой он прошел почти шестьдесят лет. Именно ей, Наталье Егоровне, жене, другу, посвящено большинство научных работ ученого.

Гимназические годы Владимира Ивановича прошли на Украине. И сам он всегда характеризовал себя как «русского по культуре и по всему укладу жизни, правда русского, вся жизнь которого непрерывно была связана и с Украиной». Академик Вернадский стал основателем Украинской Академии наук, ее первым президентом.

Он был счастлив в своем научном творчестве, в семье, в учениках. «Не смерть была посеяна на его могиле, а жизнь, полная величия и радости, веры и творчества»,— сказал после кончины учителя и друга академик А. Е. Ферсман.

Но были в жизни ученого и тяжелые времена: арест, одиночество, злобные, чудовищные по глупости нападки критики, обвинения в идеализме и прочих грехах, полное неприятие его научных идей. И сейчас творчество ученого и мыслителя, известного во всем мире, избранного в Академию наук еще в 1906 году, мало изучено, часть его научных работ, писем, интереснейших дневниковых записей не опубликована. В этих дневниках рядом с глубоко личным — мысли Вернадского о науке, истории, революции, будущем человечества.

1905 год глубоко потряс ученого. Он был тогда уже профессором, скоро его изберут членом-адъюнктом Академии наук. В дневнике запись: «Всюду чувствуется большая реальность осуществить республику». Вернадский не теряет веры в победу и тогда, когда революция жестоко подавлена и часть русской интеллигенции переживает глубокий душевный кризис. «Историю нельзя повернуть назад,— записывает он в 1908 году.— Народ... может терпеть поражения, но в конечном итоге он останется победителем».

Великую Октябрьскую социалистическую революцию академик Вернадский принимает сразу, активно помогает становлению молодой советской науки, он в числе создателей Радиевого института. Одним из первых ученый предсказал силы, скрывающиеся в атоме, взглянул на проблему не только с научной точки зрения, но и с этической, моральной. Он спрашивает с тревогой, сумеет ли человек воспользоваться атомной энергией, направив ее на добро, а не на самоуничтожение. Кажется почти невероятным, что эти мысли преследовали академика Вернадского еще в начале века!

Историю природы ученый рассматривал в тесной связи с историей человеческого общества. Он первым в мировой науке понял геологическую и космическую силу человека, его ответственность за свою планету, ввел понятие — ноосфера, сфера, созданная разумом и трудом людей.

«Книгой жизни» назвал академик Вернадский свой огромный научный труд «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Именно эту работу можно рассматривать как его научное завещание. Философским же его завещанием стала работа «Научная мысль, как планетное явление», где ученый показал связь своих идей ноосферы с научным коммунизмом, идеалом будущего человечества.

...Он умер 6 января 1945 года, 82 лет от роду, работая буквально до последнего часа своей жизни...

Величие и трагичность судьбы академика Вернадского состоит в том, что он намного опередил не только свое время, но и сегодняшний день и «за каким-то поворотом еще ждет нас». Лишь в самые последние годы вспыхнул жгучий интерес к идеям ученого, необычайно возрос его авторитет у геохимиков, физиков, экологов, историков, исследователей Земли и космоса.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ПЯТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ



Минувшим летом наконец стал доступен для обозрения и обработки — хвала перестройке! — богатейший фонд Вернадского в архиве АН СССР. Поиски мои направлены были главным образом на прояснение одного из самых загадочных и вместе с тем плодотворных этапов жизни Владимира Ивановича — так называемого «парижского периода». В эти пять лет им были обдуманы и созданы наиболее значительные сочинения, составившие учение о живом веществе и ноосфере. Все документы публикуются впервые.

Осенью 1921 года Владимир Иванович с женой Натальей Егоровной вернулись в Петроград после трехлетних скитаний по югу России.

Не успели они вновь обжить старую свою квартиру в доме № 2 по 7-й линии Васильевского острова, как Владимир Иванович был арестован.

Воспроизвожу этот эпизод с подробностями, которые позволяют сделать новонайденные материалы. Ночью в дверь постучали, вошли четверо сотрудников и с ними понятой. Начался обыск. На шум пришел Ф. И. Успенский (академик, сосед по квартире).

«Я сидел в качалке, в халате, не одеваясь... Взяли какие-то случайные бумаги, может быть, и важные... Когда мне сказали, чтобы я оделся, Федор Иванович начал кричать на них, указывая, что я приехал с ведома правительства. Я взял с собой маленькое популярное издание Реклю и «Разговоры с Гете» Эккермана» (Запись Вернадского в дневнике).

Отчего же это бесцеремонное вторжение не представилось хозяевам и соседу нелепой и возмутительной случайностью? Они как будто ожидали его...

Вернемся несколько в прошлое и откроем малоизвестные страницы биографии Вернадского. Дело в том, что ученый был активным деятелем земского движения, из которого выкристаллизовалась после революции 1905 года конституционно-демократическая партия. Владимир Иванович стоял у ее истоков и вошел в состав ее ЦК. В феврале 1917-го друг его юности С. Ф. Ольденбург занял пост министра просвещения во Временном правительстве. Он немедленно предложил Владимиру Ивановичу портфель «товарища министра» (то есть заместителя). Таким образом, вместе оказались два выдающихся ученых-академика: европейски знаменитый востоковед и великий естествоиспытатель. Работа повелась с размахом, замыслы лелеялись обширные.

Но вернемся в Петроград 1921 года...


В грузовичке, в открытом кузове которого сидели человек десять с охраной, Владимира Ивановича повезли сначала на Гороховую, а оттуда в тюрьму на Шпалерной. Адреса эти были тогда хорошо известны петроградцам. Дорогой все основательно продрогли. «Мы отказались раздеться и были подвергнуты отвратительному обыску. Затем, облаченных в тюремное белье, нас повели не помню в какой этаж. В камере было 3 человека и 4 койки. Мои товарищи уже спали. Они проснулись. Я сидел молча, не входя в разговор...»

Везде в записной книжке, где Владимир Иванович упоминает о сокамерниках, он называет их «мои товарищи по заключению».

Один из них был молодой солдат, «добродушный экспансивный деревенский парень». По неразумию или недоразумению он оказался втянут в водоворот кронштадтских событий. А еще раньше он записался в Красную Армию и участвовал в подавлении антоновского мятежа. Невероятное совпадение — воинское подразделение солдата расположилось на постое в Вернадовке — небольшом имении, доставшемся Владимиру Ивановичу от отца. Владимир Иванович был потрясен: встретить в тюрьме человека, который не так давно был в Вернадовке!

Тотчас почувствовал он полное расположение к юноше. Они разговорились. Отворилось оконце в двери, стали раздавать обед. «Еда была плохая и в недостаточном количестве. Суп —

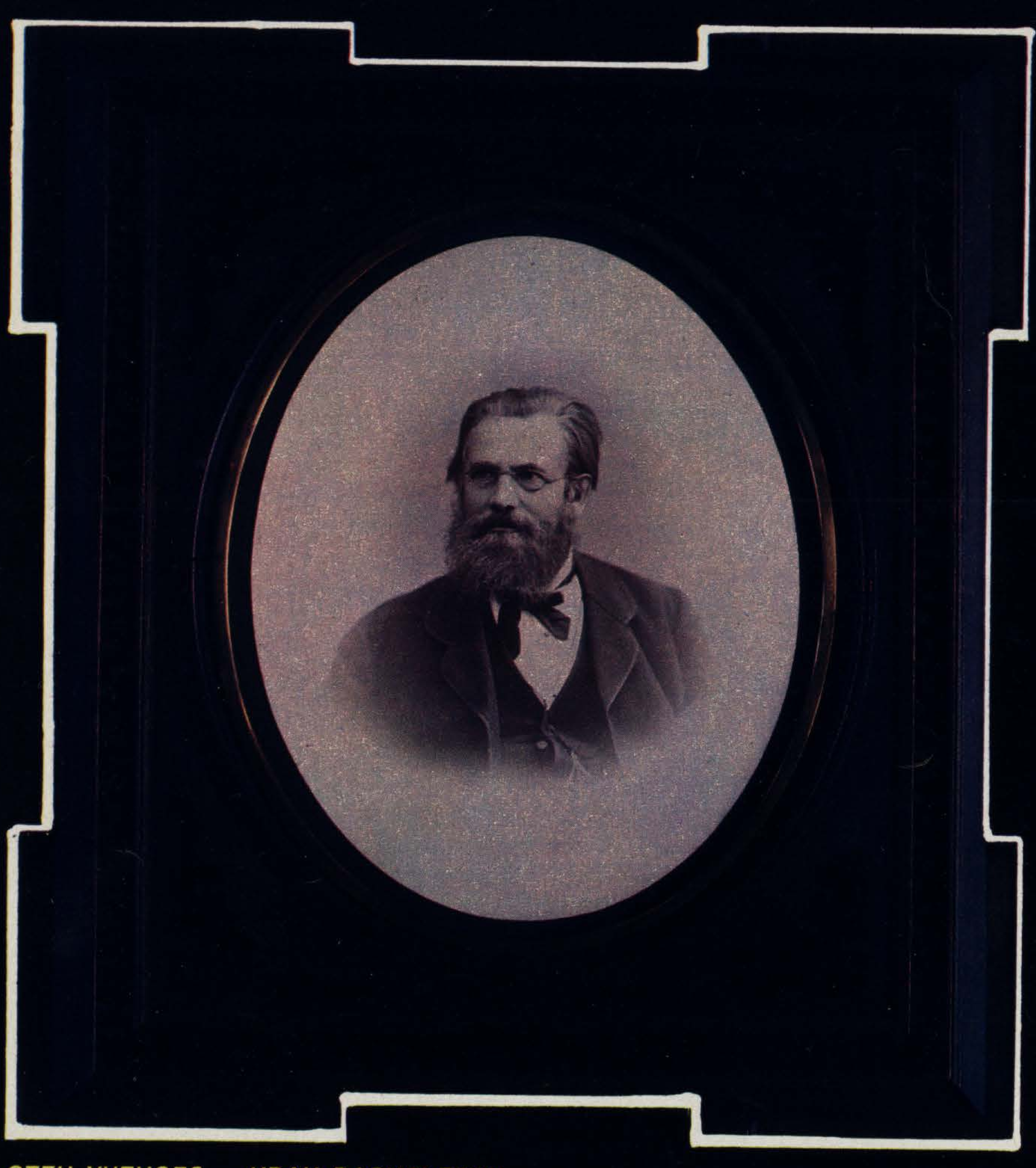
Окончание на стр. 23.



«УЧЕНЫЕ НЕ ДОЛЖНЫ ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА НА ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ НАУЧНОЙ РАБОТЫ...» ЭТИ СЛОВА ПРОИЗНЕС ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВЕРНАДСКИЙ — ВЕЛИКИЙ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК КРИСТАЛЬНОЙ ЧЕСТНОСТИ И ВЫСОКОГО ГРАЖДАНСКОГО МУЖЕСТВА. ЕГО ВОЛНОВАЛО ВСЕ: ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ, МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ЛУЧИСТОЙ ЭНЕРГИИ» АТОМА, ЭТИКА, МОРАЛЬ, ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ...
К НАСЛЕДИЮ УЧЕНОГО ЕЩЕ ДОЛГО БУДУТ ОБРАЩАТЬСЯ ГЕОХИМИКИ И ПОЧВОВЕДЫ, БИОЛОГИ И ГЕОЛОГИ, СПЕЦИАЛИСТЫ ПО АТОМНОЙ ФИЗИКЕ И ЭКОЛОГИИ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЗЕМЛИ И КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.

ПАМЯТНИК АКАДЕМИКУ В. И. ВЕРНАДСКОМУ В КИЕВЕ. УЧЕНЫЙ БЫЛ ПЕРВЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ИЗ МЕМОРИАЛЬНОГО КАБИНЕТА-МУЗЕЯ В ИНСТИТУТЕ ГЕОХИМИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ХИМИИ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО АН СССР В МОСКВЕ.

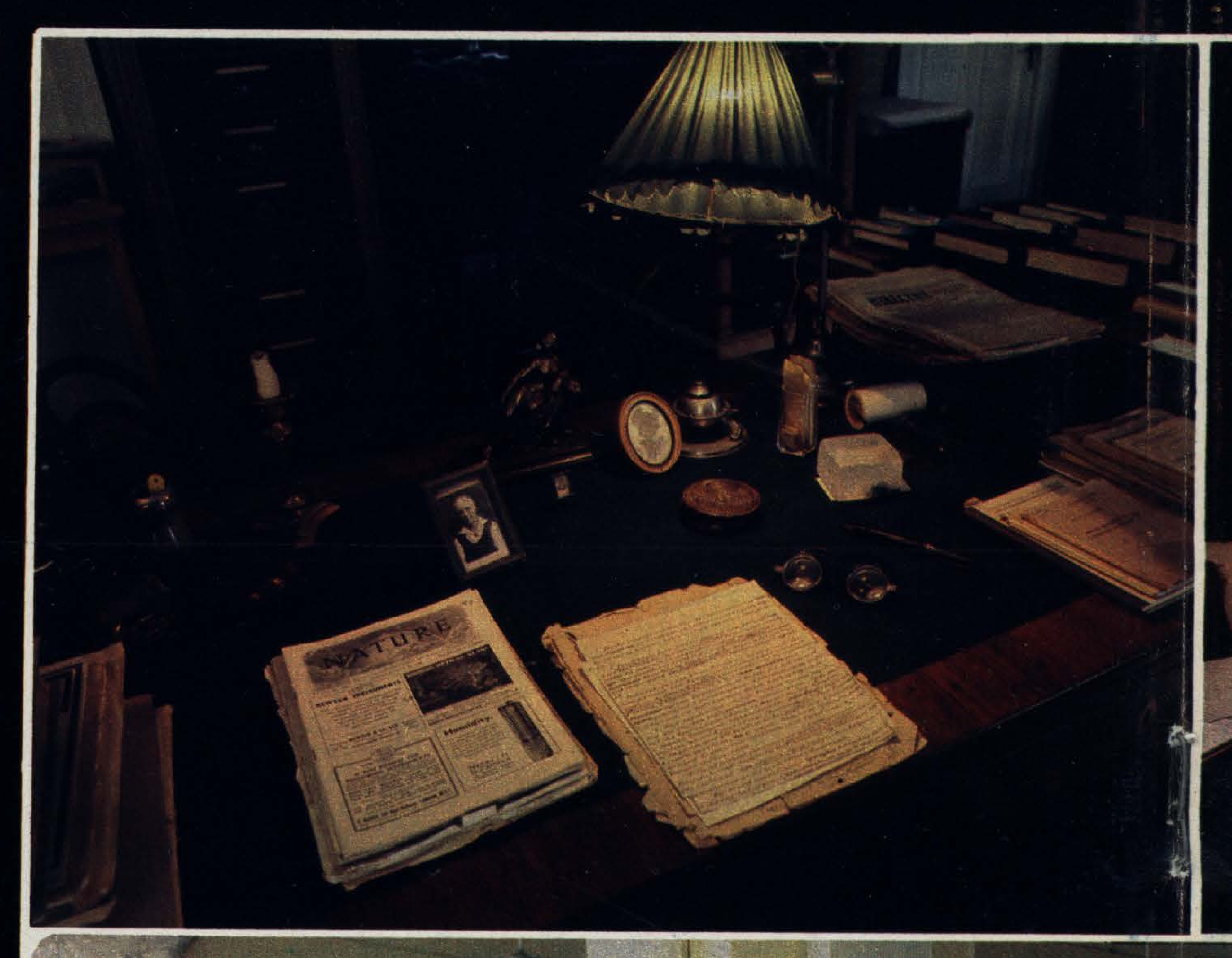


ОТЕЦ УЧЕНОГО — ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ.



В МЕМОРИАЛЬНОМ КАБИНЕТЕ-МУЗЕЕ.











МИНЕРАЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО В МОСКОВСКОМ ГЕОЛОГО-РАЗВЕДОЧНОМ ИНСТИТУТЕ.



МАТЬ — АННА ПЕТРОВНА.



Фото Виктора КОРНЮШИНА

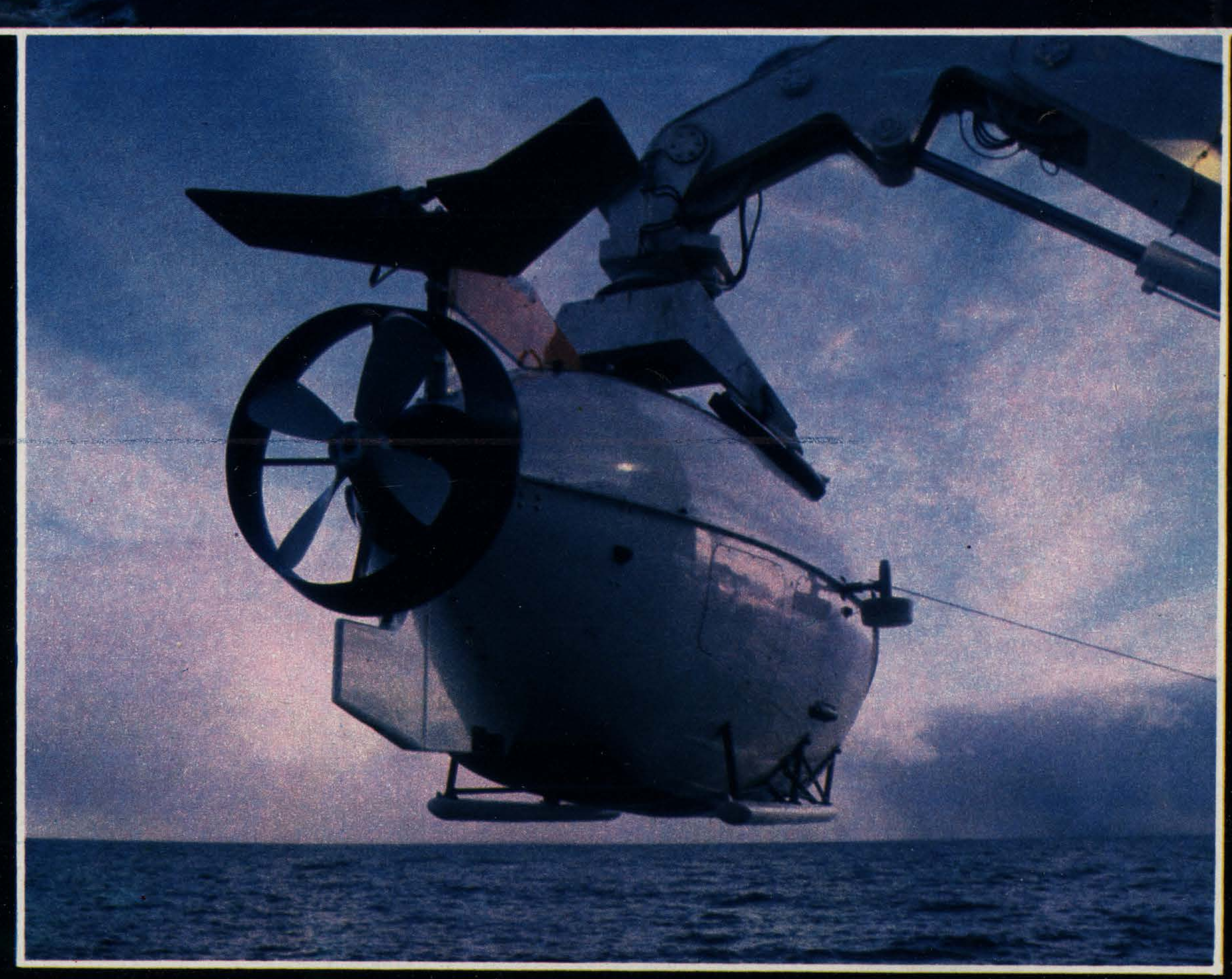
БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ ВЕРНАДСКИХ (1888 ГОД). СТОИТ КРАЙНИЙ СПРАВА — ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ.



МЫ НА ГРУНТЕ!

ПОЧТИ
99 ПРОЦЕНТОВ
ДНА МИРОВОГО ОКЕАНА
СТАЛИ ДОСТИЖИМЫМИ
ДЛЯ СОВЕТСКИХ
УЧЕНЫХ
БЛАГОДАРЯ НОВЫМ
ОБИТАЕМЫМ
ГЛУБОКОВОДНЫМ
АППАРАТАМ «МИР».

ПЕРВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ
НА ГЛУБИНУ ШЕСТЬ
КИЛОМЕТРОВ —
СОБЫТИЕ
МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ,
ПОСЛЕДУЮЩИЕ —
БУДУТ НОРМАЛЬНОЙ
РАБОТОЙ.



Юрий РОСТ
Фото автора

Событие, которое произошло 13 и 14 декабря 1987 года в центральной части Атлантического океана, странным образом оказалось в тени общественного интереса страны. Ему даже не нашлось места в программе «Время», а между тем...

А между тем в первых же запланированных испытательных спусках подводных обитаемых аппаратов «Мир-1» и «Мир-2» были достигнуты глубины 6170 и 6120 метров. Известия об этих погружениях — событие в мировой океанологии. До конца прошлого года существовало лишь два аппарата, способных достичь подобных глубин,— «Си клиф», принадлежащий ВМФ США, и французский «Наутилус». Теперь их четыре. Два наших.

Не исключено, что глубина, на которую нырнул «Мир-1», вообще рекордная для подводных обитаемых аппаратов, а руководитель погружения профессор Игорь Михальцев, финский пилот Пекка Лааксо и советский доктор технических наук Анатолий Сагалевич вошли в десятку самых «глубоководных» людей Земли.

Но не в рекорде дело. Тем более что максимальная глубина в океане достигнута была в январе 60-го года, когда швейцарец Ж. Пикар и американец Д. Уолш опустились на батискафе «Триест» в Марианской впадине на 10 916 метров. Там была точно уж единственная цель — рекорд. Батискаф — громоздкая трехсоттонная конструкция, которую не перевезешь на корабле. Бензиновые поплавки-цистерны опасны и загрязняют океан. Экипаж — два пилота... Словом, годы готовились — спустились, поднялись и получили награды за престиж.

В 1962 году затонула американская подлодка. Два месяца буксировали «Триест» к месту гибели «Трешера». Но погружения были дорогими и неэффективными. Батискаф оттащили к берегу, а спустя некоторое время установили на постамент.

Конструкторы стали разрабатывать и строить маленькие автономные аппараты с твердыми, но легкими поплавками из синтактика, но глубина давалась нелегко, и понадобилось 25 лет после спуска «Триеста», чтобы подойти к заветной цифре шесть километров, обеспечивающей аппарату достижение дна на почти 99 процентах площади океана...

А там, на дне, он может разведывать, изучать, брать пробы и образцы грунта, открывать новые виды растений и животных и оказывать помощь, если понадобится.

Необходимость такого аппарата для науки вообразить можно, а вот трудности, связанные с его строительством,— едва ли. Недаром хитроумные и технологичные японцы, окруженные морями, пока лишь готовят свой шеститысячник к испытаниям: а у нас есть, и построены они в соавторстве с финской компанией «Раума-Репола», которая до того не создала ни одного аппарата даже для минимальной глубины.

Но этот феномен не удивляет западных специалистов, потому что они знают, что финны создавали аппарат в тесном сотрудничестве с Академией наук СССР, по советскому техническому заданию. А двигателем, мозгом проекта был и остается профессор Игорь Евгеньевич Михальцев. Можно было бы сказать, что он выстрадал эти уникальные машины, если бы он не был таким азартным бойцом. Он их выгрыз — убеждал, доказывал, спорил, писал письма, отвечал на письма, подписанные против него,— и победил. Не один. Он нашел людей в Академии наук, в Институте океанологии (где у него лаборатория), людей, которые разделили его идеи...

Научно-исследовательское судно «Академик Мстислав Келдыш» уже вышло из финского порта с аппаратами на борту, а в возможное достижение глубины многие все еще не верили. Может быть, поэтому Михальцев оговорил в контракте, что во всех первых испытательных спусках будет участвовать он сам и Анатолий Сагалевич — заведующий лабораторией глубоководных обитаемых аппаратов Института океанологии, опытнейший пилот, совершивший уже добрую сотню погружений на глубины до 2 километров и участвовавший в качестве наблюдателя и советчика в строительстве аппаратов. Основным пилотом был в прошлом военный летчик финн Пекка Лааксо.

День был тихий и солнечный, океан пуст... Бортовой кран приподнял «Мир-1», перенес его через борт и опустил на воду. Маленького китеныша с оранжевым хвостом зацепили тросом, отбуксировали подальше от борта корабля и выпустили на свободу. Там, во чреве, в шарике диаметром в 210 сантиметров, на крохотном пространстве, которое осталось от аппаратуры и приборов, разместились три человека, которые предпримут попытку достичь дна, достичь глубины.

Наверху — на корабле, на катере — в огромном напряжении будут сидеть у аппаратуры и подводной связи люди, которые ничем, кроме совета, им помочь не смогут.

Те трое будут полагаться только на себя, на свой опыт, знания и чутье. Уверенность в правоте идеи позволит им преодолеть и наши сомнения в успехе, когда, не выдержав испытания глубиной, откажет один из насосов. Они будут идти шесть километров вниз — шесть часов и, достигнув цели, скажут: «Мы на грунте, глубина 6170» — так буднично, что те болельщики экспедиции, которых это волновало, не поймут, что цель достигнута.

И только когда Виктор Бровко и Юха Корханен, координирующие спуск, повторят: «Они на дне»,— все осторожно зааплодируют, потому что впереди еще шесть часов всплытия...

Сегодня, когда вы читаете этот репортаж, аппараты «Мир» на борту «Академик Мстислав Келдыш» ушли в первую рабочую экспедицию. Счастливых им глубин...

●

ПРОШУ СЛОВА!

КТО ЕСТЬ КТО?



В «Литературной газете» № 2 помещена статья И. Беляева «Хомейни» (политический портрет). Это очень интересное чтение. Перед нами возникает живой образ политического и религиозного деятеля, личности с весьма особенными, индивидуальными чертами. Здесь интересно все — и специфически мусульманские штрихи образа иранского вождя, и бытовые детали его жизни. *«Его повседневные потребности удивительно просты... предпочитает молочную пищу... спит на полу... еще недавно вставал за час до рассвета... не раз высказывался за борьбу с музыкой. По его словам, музыка сбивает с пути молодежь...»* И так далее. Статья эта для нашей периодики не редкость. «Литгазета», «Неделя», «За рубежом», «Аргументы и факты», другие еженедельники время от времени печатают подобного рода материалы.

Благодаря таким публикациям можно узнать, что Джон Кеннеди владел техникой сверхбыстрого чтения и что, даже будучи президентом, час в день обязательно играл со своими детьми, что Маргарет Тэтчер сама готовит завтрак своему мужу, что заработок Председателя Совмина Венгрии — 60 тысяч форинтов минус огромный налог, что госпожа Корасон Акино — многодетная мать, что папа Иоанн Павел II знает множество языков и ездит на горных лыжах... Теперь я знаю, кто такой сенатор А из страны Икс, генерал Б из страны Игрек, а также сам В — глава государства Зет. Я располагаю сведениями о том, в каких колледжах они учились и какие у них там были клички, любили ли они спорт и какой именно, я знаю их остроты, а также создавшие им популярность, выдвинутые в самый нужный момент лозунги. Я знаю о средствах, на которые они живут, и о мере их независимости. Я знаю об их женах и детях, о том, какую пищу они предпочитают, я наслышан об их привычках, их хобби... Короче говоря, я совершенно отчетливо представляю себе, что это за люди и меру их свободы проявления самих себя, то есть чего от них ждать, а чего не ждать ни в каком случае.

Благодаря этим биографическим сведениям политическая, экономическая, социальная карты мира приобретает для меня особую смысловую емкость. Как только перестают быть размытыми пятнами руководящие фигуры, сразу становится легче разбираться или уж, во всяком случае, хотя бы приблизительно ориентироваться в хитросплетениях политики. Соединение прошлого в единую цепь с тем, что происходит в наши дни, позволяет (умозрительно, конечно) нащупывать предположительные пути того, что может произойти в будущем. И знакомство с фигурами, стоящими во главе тех или иных социальных сил, политических течений и группировок, более всего способствует такой ориентировке.

А вот о том, «кто есть кто» у нас дома, я, простой гражданин, чаще всего решительно ничего не могу сказать. Вот кого-то куда-то назначили: полетел слух, что это человек такого-то, потом порхнул анекдот, потом приезжаешь в Москву, и тебе, скосив глаза, кто-нибудь полушепотом сообщает, что у знакомых его жены есть общая портниха с такой-то, а она... и слушаешь всякую околесицу. Но, товарищи, что мы действительно можем понять из тех сведений, которые публикуются в наших газетах?

Давайте спросим нынешних молодых людей: кто был Председателем Президиума Верховного Совета СССР нашей страны в первой половине их 20—25-летней жизни? Девяносто человек из ста вообще не ответят ничего, либо ответ дадут неверный. Но можно ли обвинять этих молодых людей в нелюбознательности или в невнимании к деятелям нашего государства? Полагаю, что нельзя. Мне пятьдесят лет, я читал и читаю газеты, интересовался и интересуюсь происходящим, но ничего о Н. В. Подгорном, кроме факта совершенно не мотивированного для меня, простого гражданина, назначения его на президентский пост в 1965 году да совершенно будничного, в рабочем, как теперь говорят, порядке снятия с него в 1977-м, я не помню. Нет, один штрих все же припоминаю — это был журнал почетных посетителей на одной из подводных лодок Северного Флота. Там была такая запись: «Посетил боевой корабль. Оставил большое впечатление. Н. Подгорный». Почему же мы не спросим себя: за что, за какие выдающиеся деловые и личные качества человек стал президентом нашей огромной, великой страны и двенадцать лет им оставался? Впрочем, вопрос этот теперь уже чисто риторический, и ответа на него ни мне, ни, вероятно, уже никому другому не требуется. Поезд, как говорится, ушел.

Но мы живем, хочется надеяться, в другие времена. И я хочу понимать по-человечески и знать не по-анкетному, кого мы выбираем на высокие посты, кто от имени, скажем, города, в котором я живу, жмет руки главам и послам других стран, что за человек (я имею в виду уровень культуры, образованности, развития личности) отвечает в масштабе страны за совершенствование, например, нашей юриспруденции, от кого (меня опять-таки интересует личность) зависит сохранение памятников старины, постановка народного образования, вопросы экологического круга и так далее. Скупые данные, что иногда печатают в наших газетах, никакого представления о человеке дать не могут. Вариации трех-четырех цифр, трех-четырех должностей, портрет анфас, обязательной деталью которого является галстук; сам же язык подачи этих сугубо канцелярских сведений, словно из компьютера: ни одного живого слова.

Для того чтобы у меня возникло доверие к личности человека и его работе, мне надо знать, как складывается хотя бы один его день, и день этот не может ограничиться приемными часами в служебном кабинете. Кто-то из великих сказал, что культура человека определяется отнюдь не его профессией, а тем, как человек распоряжается своим внеслужебным временем. Тут можно добавить только то, что человек, превращающий и внеслужебное время в служебное, тоже негармоничен хотя бы потому, что ему некогда читать, а в наши, особенно в наши, дни можно ли представить себе человека культурного хотя бы в отрыве от сегодняшних журналов...

По-моему, пора заговорить о том, что необходимо дать возможность нашим журналистам освещать аспекты так называемой личной жизни тех людей, которые находятся на ответственных должностях и постах, или предполагается, что они могут их занять. Вероятно, поначалу жанр подобного портрета пройдет стадию комплиментарную, но журналистика сейчас на подъеме, и в ней все больше сверкает честных, смелых, талантливых имен...

Михаил ГЛИНКА,
член Союза писателей СССР.
Ленинград

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Грэм ГРИН

РОМАН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Сотрудник британского посольства в ЮАР Морис Касл влюбился в африканку. Об этом нарушении законов апартеида узнает секретная служба расистов и начинает шантажировать Касла, пытаясь завербовать его. Это вынудило Мориса уехать из ЮАР. Любимой же им женщине помогли бежать за границу коммунисты. Благодарный Касл делится с ними сведениями по Южной Африке, борясь таким образом с режимом апартеида. Спустя семь лет в Лондон прибыл представитель юаровских спецслужб, допрашивавший когда-то Касла. Теперь Морис по указанию свыше вынужден принимать Мюллера в своем доме, посвящать его в тайны британской разведки.

В одном секторе с Каслом работает Артур Дэвис, которого подозревают в передаче за рубеж секретной информации. При попустительстве главы разведслужбы сэра Харгривза доктор Персивейл отравляет ни в чем не повинного Дэвиса, не собрав против него прямых улик.

Последняя фраза не выходила у Касла из головы, пока он поднимался в комнату к сыну. Касл привык к этим «конечно, верим, но...». Но Дейнтри, который обыскивал его портфель... незнакомец в Уотфорде, который должен был удостовериться, что он шел на встречу с Борисом без хвоста. Да и сам Борис. Касл задумался над тем, сможет ли его жизнь стать такой же простой, как в детстве, когда он навсегда избавится от недомолвок и ему будут доверять окружающие, а не только Сара с Сэмом?

Сэм уже ждал его, темнокожее лицо сына выделялось на чистой светлой наволочке. Белье, видимо, только поменяли, поэтому контраст казался резким, как на рекламе виски «черное и белое».

— Как дела? — поинтересовался Касл, поскольку ничего больше не приходило на ум. Но Сэм промолчал, очевидно, у мальчика тоже были свои секреты.

— Как дела в школе?

— Нормально.

— Какие сегодня были уроки?

— Арифметика.

— Ну и как прошел урок?

— Нормально.

— А еще какие были уроки?

— Английская лите...

— Литература. Ну и как?

— Нормально.

Касл понял, что еще немного, и он навсегда может потерять для себя сына. Его «нормально» всякий раз резало слух, как отдаленные взрывы, которые разрушали соединяющие их мостики. Если бы он спросил Сэма: «Ты разве мне не веришь?», не исключено, что тот ответил бы: «Верю, но...»

— Тебе почитать?

— Да, пожалуйста.

— А что тебе хочется?

— Книжку про сад.

На какое-то мгновение Касл растерялся. Он обвел взглядом полку, заставленную видавшими виды книжками. Их с двух сторон подпирали фаянсовые фигурки собачек, очень похожие на Буллера. Кое-что осталось с детских лет, а остальные книжки, почти все без исключения, были куплены им самим, поскольку Сара начала читать уже в зрелом возрасте и лучше разбиралась в книгах для взрослых.

Касл достал с полки томик стихов, который хорошо помнил с детства. Их с Сэмом не связывали кровные узы, и было не обязательно, чтобы их вкусы совпадали. И все же Касл никогда не терял надежды, что и книга может стать мостиком между ними. Он наугад открыл томик, так по крайней мере ему показалось. Однако книга, как и песчаная тропинка, каким-то таинственным образом сохраняет следы последнего прикосновения. Касл за последние два года несколько раз читал сыну стихи и знал, что книжка еще с детства хранит следы его прикосновения. Вначале Каслу показалось, что он открыл стихотворение, которое никогда раньше не читал вслух. Но, пробежав начало, он понял, что помнит стихотворение чуть ли не наизусть. «Бывают стихи,— подумал Касл,— которые с малых лет больше Библии формируют человека».

Нарушая границу (грех! нам не будет пощады!),
Обдираясь о ветки среди полутьмы,
Сквозь пролом выползаем из нашего сада
И навстречу реке устремляемся мы...

— А что такое «граница»?

— Это там, где кончается одна страна и начинается другая. — Для Касла, как он сейчас понял, подобное объяснение показалось слишком сложным. Но Сэма оно удовлетворило.

— А что такое «нам не будет пощады»? Они что, шпионы?

— Нет, нет, не шпионы. Мальчику, о котором идет речь, сказали не выходить из сада, и...

— А кто ему сказал?

— Папа, думаю, или мама.

— Значит, это «грех»?

— Стихи написаны очень давно. Тогда люди были намного строже, чем теперь. Но так или иначе, эти стихи о том, чего нет на самом деле.

— Я думал, убийство — грех.

— Конечно, убийство — преступление.

— Ну, а если выйти из сада?

Касл пожалел, что выбрал именно это стихотворение, поскольку оказалось, что ему самому не так просто сбросить с себя узы прошлого.

— Хочешь, я тебе почитаю?

Касл пробежал глазами несколько строк, которые, на его взгляд, звучали вполне безобидно.

— Только что-нибудь другое. Эти стихи я не понял.

— Тогда какое же?

— Там, где об одном человеке...

— Который зажигает фонари?

— Нет, другое.

— А что делает тот человек?

— Не знаю точно. Там темно.

— Да, довольно трудно найти. — Касл полистал страницы в поисках стихотворения.

— Он скачет на лошади.

— Вот это? — И Касл начал читать:

Луна ли светит с небосвода,
Бушует ли нежданный вихрь,
Всю ночь во мгле, презрев невзгоды...

— Да, да, это самое.

Скачет всадник во мгле,
Скачет, скачет сквозь тьму.
А зачем? Почему?..

— Продолжай. Почему ты остановился?

Пусть ветер бушует
И море штормит.
А всадник все скачет
Сквозь черную мглу...

— Да, оно-то мне и нравится.

— Немножко страшновато от этих стихов,— заметил Касл.

— Поэтому оно мне и нравится. Интересно, а лицо его закрывает чулок?

— Тут ничего не сказано, что он грабитель, Сэм.

— Тогда зачем он скачет и скачет сквозь тьму? У него такое же белое лицо, как у тебя и у мистера Мюллера?

— Здесь тоже об этом ничего не сказано.

— Думаю, он темнокожий. Он обязательно должен быть темнокожим.

— Почему?

— Наверно, белые его боятся и потому запирают дома, чтобы он не пробрался к ним с большим ножом и не перерезал им всем горло. Не торопясь,— не без удовольствия добавил Сэм.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—10.

Сэм никогда не казался Каслу таким черным, как сейчас. Он обнял мальчика, как бы защищая его. Но Касл не мог оградить сына от жажды отмщения и чувства ненависти, которые начали зарождаться в юном сердце.

Касл прошел в свой кабинет, открыл ящик стола и вынул записку Мюллера. Она была озаглавлена: «Окончательный вариант». Мюллер открыто обсуждал проект в Германии, и этот «вариант» не был ими отвергнут — предложение по-прежнему находилось на столе переговоров. Перед глазами Касла стояла все та же страшная сцена — умирающий ребенок и огромный гриф, готовый разорвать его на куски.

Касл сел за стол и аккуратно скопировал записи Мюллера. Он и не подумал напечатать текст на машинке. Как показала практика, в наше время всегда можно установить, на какой машинке напечатан текст, а Каслу не хотелось принимать какие-либо меры предосторожности. От книжного шифра он тоже уже отказался, направив последнее сообщение, которое заканчивал словами «прощайте». Выводя на бумаге «окончательный вариант» и скрупулезно переписывая записи Мюллера, Касл, по существу, впервые отождествил себя с делом, за которое боролся Карсон. Оказавшись в подобной ситуации, Карсон наверняка бы пошел на максимальный риск. И, как однажды сказала Сара, он «зашел уже слишком далеко».

В два часа ночи Касл все еще не мог заснуть. Сара напугала его своим криком во сне.

— Нет! — стонала она.— Нет!

— Что стряслось?

Она ничего не ответила, но, включив свет, Касл увидел, что глаза Сары полны ужаса.

— Тебе просто что-то приснилось. Ночной кошмар, и не более,— успокаивал он жену.

— Страшно,— проговорила Сара.

— Расскажи мне. Сон никогда не сбудется, если его сразу рассказать, пока помнишь.

Касл чувствовал, как дрожала Сара. Ощущение беспокойства передалось и ему.

— Это просто сон, Сара. Поделись со мной, и все пройдет.

— Я была в вагоне. Поезд тронулся,— рассказывала Сара. — Ты остался на платформе, а я одна в купе. Билеты у тебя. Сэм тоже с тобой. Ему вроде бы все безразлично. Я даже не знала, куда мы едем. Я слышала, что в соседнем купе проверяют билеты. Я поняла, что попала не в тот вагон, что этот вагон «только для белых».

— Теперь, когда ты рассказала мне сон, он никогда больше не приснится.

— Я знала, что кондуктор мне скажет: «Убирайся отсюда. Тебе здесь нечего делать. Вагон только для белых».

— Но это же сон, Сара.

— Да, понимаю. Извини, что разбудила. Тебе надо хорошенько выспаться.

— Твой сон похож на сны, которые видит наш Сэм. Помнишь?

— Мы с Сэмом подсознательно ощущаем цвет своей кожи. И нас это преследует во сне. Иногда кажется: ты любишь меня только потому, что я чернокожая. Скажем, если бы ты был негром, ведь не стал бы любить белую женщину лишь за то, что она белая, разве не так?

— Нет. Я не южноафриканец, проводящий уик-энд в Свазиленде. Я знал тебя почти год, когда понял, что влюбился. Чувство к тебе возникло не сразу... месяцы совместной секретной работы. Я был так называемым дипломатом и находился как за каменной стеной, ничем не рискуя. Ты же рисковала всем. Кошмары мне тогда не снились, но я часто не мог заснуть и думал: придешь ли ты на нашу следующую встречу или исчезнешь навсегда, а я так никогда и не узнаю, что произошло с тобой. В лучшем случае мне бы сообщили, что канал связи исчерпан.

— Так, значит, больше всего тебя волновал канал связи?

— Нет, меня волновало, что станет с тобой. Я уже несколько месяцев был в тебя влюблен и знал, что не смогу жить, если с тобой что-нибудь случится. Теперь мы в полной безопасности.

— Ты уверен?

— Конечно. Неужели семи лет мало, чтобы в это поверить?

— Не сомневаюсь в твоей любви. Я хочу сказать, так ли ты уверен, что мы в полной безопасности?

Каслу нелегко было ответить на этот вопрос. «Прощайте» в его последней шифровке оказалось несколько преждевременным. А выражение «я поднял и опустил руку» не было символом свободы в мире, где правил «Дядюшка Римус».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава I

Смеркалось рано. Выйдя из телефонной будки, Касл окунулся в ноябрьскую мглу и изморозь. Он не получил ответа ни на один из условных сигналов. На Оулд-Коммптон-стрит красная неоновая надпись «Книги» над лавчонкой Хэллидея-младшего, где он



занимался своим сомнительным бизнесом, светилась сегодня не так ярко. В магазине напротив Хэллидей-старший, как обычно, сгорбился над прилавком, освещенным одной-единственной лампочкой — он тоже экономил электроэнергию. Когда Касл зашел внутрь, старик, не поднимая головы, повернул выключатель, чтобы как следует осветить книжные полки со старомодными изданиями.

— Вы не тратите электричество попусту,— заметил Касл.

— А, это вы, сэр! Вы правы. Я по мере сил помогаю правительству, кроме того, после пяти часов вечера сюда не часто заходят серьезные посетители. Заглядывают, правда, люди, предлагающие купить у них книги. Однако книги у них, как правило, весьма потрепанные. Часто от меня уходят расстроенными, поскольку почему-то считается, что любая книга, изданная сто лет назад, теперь должна быть на вес золота. Хочу извиниться, сэр, за задержку с книгами Троллопа, если вы зашли ко мне только по этому поводу. Никак не удается достать второй экземпляр, оказывается, книгу рекламировали по телевидению. В этом-то вся проблема — распроданы даже все «пингвиновские» издания.

— Спешки особой нет. Одного экземпляра достаточно. Собственно, я и зашел, чтобы сказать вам об этом. Мой приятель перебрался жить за границу.

— Так, значит, теперь вам не с кем будет коротать долгие вечера в спорах о литературе, сэр. Буквально на днях я говорил сыну...

— Кстати, довольно странно, мистер Хэллидей, что я до сих пор не знаком с вашим сыном. Он сейчас у себя? Я мог бы переговорить с ним о книгах, которые собираюсь уступить ему. Дело в том, что я несколько охладел к так называемой «развлекательной» литературе, наверное, возраст дает знать. Так он у себя?

— К сожалению, сейчас нет. По правде говоря, у него возникли кое-какие проблемы. Дела шли неплохо, и в прошлом месяце он открыл еще один магазинчик в районе Ньюингтон-Баттс. Полиция там по сравнению с нашей оказалась не такой сговорчивой, точнее, настоящие вымогатели. Сыну пришлось сегодня полдня проторчать в муниципальном суде из-за своих дурацких журналов, и он еще не вернулся.

— Хочу надеяться, что вас это не коснется, мистер Хэллидей?

— Господь с вами. Полицейские мне симпатизируют. Наверно, они действительно сочувствуют мне, что сын занялся таким бизнесом... Я им на это всегда отвечаю, что, будь я помоложе, не исключено, что я бы делал то же самое. Но они не верят.

Каслу всегда казалось странным, что связным избрали такого сомнительного молодого человека, как Хэллидей-младший, в магазинчик которого в любой момент с обыском могла нагрянуть полиция. «Или,— подумал Касл,— расчет сделан именно на это». Ведь полицейские, стоящие на страже нравственности, вряд ли посвящены в тонкости разведки. Кроме того, не исключено, что Хэллидей-младший, как, впрочем, и отец, не подозревал, что его использовали. Каслу очень хотелось выяснить это, поскольку он собирался доверить ему такое, отчего на карту могла быть поставлена его собственная жизнь.

Касл посмотрел на яркую надпись на другой стороне улочки, на выставленные в витрине журналы с обнаженными девицами на обложках и удивился тому, что заставило его открыто пойти на такой риск. Борис явно не одобрил бы его решения, но теперь, когда направлено последнее сообщение о том, что он прекращает связь, Касл никак не мог устоять перед соблазном живого человеческого общения, отказавшись от тайников, шифровок и условных сигналов по телефону.

— Не знаете точно, когда вернется ваш сын? — поинтересовался Касл.

— Понятия не имею, сэр. Не могу ли я быть вам чем-то полезен?

— Вряд ли. Не хотелось бы вас затруднять.

Касл не знал условных сигналов для связи с Хэллидеем-младшим. Их контакты были глубоко законспирированы. Касл понимал, что встретиться они, наверно, смогут лишь в случае непредвиденных обстоятельств.

— А ваш сын случайно не водит красную «тоёту»? — спросил Касл.

— Нет, но иногда он берет у меня машину для поездок за город. Время от времени он мне помогает. У меня самого сил уже на все не хватает. А почему это вас заинтересовало?

— Мне показалось, что как-то я видел похожую машину рядом с его магазинчиком.

— Смею заверить, это была не наша машина. В город мы не ездим. При нынешнем движении просто неэкономично. Мы же стараемся экономить там, где возможно. К этому нас постоянно призывает правительство.

— Хочется надеяться, что в суде с ним обойдутся не слишком сурово.

— Очень мило с вашей стороны. Я передам сыну, что вы заходили.

— Кстати, я захватил тут один список, который можете ему передать. Прошу только учесть, это сугубо конфиденциально. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то узнал, какие книги я коллекционировал в молодости.

— Можете положиться на меня, сэр. Я до сих пор никогда не подводил вас. Так как же насчет книги Троллопа?

— Не беспокойтесь, я обойдусь без нее.

На железнодорожном вокзале Юстон Касл купил билет до Уотфорда, поскольку не хотел предъявлять проездной до Беркампстеда и обратно. У кондукторов прекрасная память на пассажиров с сезонными проездными. В поезде Касл, чтобы отвлечься, прочел утреннюю газету, которую кто-то оставил на соседнем сиденье. Касла привлекло интервью со знаменитым киноактером, которого Касл ни разу не видел на экране. Их кинотеатр в Беркампстеде давно переоборудовали в зал для игры в бинго. Вероятно, актер женился вторично. Или в третий раз? Несколько лет назад он заявил в интервью, что никогда больше не женится. «Итак, теперь вы передумали?» — допытывался у него беспардонный журналист.

Касл внимательно дочитал интервью. Актер без всякого стеснения обсуждал с журналистом свою личную жизнь: «Я был чертовски беден, когда женился впервые. Она меня совершенно не понимала... интимные отношения у нас не сложились. А вот с Наоми все иначе. Она знает, что я, как выжатый лимон, прихожу со съемок... при первой возможности мы на недельку уезжаем, чтобы побыть одним в каком-нибудь укромном местечке, скажем, в Сент-Тропезе, и там забываем обо всем на свете».

«Не стоит лицемерить и осуждать знаменитость,— подумал Касл. — Необходимо, если получится, встретиться с Борисом. Настало время выговориться».

Приехав в Уотфорд, Касл скрупулезно повторил свой предыдущий маршрут. Сначала он задержался на автобусной остановке, затем пошел пешком и подождал за углом, проверив, нет ли за ним слежки. Миновал кафе, куда заходил в прошлый раз. Тогда у него был провожатый, который останавливался, чтобы завязать шнурки и заодно провериться, теперь же Касл искал дорогу сам. Куда идти дальше, направо или налево? Улицы этой части Уотфорда выглядели абсолютно одинаково — однотипные остроконечные домики с небольшими садиками, где перед входом обычно высаживали розы. Между домами стояли гаражи на одну машину.

Касл наугад свернул за угол, затем свернул еще раз, и ему показалось, что он ходил вокруг одних и тех же домов. И улицы, и перекрестки — как две капли воды. Даже названия улиц: «Оливковый проезд», «Дубовая роща», «Зеленые кустарники» — и те, похоже, подсмеивались над Каслом, искавшим свою «Аллею вязов». На одном из перекрестков полицейский, заметив, что Касл не знает, куда идти, спросил, не нуждается ли он в помощи. Касл почувствовал, что листок с записями Мюллера оттягивает карман не меньше настоящего револьвера. Полицейскому он сказал, что в помощи не нуждается, поскольку ищет, не продается ли в этом районе какой-либо дом. Полицейский ответил, что где-то, квартала через три или четыре, если идти по левой стороне, как раз продаются два дома.

По счастливому совпадению именно там, куда направил его полицейский, Касл нашел «Аллею вязов». Номер нужного ему дома Касл не знал, но свет уличного фонаря падал на знакомую дверь с матовым стеклом. В доме было темно. Касл пристально вглядеелся в потертую табличку у входа и позвонил. Вряд ли Борис сейчас дома и вообще мог уехать из Англии. Ведь Касл сам дал знать, что прекращает связь. Зачем же оставлять небезопасный канал? Касл снова позвонил в дверь, но никто так и не ответил. Касл был бы рад, если бы ему открыл даже Иван... Сейчас у него нет никого, в буквальном смысле никого, с кем бы он мог откровенно поговорить.

По дороге к Борису Касл заметил телефонную будку и теперь поравнялся с ней. В доме напротив окна были незашторены, видно, семья собиралась пить чай, а может, ужинать. Отец и двое детей-подростков, мальчик и девочка, сидели за обеденным столом. Отец читал молитву перед трапезой, и дети склонили головы. Касл вспомнил свое детство — так было заведено и у них дома. Каслу казалось, что подобные обычаи давно изжили себя, но убедился, что это не так. Видимо, это была семья католиков, а они привержены традиции больше других.

Касл стал набирать единственный оставшийся в его распоряжении номер. По этому телефону он мог звонить лишь в крайнем случае. Наблюдая за стрелкой часов, Касл клал трубку, затем снова через определенное время набирал нужный номер. Проделав так пять раз и не получив ответа, он вышел из будки. Ощущение было такое, словно он стоял на безлюдной улице и громко пять раз звал на помощь, но так и не узнал, услышали его или нет. «Не исключено,— подумал Касл,— что после получения моего последнего сообщения все каналы уничтожены».

Он снова посмотрел на семью, сидевшую за столом. Отец, очевидно, только что пошутил, хозяйка одобрительно заулыбалась, а девочка подмигнула брату, как бы говоря: «Ну вот, наш старик опять разыгрался».

Касл направился к станции. Никто не шел за ним следом, не глядел из окон, никто не встретился по дороге. Касл ощутил себя невидимкой, находящимся в каком-то незнакомом мире, где ни одна живая душа не признавала его за своего.

В конце улочки с романтическим названием «Зеленые кустарники» Касл остановился перед уродливым зданием храма, который выглядел настолько новым, что, казалось, был построен прошлой ночью из чистеньких кирпичиков, приобретенных в магазине «Сделай сам». В храме мерцал свет, и то же томящее чувство одиночества, которое привело сегодня Касла в магазинчик Хэллидея, заставило его зайти внутрь. Судя по ярко и безвкусно разукрашенному алтарю и статуям, Касл понял, что попал в католическую церковь. Он не обнаружил здесь привычного хора прихожан, которые, стоя плечом к плечу, распевали бы псалмы о «зеленом холме». Какой-то старик споткнулся у алтаря о собственный зонтик, две прихожанки, похожие на сестер, так одинаково они были одеты во все черное, дожидались своей очереди у исповедальни. Женщина в плаще откинула занавеску и вышла из кабинки, другая проследовала в исповедальню.

Касл присел. Чувствовал он себя уставшим, дома давно бы принял привычную дозу виски, Сара, наверно, уже беспокоится. Но по мере того, как Касл вслушивался в негромкую беседу в исповедальне, его все больше охватывало желание выговориться после семи лет гробового молчания. «Бориса нет,— подумал Касл,— и никогда уже не представится возможность сказать то, что мне заблагорассудится, если, конечно, меня не упекут за решетку. Конечно, там, на процессе при закрытых дверях, а суд надо мной будет «закрытым», мне все же дадут выступить с так называемым «признанием».

Вторая женщина вышла из кабинки после исповеди, и туда зашла следующая. Две другие прихожанки довольно быстро освободились от обременявших их тайн, исповедавшись за занавеской. Они преклонили колени перед алтарем, удовлетворенные исполненным долгом. Очередная женщина покинула исповедальню. Касл понял, что ничто уже не мешает ему направиться туда самому. Старик, задремавший неподалеку, очнулся и вышел с одной из женщин на улицу. Когда откидывали занавеску, мелькнуло худое бледное лицо священника. Касл услышал, как он откашлялся.

«Я хочу выговориться, ну и что в этом плохого, почему бы мне в принципе не побеседовать с ним? — подумал Касл. — Ведь священнослужители обязаны хранить тайну исповеди». Борис тогда сказал ему: «Приходи ко мне, когда почувствуешь, что тебе надо выговориться. Риска практически никакого». Касл сейчас был уверен, что Борис навсегда исчез из его жизни. Исповедь могла стать для него целебным бальзамом — он медленно приближался к кабинке как пациент, который впервые, дрожа от страха, явился на прием к психиатру.

Касл походил на человека, не знающего, как себя вести. Он откинул занавеску и оказался в малюсеньком замкнутом пространстве. Как ему поступить? Еще не улетучился запах духов, напоминавший, что сюда заходила женщина. Занавеска откинулась, и Касл увидел резко очерченный, как у типичного сыщика, профиль. Священник снова закашлялся и что-то пробормотал.

— Хотелось бы переговорить с вами,— начал Касл.

— Чего ради вы стоите,— упрекнул его священнослужитель,— вы что, забыли, зачем существуют колени?

— Мне нужно лишь побеседовать с вами.

— Вы пришли сюда не для того, чтобы беседовать со мной. — Священник закашлялся. На коленях у него лежали четки, которые он время от времени перебирал. — Вы здесь для того, чтобы общаться с богом.

— Я пришел сюда не за этим. Мне просто нужно исповедаться.

Священнослужитель укоризненно покачал головой. Глаза у него были налиты кровью. Каслу показалось, что случай свел его с еще одной жертвой одиночества и молчания, как и он сам.

— Преклоните колени, наконец. Какой же вы католик?

— Я не католик.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Мне хотелось поговорить, вот и все.

— Если вы желаете получить святое наставление, оставьте фамилию и адрес.

— В том нет необходимости.
— Вы не жалеете мое время.
— А разве тайна исповеди распространяется только на католиков?
— Обратитесь к священнослужителю вашего прихода.
— Я не принадлежу ни к какому приходу.
— Тогда, думаю, вам следует обратиться к врачу.— Он задернул занавеску и вышел из кабинки.

Нелепый конец нелепой затеи. Как только мог рассчитывать он на понимание, даже если бы ему позволили все рассказать? Каслу пришлось бы поведать длинную историю, которая началась много лет назад в одной далекой стране.

Сара вышла встретить мужа в прихожую, где он снимал пальто.
— Что-нибудь стряслось?— взволнованно спросила она.
— Все в порядке.
— Ты никогда так не задерживался, не предупредив меня предварительно по телефону.
— Видишь ли, пришлось побывать в нескольких местах, кое с кем встретиться. Но застать мне никого не удалось. Видимо, все разъехались из города на выходные.
— Как насчет аперитива? Или сразу пойдешь ужинать?
— Сначала виски. И налей, пожалуйста, побольше.
— Больше обычного?
— Да, и без содовой.
— Значит, что-то все-таки произошло?
— Ничего особенного. На улице холодно и сыро, почти настоящая зима. Сэм уже заснул?
— Естественно.
— А где Буллер?
— Охотится на кошек в саду.

Касл устроился в кресле, и, как всегда, в комнате воцарилась тишина. Обычно Касл воспринимал тишину, словно легкую шаль, наброшенную на плечи. Благодаря тишине он расслаблялся, и разговаривать не было нужды, любовь не требовала дополнительных гарантий, они как бы до конца своих дней были застрахованы в верности друг другу. Но сегодня, когда в кармане у Касла лежали записи Мюллера, а дубликат должен уже находиться у Хэллидеямладшего, тишина в собственном доме казалась ему безвоздушным пространством, в котором трудно дышать, тишина означала потерю всего, даже веры, являлась предчувствием близкого конца.
— Налей мне, пожалуйста, еще.
— Ты действительно стал злоупотреблять. Не забывай, чем кончил Дэвис.
— Он умер не от выпивки.
— А я почему-то думала...
— Не ты одна. Но это не так. Если тебе слишком трудно налить мне виски, то скажи, и я поухаживаю за собой сам.
— Я хотела лишь сказать: помни о Дэвисе...
— Я не нуждаюсь в дополнительной опеке, Сара. Ты доводишься матерью Сэму, а не мне.
— Да, я в самом деле его мать, а вот ты ему отцом не доводишься.

Они удивленно и испуганно смотрели друг на друга.
— Я не имела в виду...— пыталась объяснить Сара.
— Ты не виновата.
— Прости меня.
— Такое нас ждет будущее,— заметил Касл,— если мы не станем говорить по душам. Ты спросила, почему я задержался. Я искал собеседника, которому мог бы открыться, но никого так и не нашел.
— Открыться?

Вопрос Сары заставил Касла замолчать.
— А почему бы тебе не поговорить со мной? Наверно, тебе начальство запрещает? Из-за этого дурацкого закона о сохранении государственной тайны?
— Дело не в них.
— Тогда в ком же?
— Когда мы приехали в Англию, Сара, Карсон направил ко мне одного человека. Он спас тебя и Сэма. Взамен он попросил меня оказать небольшое содействие. Я был ему безгранично благодарен и согласился.
— Так что же в этом дурного?
— Мать рассказывала, что в детстве я щедро делился с другими тем, что имел. Но в данном случае речь шла не просто о щедрости, а о признательности человеку, который спас тебя от БОСС. Вот как я стал так называемым «двойным агентом», Сара. Мне грозит пожизненное заключение в тюрьме.

Касл знал, что рано или поздно такой разговор состоится, но плохо представлял себе, какие слова они скажут друг другу.
— Налей мне виски,— попросила Сара.

Касл передал ей бокал, и она сделала большой глоток.

— Ты в опасности? — спросила Сара. — Я хотела сказать, в данный момент, сегодня?
— Я рисковал все время, что мы вместе.
— Но сейчас все намного сложнее?
— Да. Думаю, им стало известно об утечке информации, и они решили, что это — Дэвис. Потому я и не верю, что Дэвис умер естественной смертью. И еще доктор Персивейл, по-моему, проговорился...
— Ты полагаешь, они убили его?
— Да.
— Значит, на его месте мог оказаться и ты?
— Вполне.
— Ты по-прежнему сотрудничаешь?
— Я направил последнее сообщение, полагая, что распрощался с этим навсегда. Но происходит непредвиденное. Возникает Мюллер. Я не мог не передать его информацию. Надеюсь, поступил правильно, хотя до конца не уверен.
— А как в конторе узнали об утечке информации?
— Надо полагать, завербовали кого-то на месте, кто имеет доступ к моим сообщениям и отсылает их обратно в Лондон.
— А что, если это твое сообщение тоже попадет сюда?
— Понимаю, что ты хочешь сказать. Дэвиса уже нет в живых. А я — единственный в конторе, кто контактировал с Мюллером.
— Почему же ты, Морис, вовремя не остановился? Это ведь самоубийство.
— Я мог спасти многим жизнь, в частности твоему народу.
— Не стоит говорить о моем народе. Он уже перестал быть моим. Ты — мой народ.

«Прямо, как в Библии,— подумал про себя Касл.— Все правильно, ведь Сара училась одно время в школе у методистов».

Она обняла Касла и поднесла бокал с виски к его губам.
— Жаль, что все эти годы ты ничего не рассказывал мне.
— Я просто боялся за тебя, Сара.

И снова Каслу показалось, что слова Сары взяты из Библии, только в Ветхом завете эту или похожую фразу произносит женщина по имени Руфь.
— Ты говоришь, что боишься меня, а не их?
— Я боюсь за тебя, Сара. Ты не представляешь, как мучительно долго я ждал тебя в отеле «Полана». Мне казалось, что ты никогда уже не появишься. Днем в бинокль я рассматривал номера проезжавших машин. Четные номера должны были означать, что Мюллеру удалось схватить тебя, а нечетные — что ты свободна и едешь со мной. Теперь уже не будет ни отеля «Полана», ни помощи Карсона. Такие вещи никогда не повторяются.
— Как ты думаешь, что мне делать теперь?
— Лучше всего, наверно, взять Сэма и перебраться к моей матери. Нам надо расстаться. Если все утрясется, я останусь здесь, и мы снова будем вместе.
— А чем, собственно говоря, мне тем временем заниматься? Изучать номера проезжающих машин? Ничего лучше ты предложить не можешь?
— Если еще не поздно, в чем я не уверен, мне помогут скрыться. Но только мне одному. В этом случае тебе с Сэмом все равно лучше уехать к моей матери. Но тогда мы не сможем общаться, и ты, наверно, долго еще не будешь знать, что же произошло. Я бы предпочел, чтобы сейчас явились полицейские и арестовали меня — тогда в ближайшее время мы увиделись бы в суде.
— Но ведь Дэвис так и не дожил до судебного процесса, не так ли? Морис, если они действительно начали охотиться за тобой, уходи. Тогда я хоть буду знать, что ты в безопасности.
— Сара, ты меня даже ни в чем не упрекнула.
— В чем, собственно, тебя упрекать?
— Ну как же, обычно таких, как я, называют предателями.
— О чем ты? — Сара вложила свою ладонь в его: это служило проявлением большей нежности, нежели поцелуй. Ведь поцеловать можно и незнакомого человека. — Мы живем в нашем собственном мире,— продолжила Сара,— состоящем из тебя, меня и Сэма. Морис, ты никогда нас не предавал.
— На сегодня, пожалуй, хватит. У нас есть еще в запасе время, нужно как следует выспаться.

В спальне они молча слились воедино. Они словно сговорились об этом раньше, сидя в гостиной, и лишь оттягивали момент. Им давно уже не было так хорошо вместе, теперь же, когда Касл раскрыл свою тайну, ничто не могло омрачить их любовь. Перед тем, как заснуть, Касл подумал: «Время у нас еще есть — пройдет несколько дней, а может, и недель, пока им станет известно о новой утечке. Завтра суббота. У нас в запасе еще целый уик-энд, чтобы принять окончательное решение».

Перевела с английского
Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.



■

В последние годы выявлено немало махровых взяточников в среде высшего руководства. Перерожденцы типа щелоковых, чурбановых, кариновых были нервами «мозговых» центров — ключевых постов экономики, идеологии, правовых, социальных институтов. Хапуги разных рангов прикрывались декларативной демагогией.

Чтобы к власти, руководящим постам не прилипали субъекты с грязными мыслями, нужны регламентированные документы, официально обнародованные. В свое время люди знали о предельных заработках даже наркомов. Не делалось тайн, декреты публиковались в газетах. Вспомним и то, что до середины 30-х годов действовали партминимум и партмаксимум — барьер для выгоды и карьеры в пользу чести и совести. Ответственной номенклатуре предоставлено ответственное поле деятельности во имя блага страны, региона, отрасли, всех нас, а не ради извлечения персональных лакомых дотаций, обеспечения по спискам и звонкам. Когда в одну и ту же дверь лечебных учреждений будут входить ответственный работник и рядовой рабочий и им будет оказываться на одинаковом уровне помощь, когда отомрут спецбуфеты, спецзаказы, всякого рода дотации за должностную «вредность», мы сможем ощущать результаты демократизации перестройки, взаимообусловленности и нерасторжимости экономических и нравственных рычагов.

**Е. МАКАРОВ,
рабочий комбината хлебопродуктов,
47 лет, член КПСС,
член Союза журналистов СССР**
Киров

■

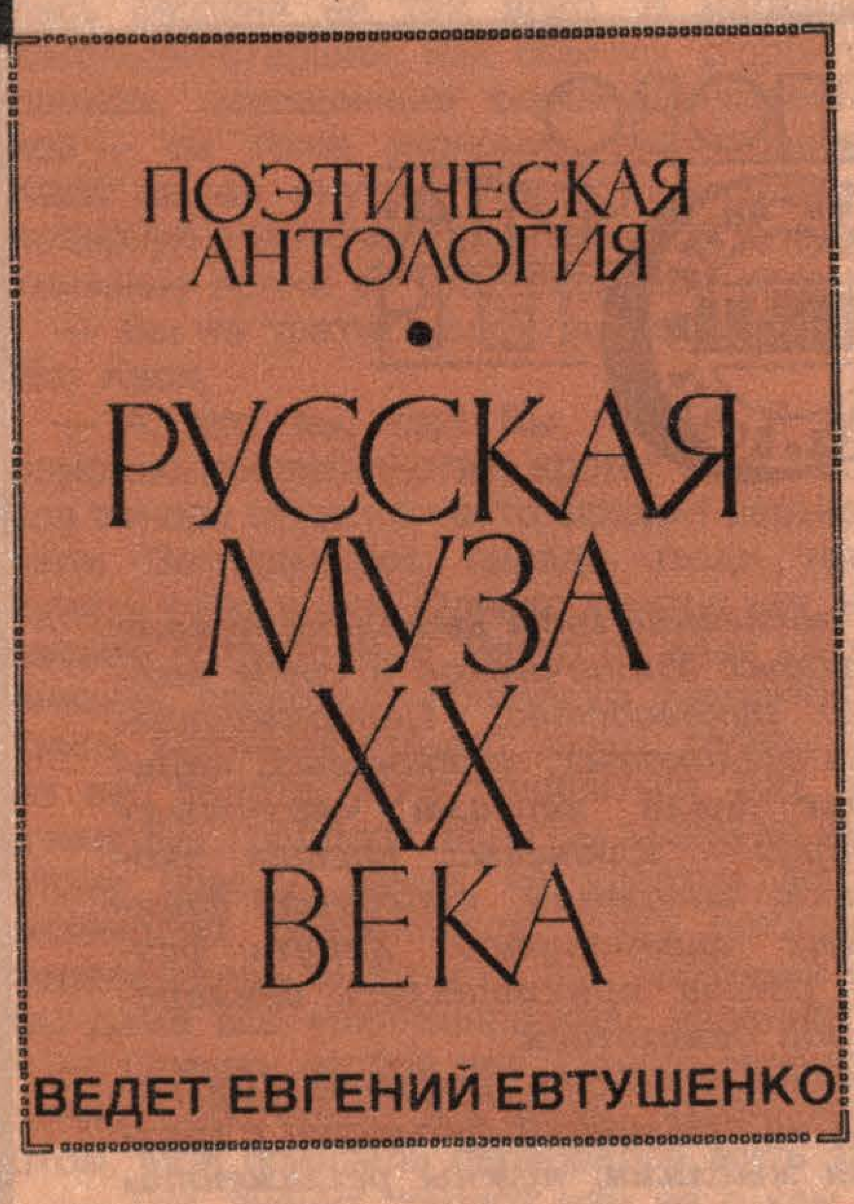
В «Огоньке» № 50 за прошлый год напечатаны стихи Юлии Друниной. Вот строки из них:

Ведь свято верили мальцы
В страде тридцать седьмого
года,
Что ночью взятые отцы —
Враги страны, враги народа...

Меня, как хлыстом, ударило по незажившей ране. Я — одна из тех «мальцов», отцы которых были «ночью взяты». Но ни я, ни моя сестра, ни мать ни секунды не сомневались в невиновности отца.

Пройдя через все круги ада, не сломившись, не подписав ни одного обвинения, а теперь широко известно, как добивались этих подписей, отец был выпущен летом 1940 года. Но как только ударил набат войны, он в первый же день кинулся в военкомат с просьбой использовать его знания и умения кадрового офицера. Ему был уже 51 год и разрушенное здоровье. Приведу строки из письма командира части полковника Макарова, присланного нам: «Геройски погибший в бою с немецкими фашистами 23 февраля 1943 года подполковник Иван Константинович Дорошкевич награжден орденом Отечественной войны I степени. Вы и ваши дети могут по праву гордиться своим мужем и отцом».

**Людмила Ивановна ДОРОШКЕВИЧ,
ветеран труда**
Ленинград



Николай УШАКОВ
1899—1973



У ЭТОГО МОЛОДОГО КИЕВЛЯНИНА БЫЛА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПЕРВАЯ КНИЖКА: «ВЕСНА РЕСПУБЛИКИ» (1927), НАПИСАННАЯ КАК БЫ ИГРАЮЧИ, НО РУКОЙ ЗРЕЛОГО МАСТЕРА. ЛЕГКИЕ, ПОЧТИ БАЛЕТНЫЕ РИТМИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ СТИХА. БЛИСТАТЕЛЬНАЯ РИФМОВКА. РОСКОШНЫ БЫЛИ «МОСКОВСКАЯ ТРАНЖИРОЧКА», «ЛЕДИ МАКБЕТ». СТРОКУ «И СХОДЯТ ЛОШАДИ С УМА ОТ ЛЕГКОГО ПРИКОСНОВЕНЬЯ» НЕВОЗМОЖНО НЕ ЗАПОМНИТЬ, А ПОЧЕМУ — НЕ ОБЪЯСНИШЬ, КАК МНОГОЕ В ИСТИННОЙ ПОЭЗИИ. НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО РАННИЙ УШАКОВ ПРИМЫКАЛ К КОНСТРУКТИВИСТАМ, ПО СТИХУ ОН БЫЛ БОЛЕЕ БЛИЗОК К ЛЕФОВЦАМ — К «СИНИМ ГУСАРАМ» АСЕЕВА, К ФОРМАЛЬНЫМ ОПЫТАМ КИРСАНОВА. УШАКОВ ОБЕЩАЛ БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ОНИ, ИБО В ЕГО СТИХАХ БЫЛО МЕНЬШЕ СВОЙСТВЕННОГО ЛЕФОВЦАМ ГАЗЕТНОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ. ОДНАКО С ЕГО НАОБЕЩАВШИМ СТОЛЬКО СТИХОМ ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ. ЕЩЕ БЫВАЛИ КОРОТКИЕ АФОРИСТИЧЕСКИЕ ШЕДЕВРЫ, КАК «МАСТЕРСТВО», «ВИНО», НО В ЦЕЛОМ СТИХ ПОТУСКНЕЛ, ПОСКУЧНЕЛ. УШАКОВ ОТ ФОРМАЛЬНЫХ ОПЫТОВ УШЕЛ В КЛАССИЦИЗМ, НО ДЛЯ КЛАССИЧЕСКОГО СТИХА ЕМУ НЕ ХВАТИЛО ФИЛОСОФСКОЙ ОСНОВАТЕЛЬНОСТИ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПРИВОДИМЫЕ ЗДЕСЬ СТИХИ — УРОКИ МАСТЕРСТВА, ПРЕПОДАННЫЕ ОЗОРНО И ЭЛЕГАНТНО.

ВИНО

Г. В. Шелейховскому

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой,
густые грозди винограда
давить упорною рукой.

Вино молчит.
А годы лягут
в угрюмом погребе, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.
Виноторговцы — те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.

Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.

Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

1926

МОСКОВСКАЯ ТРАНЖИРОЧКА

1

Зима любви на выручку —
рысак косит,
и — ах! —
московская транжирочка
на легких голубках[1]
замоскворецкой волости.

Стеклянный пепел зим
стряхни с косматой полости
и — прямо в магазин.

Французская кондитерша,
скворцам картавя в лад,
приносит,
столик вытерши,
жемчужный шоколад.

И губы в гоголь-моголе,
и говорит сосед:
— Транжирочка,
не много ли? —
И снова
снег
и свет.

2

А дед кусать привык усы,
он ходит взад-вперед:
иконы,
свечи,
фикусы —
густая дрожь берет.

Он встретил их, как водится,
сведя перо бровей,
и машет богородицей
над женихом
и ей.

Короновали сразу их,
идет, глухая, прочь
над пухом
и лабазами
купеческая ночь.

3

Меж тем за антресолями
и выстрелы
и тьма:
крутою солью солена
московская зима.

Бескормицей встревоженный
и ходом декабря,
над сивою Остоженкой
вороний продотряд.

Под ватниками курятся
в палатах ледяных
сыпного
и recurrens'a[1]
грязца
и прелый дых.

За стройками амбарными
у фосфорной реки
в снегах
чусоснабармами[2]
гремят грузовики.

Метелица не ленится
пригреть советский люд,
и по субботам ленинцы
в поленницах
поют.

4

Московская транжирочка,
хрустя крутым снежком,
спешит своим на выручку
пешком,
пешком,
пешком.

На площади у губчека
стоит чекист один.
— Освободите купчика,
хороший господин!

Захлопали,
затопали
на площади тогда:
— Уже в Константинополе
былые господа.

5

А там нарпит и дом
ищи;
и каждый день знаком —
каретой «Скорой помощи»,
встревоженным звонком,
и кофточками старыми,
и сборами в кино,
случайными татарами,
стучащими в окно.
Вчерашним чаем,
лицами
сквозь папиросный дым,
и...
наконец, милицией
над пузырьком пустым.

1927

ЛЕДИ МАКБЕТ

Стали звать ее Леди Макбет.
ЛЕСКОВ.

1

Из объездов по округам
налетел лесник домой.
Бурку с плеч,
арапник в угол,
шапку пóд щеку —
да крой
храпом флигель.

Ночь и, кроме
храпа,
«мышья беготня».
Леди Макбет бродит в доме,
свет ладонью заслоня.

2

Вы живая, без сомненья,
но зачем вас привели
в сонное нагроможденье
страхов,
тени,
мебели?
Я не прежний завсегдатай
честолюбия
и той,
что в одних чулках когда-то
кралась лесенкой крутой,
что кармином губ кормила
и на лесенке тайком
говорила:
— Будешь, милый,
вместо мужа лесником.

3

Петушок охрип
и стонет.
В чашку
рукомойник бьет.
Леди на свои ладони
смотрит
и не узнает.

И светелка поседела,
посинела лесенка.
На ларе большое тело
окружного лесника.
Он лежит на шубах чинно,
против меловой печи.
Кровь стекает по овчинам
и по лесенке
журчит.

4

Леди Макбет,
что такое?
Бор идет из-за реки,
дышат листья,
дышит хвоя,
дышат папоротники.
Киноварью и зеленым
наступая всё быстрей,
выпускают
по району
черно-красных снегирей.

Мимо ВИК'а,
мимо школы
свищет сучьев темных дых.
Вот уже у частокола
вся опушка
понятых.
Леди Макбет,
где патроны,
где револьвер боевой?
Не по честному закону
поступили
вы со мной.
То не бор в воротах,
леди,—
не хочу таиться я,—
то за нами,
леди,
едет
конная милиция.

7—10 января 1927

МАСТЕРСТВО

Пока владеют формой руки,
пока твой опыт
не иссяк,
на яростном гончарном круге
верти вселенной
так
и сяк.

Мир незакончен
и неточен,—
поставь его на пьедестал
и надавай ему пощечин,
чтоб он из глины
мыслью стал.

1935

---

[1] Высокие щегольские санки для двоих.

[1] Возвратный тиф.

[2] Чрезвычайное управление по снабжению армии.

ЗАГЛЯНУВШИЙ В БУДУЩЕЕ

Окончание. Начало на стр. 16.

горячая вода, в которой плавало немного рыбьей чешуи и масла.

Я отдал свою порцию солдату, который буквально голодал».

В шесть часов вечера академика вызвали на допрос.

«Следователь спросил, о чем я говорил в Лондоне с Бернацким. Я ответил, что в Лондоне бывал до революции, а после того не был, Бернацкого знаю, но тоже не видел после установления Советской власти. Он сказал, а что если я вам докажу, что вы должны были быть в Лондоне. Я отвечал, улыбнувшись, что этого не было и доказать нельзя. Он полуоткрыл ящик стола, как будто ища там какие-то бумаги...»

М. В. Бернацкий, профессор Петербургского политехнического института, был министром финансов в так называемом Союзе белого воинства; когда оно было разгромлено, он эмигрировал на Запад. Не исключено, что следователь просто путал Вернадского с Бернацким благодаря несчастному созвучию фамилий. Допрос продолжался... а между тем на воле развернулась бурная деятельность по вызволению Владимира Ивановича. Кто-то вспомнил, что ученик вице-президента Академии наук В. А. Стеклова занял видный пост в ЧК. Академик Стеклов немедленно связался с ним по телефону. После разного рода увязок и согласований последовало распоряжение освободить Вернадского.

Последующие дни были заполнены напряженной работой по созданию Радиевого института, одного из первых в мире. Но шла и другая работа, скрытая от глаз посторонних. Каким-то образом — каким, еще предстоит выяснить,— шли переговоры с Парижем. 2 января 1922 года пришло письмо от А. В. Гольштейн («тети Саши»), старинной парижской приятельницы Вернадских. «К Новому году я получила большой подарок. Мне говорили, что Сорбонна приглашает Вас изложить свои работы в ряде лекций. Мне страшно это было приятно. Во-первых, это признание русской науки Западом, а, во-вторых, я счастлива, что увижу Вас... Ваши лекции будут оплачиваться, таким образом, Вы сможете приехать с Натальей Егоровной и Ниной... (дочь Вернадских.— **Я. К.**). Можно устроиться недорого, а ведь у тети Саши, кроме того, найдется место всегда».

Александра Васильевна Гольштейн — личность довольно примечательная. Некогда придерживалась она крайних анархистских взглядов, была секретарем у М. А. Бакунина, в которого, как говаривали, была без памяти влюблена. Впоследствии политические воззрения ее значительно эволюционировали, а природная общительность и гостеприимство сделали привлекательной фигурой для русских путешественников в Париже.

В то время Владимир Иванович вместе с академиком Н. Я. Марром пишет записку в правительство «О положении ученых» — о пустующих аудиториях, острой нехватке лабораторной посуды, голоде...

Владимир Иванович не мог не понимать, что его отъезд в такое время многими будет расценен как предательство или трусость. Но ученый осознавал, что в нем созрели для обнародования наиболее важные научные идеи и обобщения. Он нуждался в библиотеке, которой был здесь лишен, и, как никогда прежде, испытывал потребность пожить в «тихой обители», чтобы изложить свои мысли. Но где ж было сыскать «тихую обитель» во всей перевороченной России? Да и можно ли было сказать даже близким друзьям: «Я знаю, что в силах сейчас создать новое великое учение в науке, и уезжаю, чтобы сделать это?» И потому Вернадский говорил о том, что неудобно отказать старейшему в Европе университету в его просьбе, и о том, что воспользуется поездкой для сбора радиоактивного материала для нового Радиевого института, что, впрочем, было абсолютной правдой.

Пришло новое письмо от Гольштейн. «Деньги есть. Дайте знать, куда их Вам выслать. Я уже писала Вам, что Ваше пребывание здесь обеспечено будет». И Вернадский решается...

Весенним вечером 1922 года от перрона Витебского вокзала отправлялся поезд на Прагу. Провожать Владимира Ивановича пришли дорогие ему люди — Е. Д. Ревуцкая и А. Е. Ферсман. У Ферсмана были грустные глаза, но, по обыкновению, он пытался шутить.

«Александр Евгеньевич смеялся,— вспоминала Наталья Егоровна,— что с таким багажом не уезжают на короткое время». Ферсман считал, как и многие другие, что Вернадские уезжают не на короткое время: быть может, навсегда... Но сам Владимир Иванович знал — на время, чтобы работать.

«Между тем багаж был не велик, так как два чемодана были наполнены рукописями и книгами»,— продолжает Наталья Егоровна.

Ударил колокол, поезд тронулся...

У меня в руках неизвестная статья, пролежавшая в архиве 75 лет. Название ее (вероятно, условное) «Мысли за океаном». Датируется 1913 годом; публикации помешали, надо полагать, события начавшейся вскоре мировой войны. Ученый предстает перед нами как проницательный демограф и социолог.

То, что он описывает, можно назвать первой волной русской эмиграции. «Сейчас идет все усиливающийся поток русской эмиграции в Америку»,— фиксирует ученый. Далее устанавливает ее этапы и причины. Слова его звучат удивительно свежо, врываясь в нынешние споры и вступая в прямую полемику с иными доморощенными историками, вознамерившимися перетолковать прошедшее.

«Несомненно, первые пути были проложены в Америку русскими евреями. Гонения и погромы, разорения и стеснения заставили их двинуться тысячами семей в Новый Свет». Несколько ниже опять возвращается и выделяет это обстоятельство. «Большая часть бежала от гонений, убийств и притеснений. Здесь, в Америке, особенно ярко видно, какую огромную творческую созидательную силу потеряла Россия в безумной политике антисемитизма в его диких формах, которые имели место у нас... В массе евреев, прекрасно устраивающихся в Новом Свете, поднимающих его национальное богатство, мы потеряли часть того капитала, который история дала России и которым должны были уметь воспользоваться его государственные люди».

Статья навеяна впечатлениями от поездки в Соединенные Штаты и Канаду на Международный геологический конгресс.

Далее — тонкое наблюдение: «исток русской эмиграции» вовлек в свое русло сначала крестьян черты оседлости: поляков, белорусов, украинцев, «а позже сюда двинулись коренные русские». «Изгоняя еврея, русские «националисты», не понимая того, сдвинули с места и другую силу, силу русского крестьянства, веками привыкшего искать лучшей доли, чем какая им выработана в тысячелетних условиях созданной им Великой России. Это стихийное вековое движение как раз и привело к созданию огромного государства. Последствия мне представляются огромными, и русское общество, правительство обязаны сознательно его учесть и направить в русло, отвечающее государственной пользе».

Уже из приведенных отрывков видно, что взгляд Вернадского на перемещение огромных человеческих масс отличается известным «геологизмом». Он изучает его как природный процесс, рассматривая изменения в тех зонах, куда «надвинулся пласт», и в тех, откуда оторвался. В конечном итоге все решает структура самой массы, ее производительная культурная работа. Точно также смотрел он и на события Октябрьской революции. «Отношусь спокойно к формам новых государственных строений,— писал он Ферсману в 1918 году.— Слишком велика масса народа и слишком много в ней талантливости. Надо употребить все силы, чтобы новое поколение отошло от своих отцов равно прекрасным и в народной толще, и в интеллигенции». Ученому и в голову не могло прийти, что «перегибы» так называемой сплошной коллективизации способны подорвать вековой уклад народной жизни и затронуть самые основы его бытия...

Два миллиона русских очутились на чужбине в одночасье; по историческим меркам времени — в один миг. Легко было бы растеряться, раствориться в страшном равнодушном мире, рассеяться в нем и попросту физически исчезнуть.

По дороге сделали остановку в Праге; требовалось выполнить какие-то формальности для въезда во Францию. Вернадских встречали сын с женой. «Можно себе представить, какое это было событие после долгой разлуки!» — радовалась Наталья Егоровна. Их сын Георгий Владимирович Вернадский, в будущем известный историк, профессор Иельского университета, попал во время эвакуации в Турцию, странствовал по Востоку и выжил благодаря тому, что жена устроилась где-то кухаркой. Вскоре ему предстоит вновь расстаться с родителями, которых любил горячей и горестной любовью и в письмах называл «драгоценными», теперь уже навсегда...

На следующий день Вернадские отправились в Париж, где на вокзале Сен-Лазар их встречала, прижимая букет к груди, счастливая «тетя Саша»; по лицу ее текли слезы. Увы, еще больше их будет пролито четыре года спустя, усугубляя душевные страдания друзей, когда она узнает об их твердом намерении вернуться на родину...

«Вечером Семенов, Ал. Вас., Мискарский. Он считает, что большевики имеют успех в Персии, заставив оттуда удалиться англичан. Читаю газеты: понемногу начинаю входить в понимание совершающегося. В библиотеке работы Гардера над Fe-бактериями. Читал о Дюгеме. Давно его высоко ставил, и впервые мне стали известны черты его жизни. Образ, вполне отвечающий тому представлению, какое сложилось из чтения его работ».

Считая научные искания неотделимыми от личности, Владимир Иванович питал пристрастие к биографической литературе и всегда охотно ее читал.

«Планк — речь в Берлинской академии, где наряду с телеологией Лейбница, законом причинности и кванта — о теософии. Впервые в таком контексте в науке?

Идея Эренфеста подходит к проблемам числа не с точки зрения математики, а с точки зрения философии — не выхватывая эти логические связи из проникающего (и создающего?) их субстрата...

Вчера вечером А. А. Тарасевич. Много разговаривали о советских делах. Здесь его считают большевиком. Т. рассчитывает на то, что народ — особенно великорусский — возьмет свое. Но потребуется много времени».

С первых дней пребывания в столице мира, как тогда называли Париж, Вернадский с головой погружается в атмосферу культурной, научной, политической и, конечно же, эмигрантской жизни. Он держится в стороне от многочисленных группировок, чурается споров, но его чрезвычайно интересует: чем живут его бывшие соотечественники?

Некоторые разговоры вызывают его недоумение: и, Боже, верить ли ушам «...ничего не знающая молодежь идеализирует царских министров — точно так же, как многие... искажают истину в своей фантастической реабилитации Николая II... Горемыкин, князь Н. Голицын, Протопопов, Щегловитов... Какой ужасный подбор!.. Безумие многих — думать, что старое может вернуться».

Руководство Сорбонны предоставляет Вернадскому для чтения лекций так называемую «геологическую галерею» — весьма почетную аудиторию. Часто бывает он в институте Кюри, ставит опыты, беседует с вдовой Пьера Кюри — Марией Кюри. Высоко ценя их творчество, Вернадский считал, что внезапная смерть оборвала глубочайшие размышления Пьера Кюри над природой живой материи, которые требуют теперь развития и истинной оценки. В Париже затеваются разного рода научные сообщества; одно время носились даже с мыслью о создании «интернационала ученых». Владимир Иванович охотно принимал участие в начинаниях: он считал, что содружество людей науки может противостоять разрушительным тенденциям современной цивилизации.

«От России хотели бы иметь не эмигранта»,— записывает он. Он не эмигрант, поэтому считает себя полномочным представителем революционной России.

В это время Вернадский сближается с талантливыми французскими учеными Леруа и Тейяр де Шарденом: оба они увлечены замыслами русского ученого. Духовная связь эта имеет слишком большое значение для мировой науки, чтобы упомянуть о ней мимоходом. Термин «ноосфера» Владимир Иванович заимствовал как раз у Леруа. В свою очередь, оба француза подхватили геохимические разработки и мысли русского естествоиспытателя о живом веществе планеты.

Важнейшая запись в дневнике: «В первый раз попытаюсь кое-что высказать из мыслей о сознании человека как силе Земли». Датирована 1 марта 1923 года и связана с подготовкой к лекциям.

«Мне кажется, я впервые ввожу аспекты механические, механические приемы в новую, до сих пор не охваченную ими область природы. Это самое крупное достижение моей жизни. Чем больше пытаюсь проверять себя, тем больше убеждаюсь в этом сознании».

И еще (из письма): «...Подошел к большому обобщению в области явлений жизни и хочу выразить его математически... Вскрывается такая область, о существовании которой еще недавно я и не подозревал».

Биосфера, дитя необъятного Космоса и планетной материи, воспринималась тогда большинством геологов как тончайшая, почти обособленная пленка жизни, едва ли оказывающая влияние на масштабные процессы в литосфере, недрах земных и воздушном океане. Под пером Вернадского она явила себя в ином свете. Живое вещество, генетически связанное с первобытной древностью Земли, за миллионы лет глубоко преобразовало лик планеты и, вероятно, саму ее природу. Жизнь связывает Космос с недрами планеты. Но что она такое? В чем различие живой материи от косной? (Вер-

надский избегает по отношению к материи слова «мертвая»). Внутреннее пространство организовано по-иному у живой материи, нежели у косной: оно отличается дисимметрией. Это открытие Пьера Кюри, о котором много беседует Владимир Иванович с Марией Кюри. Время внутри живого организма течет по-особенному. Вернадский составляет таблицу различий живого и косного вещества — это гениальное открытие!

Вернадский приходит к высоким философским обобщениям. Они затрагивают кардинальные вопросы мироздания: Симметрии, Времени, Пространства, Космоса, Жизни. Ученый ищет сходные воззрения в древнеиндийских и древнекитайских трактатах. Не случайно в его библиотечке появляются в это время семитомный Вивекананда на английском языке и биография Ганди на французском.

В 1923 году Вернадскому исполнилось 60 лет. Событие это, заставшее его в Париже, не нашло никакого отражения в его тетрадях; неизвестно даже, отмечалось ли оно и приезжали ли дети; они жили тогда в Праге. Косвенно можно установить, что из эмигрантов зашел поздравить один лишь В. К. Агафонов, профессор Сорбонны, геолог, почвовед. Подшучивал над супругами, на прощание поцеловал руку Наталье Егоровне. «Удивительная женщина,— вспоминал он позже,— по уму, доброте и ненавязчивой воле. Она очень любила своих детей, сына и дочь, но все ее существо было таинственными нитями связано с мужем, она была неотделима от него — это был «дух един». Интересы Владимира Ивановича были ее интересами, его работы — ее работами, в которых она к тому же принимала большое участие: большинство книг В. И. Вернадского переведено на французский, немецкий и английский языки ею».

Завершается серия парижских работ захватывающей статьей «Автотрофность человечества». Затруднительно отнести ее к какому-либо определенному жанру: сухие расчеты соседствуют с фантастическими проектами, рассуждения о природе человека — с социальной утопией. При чтении этой работы невольно приходят на память Чижевский, Циолковский, Велемир Хлебников, находившиеся под влиянием идей Вернадского.

Недалек час, когда «сила приливов и морских волн, радиоактивная, атомная энергия, теплота Солнца могут дать нужную силу в любом количестве». «Введение этих форм энергии в жизнь есть вопрос времени»,— пишет Вернадский в 1926 году. Что касается питания... Человек по типу его принадлежит к гетеротрофным животным, всеядным, и вынужден разводить огромные стада млекопитающих и засевать поверхность земли злаками. Наука в состоянии изменить такое положение, сделать его питание автотрофным. То есть берущим пищу себе непосредственно из солнечных лучей, из почвы, минералов... Социальная сторона этого учения восходит к воззрениям социалистов-утопистов. «Г. де Сен-Симон, В. Годуин, Р. Оуэн понимали первостепенное значение науки, невозможность решить социальный вопрос, опираясь только на использование ресурсов... Это был действительно научный социализм в собственном смысле, который был позже забыт. Проблема, которая стоит в данный момент перед человечеством, перерастает социальную идеологию». Это высказывание стоило Владимиру Ивановичу дорого. Когда статья печаталась в России, то редакторы усмотрели в ней намек на критику марксизма, и она подверглась жестоким сокращениям, а позже нападкам критики. Увы, такая же участь ожидала и другие его работы!

Самое же поразительное, что Вернадский ясно видел и опасность, которая может произойти из воплощения его идеи. На самой технологии ее останавливаться не будем. Ученый опирался на возможности физико-химических наук. Главное: «Непосредственный синтез пищи... коренным образом изменит будущее человечества».

Так вот, Вернадский задумывается над судьбой своего открытия. «Будет ли оно плодотворно или готовит новые страдания человечеству? Мы этого не знаем. Но течение событий может быть определяемо в сильной мере нашей волей и нашим разумом. Нужно уже сейчас готовиться к пониманию последствий этого открытия, неизбежность которого очевидна».

И рядом запись, которая постоянно звучит как рефрен: «Мысли о России все время». Он неотрывно думает о своей родине, многое издалека видится острее. Восхищает мужество ученых, его друзей, коллег, продолжающих в трудных условиях научную работу. «Расцвет русской творческой оригинальной и самостоятельной научной мысли будут историки связывать с революцией. Геология — Карпинский, физика — Иоффе и Лазарев, биология — Бах, Кольцов, Павлов... агрономия — Прянишников, Вавилов... восток — Тураев (и его школа), Ольденбург. Щербатской, Владимиров, Михеев... Мне приятно, что и мои работы войдут в этот цикл».

Между тем из России все настойчивее намекают ученому, что командировка затянулась. Переписка с Карпинским приобретает временами драматический характер. В 1924 году Академия готовится отметить свое 200-летие. Намечались разного рода торжества, съезд гостей, и, естественно, руководство Академии хотело бы видеть одного из замечательных ее членов в родных стенах.

Вернадский же должен отчитаться по одному из частных научных фондов, который ссудил его определенной суммой для продолжения геохимических исследований. Конечно, крайне щепетильный во всем, что касалось деловых отношений, он не мог покинуть Париж, не отчитавшись в каждом израсходованном франке. Но это лишь внешняя сторона дела. Изучение дневников показывает, что все сложнее.

В эти дни ему вспоминается то потрясение, какое он испытал, узнав о расстреле поэта Николая Гумилева. «В мой мир, в мой гордый мозг, собранье дум». Переписав строчку, он подчеркнул слово «гордый».

У Вернадского тоже был гордый мозг. С редкой отвагой он в свое время вступается за арестованных своих друзей и учеников. Об одном таком случае «Огонек» рассказал в прошлом году — «Письмо к погибшему другу» (№ 16).

Дневниковые записи показывают, что ученого одолевают мучительные раздумья, колебания. Беспокоит судьба его детей. И все же, предугадывая свое далеко не лучезарное будущее на родине, он твердо решает вернуться. Иначе не может. Ученый должен быть со своим народом. Сын и дочь не последовали за родителями. Владимир Иванович и Наталья Егоровна никогда их больше не увидят...

В последнее время советским ученым стали доступны для изучения письма Вернадского к И. И. Петрункевичу. Замечательные сами по себе, они еще и важный документ эпохи; будем надеяться, что они не задержатся с появлением в свет.

Однажды Петрункевич имел неосторожность спросить Владимира Ивановича: не опасается ли он, что переписка с эмигрантом может повредить ему, советскому гражданину, академику? Вернадский ответил гневной тирадой: «Калечить свою жизнь боязнью сношений с близкими и дорогими считаю прямо невозможным. Это было бы действительным подчинением...»

Он обо всем говорил прямыми словами, принимал родину в ее тяжелые годы такой, какая она была.

Пора и родине принять гениального ученого таким, каким он был.

Яков КУМОК

КАК СОЗДАВАЛСЯ ПАМЯТНИК ВЕРНАДСКОМУ

Ко дню рождения В. И. Вернадского — 12 марта 1945 года — на его могиле была установлена белая мраморная доска с небольшим (в овале) портретом ученого и золотом выгравированной надписью: «Академик Владимир Иванович Вернадский. 12.III.1863 — 6.I.1945». Эта доска простояла на могиле ученого с 1945 по 1953 год. В 1949 году, в связи с приближающимся 90-летием В. И. Вернадского, возник проект вместо доски поставить художественный беломраморный памятник.

Организационную часть поручили провести личному секретарю В. И. Вернадского Анне Дмитриевне Шаховской и ее помощнице и другу Валентине Сергеевне Неаполитанской. (Этим двум женщинам мир обязан сохранением архива Вернадского, его работ, писем, дневников, созданием его кабинета-музея. Сделанное ими — подвиг.)

Заказчицы решили обратиться к скульптору З. М. Виленскому. Когда они показали ему привезенные с собой фотографии Вернадского, глаза скульптора загорелись, и он сказал: «Какое замечательное лицо! Я возьму этот заказ!» В течение года он вдохновенно работал над образом Вернадского, изучал переданные ему фотографии, выслушивал рассказы людей, знавших ученого, которых к нему привозили А. Д. Шаховская и В. С. Неаполитанская. Вернадский стал одним из его любимых героев. Впоследствии, помимо памятника, он создал скульптурные портреты Вернадского для станции метро «Проспект Вернадского», для Музея землеведения МГУ, для Института имени Вернадского. Последней работой, над которой трудился Зиновий Моисеевич незадолго до своей смерти в 1985 году, был бюст Вернадского, который он создавал «для души» ни по чьему заказу, просто потому, что глубоко проникся духовной красотой ученого. Архитектором памятника стал В. Либсон.

Перед установкой памятника на Новодевичьем кладбище формально требовалось получить на это санкцию президента Академии наук СССР С. И. Вавилова.

З. М. Виленский и В. С. Неаполитанская поехали к нему на прием в Президиум АН СССР, прихватив с собой чертежи и модель. По воспоминаниям В. С. Неаполитанской, С. И. Вавилов выглядел усталым и бледным. Однако он принял посетителей очень любезно и внимательно ознакомился с макетом. Подписал все необходимые документы, но при этом сказал: «Памятник Владимиру Ивановичу мне очень нравится, но я думаю, что такие памятники надо ставить на площадях города, а на могилах устанавливать просто хорошие мраморные доски с надписями». Этот разговор состоялся недели за две до смерти самого Сергея Ивановича. На могиле Вавилова на Новодевичьем кладбище установлена именно такая скромная доска.

Памятник В. И. Вернадскому на Новодевичьем торжественно открыли 12 марта 1953 года, в день, когда отмечалось 90-летие великого ученого. Маленькая деталь: в последний момент предложили дать другую цитату из трудов В. И. Вернадского, не ту, что была на доске. Слова: «Нет ничего в мире сильнее свободной научной мысли» заменили другими: «Мы живем в замечательное время, когда человек становится геологической силой, меняющей лик нашей планеты».

Но будет ли памятник великому ученому в Москве, на площади, как говорил Сергей Иванович Вавилов? Не пора ли об этом подумать?

Александр БЫХОВСКИЙ, профессор

ПАЛИТРА

БУХАРИН РИСУЕТ

1888—1938

Бухарин не был профессиональным художником в нашем сегодняшнем представлении — он не состоял ни в членах СХ СССР, не получал и денежных вознаграждений за свои картины.

Однако свободное время Николай Иванович подчас проводил за этюдником на природе или делал карандашные зарисовки друзей и знакомых. На суперобложке книги итальянского издательства «Латерца» 1973 года изображен профиль Пальмиро Тольятти. Автором этой графической работы является Н. И. Бухарин.

Сейчас, по прошествии времени, творчество Бухарина — живописца и рисовальщика — проливает новый свет на эту незаурядную личность. В квартире его дочери Светланы Николаевны Гурвич сохранилось несколько картин отца. Четыре из них мы сегодня публикуем впервые.



«Так вот Чапинский много рассказывал... что там живет социал-демократ Орлов, который очень хорошо рисует закопанские горы. Вскоре после того как мы перебрались из Звежинца в город, смотрим раз в окно и видим — идет какой-то молодяга с огромным холщовым мешком на плече. Это и оказался Орлов, он же Бухарин... Когда мы стали спрашивать Николая Ивановича о его рисовании, он вытащил из своего холщового мешка ряд великолепных изданий картин немецких художников... Владимир Ильич любил картины». **(Н. К. Крупская. «Воспоминания о Ленине»).**

— Встреча эта состоялась осенью 1912 года в Кракове,— говорит Светлана Николаевна.— Ленин уже давно был в эмиграции, а вот Николай Иванович еще только-только приехал. Искусство каким-то удивительным образом яви-

лось посредником в их быстром сближении.

В небольшой двухкомнатной квартире Светланы Николаевны, несмотря на богатую событиями жизнь, нет ничего лишнего. Гостиная, она же служит хозяйке и кабинетом, могла бы о многом рассказать. Книги, фотографии, картины активно заполняют пространство уютной комнаты...

— Светлана Николаевна, учился ли ваш отец живописи? Как и когда стали проявляться его способности?

— Интерес к рисованию возник еще в раннем детстве. Сохранился рисунок птицы, сделанный им в пятилетнем возрасте. Родители, особенно отец Иван Гаврилович, воспитывали у мальчика любовь к рисованию и искусству вообще. Один из друзей Ивана Гавриловича, преподаватель искусства, занимался с мальчиком. Однако, когда пришло время думать о жизненном пути, рисование осталось для Бухарина тем, что теперь называют «хобби».

— Светлана Николаевна, но у вас в доме я вижу в основном живописные этюды отца...

— Это потому, что именно работа на природе с пейзажем была основным его пристрастием. Карандашные наброски у него получались в меньшей степени. Рисунки на бумаге — у нас их сохранилось несколько — носили скорее характер развлечения. В них он, конечно же, не ставил задачу овладения академическими навыками. Нрав у отца был исключительно веселый, общительный, подчас насмешливый. Даже на таких серьезных собраниях, какими были заседания Исполкома Коминтерна, он незаметно для присутствующих делал портреты и шаржи. Один из участников подобных заседаний — швейцарец Жюль Эбер-Дроз сохранил и в 1964 году опубликовал некоторые из рисунков...

Картины, которые вы видите в этой квартире, относятся к 20-м годам. Они часть нашей судьбы. После моего ареста в 1949 году эти полотна остались на сохранении у маминого брата — Бориса Исаевича Гурвича. Он и возвратил их нам уже в 1956 году.

...Если вы мне сейчас поможете приподнять диван, я покажу еще кое-что...

...Вот «Зимний день в Зубалове». Сверкающий снег, освещенная солнцем хвоя и дальше черная, леденящая душу глубина леса. Вы этого не застали, а ведь именно там,— Светлана Николаевна показывает на писанный черной сажей провал в лесу,— была дача Сталина, который и настоял на том, чтобы мои родители переехали к нему в Зубалово. Сидя за общим столом, Сталин часто, как бы машинально писал на обрывке бумаги: «Учитель, учитель». Между прочим, так называли Николая Ивановича его ученики, принадлежащие к отцовской «школе». А вот время написания этого этюда, сделанного в окрестностях Кисловодска, мне пока установить не удалось. Я датирую его 1925-м или 1928 годом.

— Светлана Николаевна, был ли ваш отец дружен с кем-либо из художников?

— Да, конечно. Отец тепло общался с Борисом Иогансоном. А в 1936 году вышла монография Я. В. Апушкина «Константин Федорович Юон» со вступительной статьей Николая Ивановича, где он, в частности, написал: «Живопись Юона обычно радостная и жизнеутверждающая. Его любовь к ярким цветам, его любовь к животворящему солнцу, источнику жизни, его востор-



ВВЕДЕНСКОЕ.
1927.

женная песнь свету, божественная игра которого наполняет его полотна,— это выражение его неизбывного оптимизма. Не того глуповатого — наивного оптимизма, который так ядовито был высмеян Вольтером в образе Панглоса, а оптимизма, подкованного глубоким проникновением в закономерности исторического бытия».

Говоря так о своем друге, Николай Иванович в полной мере выразил себя, свой взгляд на жизнь и искусство.

— У вас в доме находятся 6 картин Николая Ивановича, между тем, по рассказам очевидцев, его творческое наследие этими работами не ограничивается. Где желающие полнее ознакомиться с творчеством Бухарина-художника могли бы увидеть другие полотна?

— Сколько именно оставалось отцовских картин, вряд ли кто-нибудь подсчитывал раньше, а теперь определить их количество хотя бы приблизительно невозможно и подавно. Впрочем, кроме работ, находящихся у меня дома, я помню еще две, которые висели в кремлевской квартире отца: портреты родителей Николая Ивановича — Любови Ивановны и Ивана Гавриловича. Последний был изображен в тюбетейке. Помню также, что, когда начались аресты, в доме на набережной картины, сложенные штабелями, были прислонены к запечатанной двери. Их дальнейшая судьба мне, к сожалению, неизвестна.

С вопросом о судьбе картин Бухарина я обратился и к его сыну, Юрию Николаевичу Ларину, члену СХ СССР, живописцу и графику.

Юрий Николаевич: «Работы отца были частично перевезены из кремлевской квартиры, а также из 305-го номера гостиницы «Метрополь». В доме на набережной оказалось холстов 50, а то и больше. После нас в квартире поселилась семья Макаровых. У них еще был сын — Алексей Николаевич, который впоследствии любезно возвратил одну из картин под названием «Золотая осень».

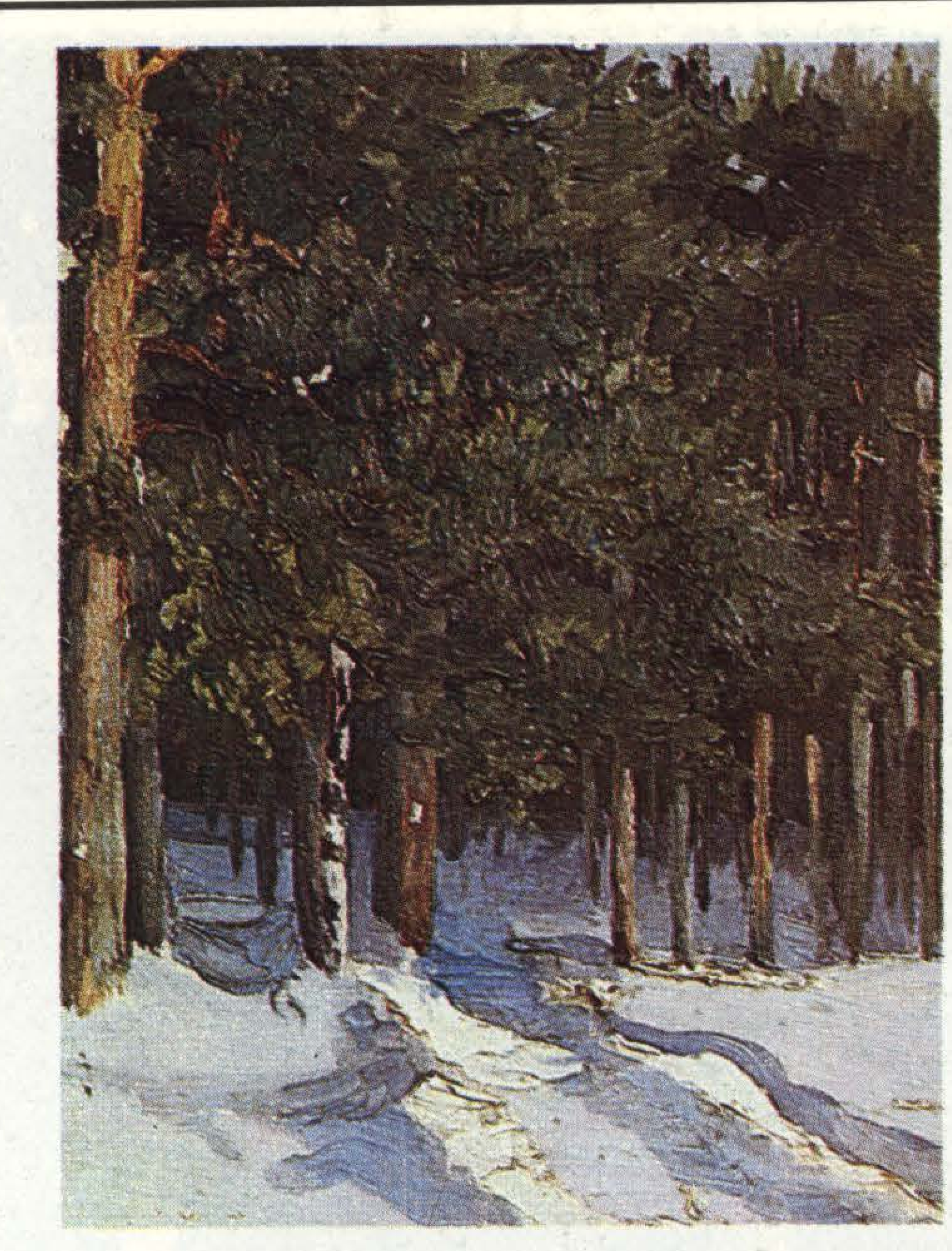
Звоню Макарову.

— Алексей Николаевич, вы жили в квартире семьи Бухарина сразу после их выезда?

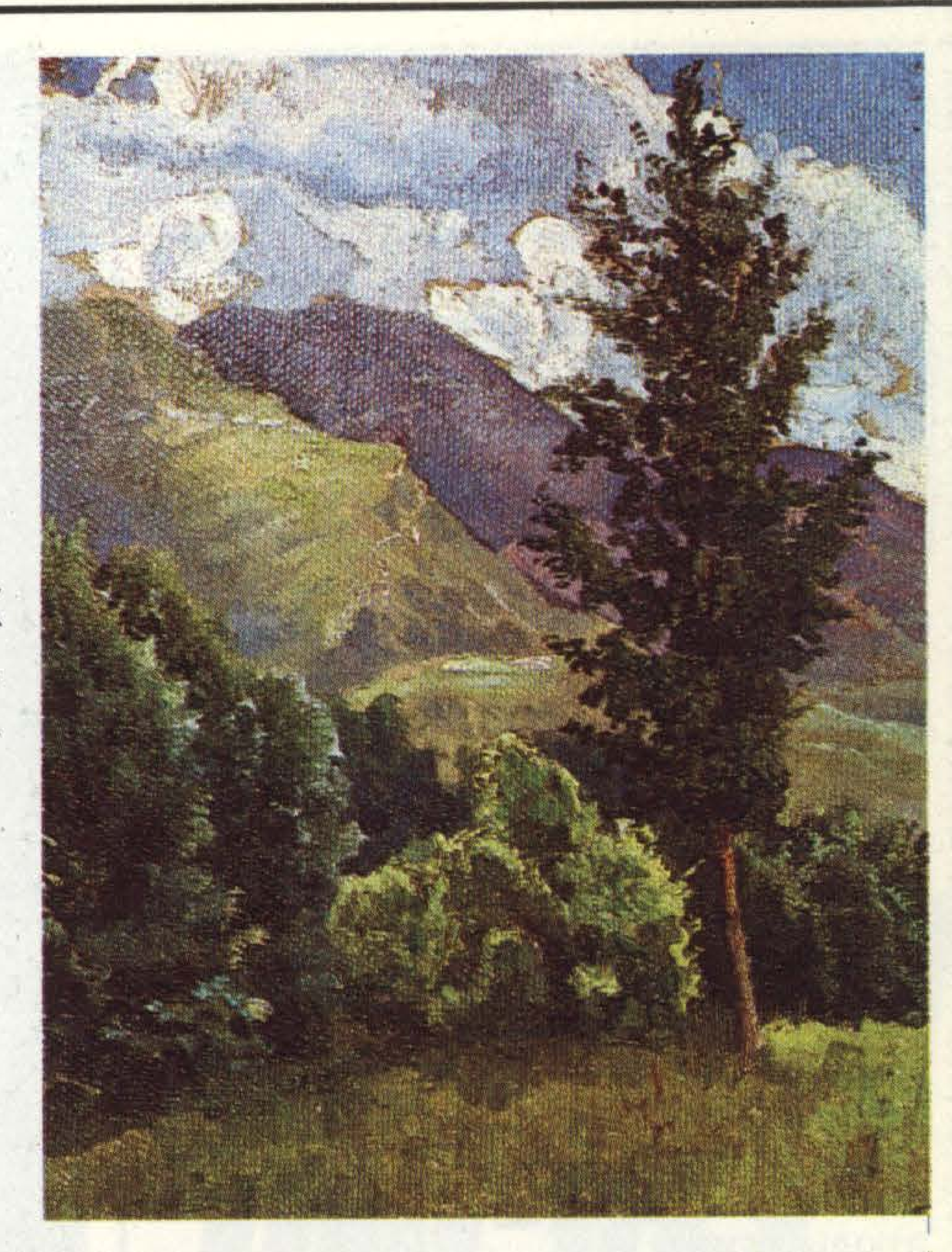
— Да, но это была уже коммуналка, вместе с нами там жило три семьи. Один военный, он был морской офицер, капитан II ранга по фамилии Калошин, звали его, если память не изменяет, Михаилом Ивановичем. Другой сосед Савченко Николай Петрович. Был он сотрудником НКВД. К приезду нашей семьи все было подчищено, вот только за шкафом мы нашли одно полотно, которое впоследствии я возвратил в семью Бухариных.

Олег ТУРКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Со своей стороны журнал «Огонек» обращается к читателям, обладающим дополнительными сведениями, с просьбой сообщить нам об исчезнувших полотнах Н. И. Бухарина. Являясь художественным документом отечественной истории, они по праву должны стать достоянием нашего народа.



ЗИМНИЙ ЛЕС В ЗУБАЛОВЕ. 1927—1928.



В ОКРЕСТНОСТЯХ КИСЛОВОДСКА. 1925 или 1928 гг.



В ГОРАХ КАВКАЗА. 1923.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

На переломах отечественной истории наша литература рождала высокие образцы гражданственности и смелости мысли. Но наряду с мучительными вопросами и выстраданными ответами накатывалась и мутная волна, грозящая порою утопить самые светлые начинания. Бессмертную пародию на окололитературную вознЮ дал Достоевский в «Бесах» — «кадриль литературы». Что же это за пляска? Несколько масок, символизирующих разного рода направления. Охриплостью голоса пожилой господин во фраке изображал одну из известных газет — «танцуя, толокся на одном месте с солидным выражением в лице, часто и мелко семеня ногами и почти не сдвигаясь с места». «Честная русская мысль» предстала в виде господина в настоящих кандалах, вокруг которого семенили две стриженые нигилистки. А визави приплясывал господин с тяжелою дубиной в руке, олицетворяющий грозное издание «Прихлопну — мокренько будет». «Трудно было представить более жалкую, более пошлую, более бездарную и пресную аллегорию»,— замечает повествователь. Некоторые явления нашей литературной жизни невольно заставили меня вспомнить об этих масках, притоптывающих перед уважаемой публикой.

Наталья **ИВАНОВА**

ЧЕМ ПАХНЕТ ТОРМОЗНАЯ ЖИДКОСТЬ?



НАТАЛЬЯ ИВАНОВА, ИЗВЕСТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК, ПЕЧАТАЕТСЯ С 1972 ГОДА. ЕЕ СТАТЬИ ПУБЛИКОВАЛИСЬ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ», ЖУРНАЛАХ «ДРУЖБА НАРОДОВ», «ЗНАМЯ», «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ», «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ». В 1984 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» ВЫШЛА КНИГА Н. ИВАНОВОЙ «ПРОЗА ЮРИЯ ТРИФОНОВА». СЕЙЧАС В ТОМ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ГОТОВИТСЯ ЕЕ НОВАЯ РАБОТА, ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОЗЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ,— «ТОЧКА ЗРЕНИЯ».

Есть сегодня в обществе искреннее желание разобраться в сложившейся ситуации. Есть и демагогия, ловко использующая слова «гласность», «демократия», «перестройка». Социальная мимикрия, как всегда, рядится в самые передовые одежды. Она, на мой взгляд, гораздо более опасна, чем упрямо стоящий на своем консерватизм. Обнаружить подлинное лицо «как-бы-перестройщиков», на самом деле жаждущих «притормозить», если не затормозить»,— более сложно. И бороться с ними сложнее. С «консерваторами» по крайней мере можно разговаривать — их позиция открыта.

Давайте с этой точки зрения посмотрим на наши литературные споры. Ведь за, казалось бы, узкоцеховыми дискуссиями открываются проблемы действительности.

РЕАЛЬНОЕ ДЕЛО «РЕАЛЬНОЙ КРИТИКИ»

В самом начале года мне довелось ознакомиться с двумя противоположными взглядами на критику.

Вопрос: Как вы относитесь к литературной критике?

Ответ: Я ее не замечаю. Но только не могу понять, как из собственного недовольства можно делать профессию. ...На одного пишущего (сегодня.— Н. И.) десять критиков (В. Пикуль.— «Книжное обозрение», 1988, № 1).

А вот совсем иная точка зрения, выраженная в письме читателя Г. В. Кузнецова из г. Альметьевска Татарской АССР: «О том, что нынешний год — это год журналов, говорят все. Но ведь это еще и год критики! Год, когда она впервые за много лет серьезно заявила претензии на полноправное место в ряду литературных видов и родов. Во всяком случае, это впервые почувствовал рядовой читатель вроде меня.

Каждый раз, получая долгожданный номер любого «толстого» журнала, первым делом ищешь в нем не прозу и не стихи, а критику и публицистику, и критику даже раньше, поскольку она более оперативна и ближе всего к смыслу слова «журнал» как дневник современной жизни. И наша лучшая, «критическая» критика в этом году (...) работает на перестройку, воплощая в себе демократизацию и гласность не как застывшие понятия, но как живой развивающийся процесс. Вот почему читать критические статьи интересно и хочется на них откликаться.

Кажется, кончается период жалоб на серую литературу, вызвавший столько насмешек, и начинается настоящая, хорошая борьба с конкретными носителями серой литературы... Читатель ждет восстановления пробелов не только в повествовательной литературе, но и в критике тоже. Точнее, он ждет построения реальной критической картины состояния дел в нашей словесности сегодня и в прошедшие два десятилетия».

Социальный заказ сформулирован четко. Посмотрим, как и что меняется в нашей литературной жизни. Да и меняется ли?

Десятилетиями от литературы требовали одного, чтобы она была верна жизни. Десятилетиями того же требовали от критики (плюс верности литературе). Слова те же самые. Говорилось одно, а подразумевалось другое.

При Л. И. Брежневе больше всего говорили о развитии социалистической демократии...

Насущнейшая проблема сегодня — вернуть словам их подлинный, реальный смысл. Очистить их от многолетних демагогических наслоений.

Внушалось прозаику: «Следуй жизни!»

Внушали непослушным критикам: «Следуй литературе и жизни!»

Но ведь при этом ни критик, ни прозаик и думать не смей о реальной — нелегкой, трудной, драматичной — действительности. Возник своего рода общественный договор: призывали к отражению какой-то неведомой, сконструированной «как бы» жизни. С «как бы» конфликтами и несуществующими «положительными» героями. Ведь совсем недавно — всего года три назад — дискуссия о «положительном» герое прошла на страницах «Литературной газеты». Перья ломали... А оказалось, литература истинная думала совсем о другом.

Критика сегодня должна избавиться от «как бы». От второго плана. От «один пишем, два в уме».

АУ, БЕЛИНСКИЙ!

«Где бы сегодня смог опубликовать свои «Литературные мечтания» гениальный Виссарион Белинский?» — этот риторический вопрос звучит в статье В. Бондаренко «Очерки литературных нравов» («Москва», 1987, № 12).

Ответ подразумевается, видимо, сам собою — в журнале «Москва»...

Но шутки в сторону. Вопрос — где печататься? — тоже важен. Однако важнее все-таки вопрос, ему предшествующий: что печатать?

Появились статьи, свидетельствующие о возрождении традиций добролюбовской «реальной» критики. Критики, которая делает шаг к познанию общества «в интересах его развития и преобразования» (так определил задачи «реальной критики» Ю. Буртин в статье, опубликованной в июньской книжке «Нового мира» за 1987 год). «Поле лежит невспаханным,— горько замечает Буртин.— Есть у нас всякая критика, и такая, и этакая, но критики реальной, то есть той, что судит о литературе в контексте серьезного и последовательного разговора об обществе,— такой критики мы давно уже не видели в своем отечестве».

Но не прошло и несколько месяцев после выхода «новомирской» статьи, как читатели смогли убедиться, что этот вывод устарел. Я имею в виду появление в печати социального памфлета Ю. Карякина «Стоит ли наступать на грабли? Ответ одному Инкогнито» («Знамя», 1987, № 9) и «Вам, из другого поколенья...» самого Ю. Буртина («Октябрь», 1987, № 8). Доказательством «неправоты» пессимизма Ю. Буртина явились и письма читателей, опубликованные в двенадцатом номере «Октября». Сильный общественный резонанс получила статья, посвященная не только поэме Твардовского, трудной ее судьбе, а в целом политической жизни общества в 60-е годы.

Буртин в своей «октябрьской» статье не касается вопроса о художественном стиле поэмы Твардовского. Как справедливо отмечает читатель, статья о «прошедших десятилетиях» о правде и лжи, о нас с вами». Читатели статьи Буртина, кстати, тоже разделились на два потока: тех, кто поддерживает «отпор столпам прошлого» («Если

дать им шанс подняться снова, они камня на камне не оставят от гласности!»), и тех, кто считает критику сталинизма «очернительством» всей нашей истории («Народ не желал оплевывания сталинского имени ради удовольствия эстетствующих снобов»). Так поразному думают сегодня двадцатилетние.

Борьба сил забвения с силами памяти идет и теперь. Но принимает другие формы.

Иногда эти формы достаточно очевидны. Здесь и стремление ценой любых исторических искажений сохранить в незыблемости облик «вождя», и — гораздо более тонкое — стремление, пожертвовав этой мрачной фигурой (объявив ее чуть ли не параноической — как это делает Д. Волкогонов в статье «Феномен Сталина» — ЛГ, 1987, 9 декабря), утверждать, что мы все-таки шли исключительно от достижения к достижению. Упорно пытаются возродить тезис о «перегибах». Тем самым реанимируется «взвешенная» логика качелей — «с одной стороны», «с другой стороны», «несмотря» — «однако»... И вот уже нам отчетливо пытаются внушить мысль о том, что у нас после революции не было альтернативы, что история развивалась в единственно верном направлении, что попытка драматурга поставить вопрос иначе — субъективизм,— а ведь тут остается всего лишь один шажок до мысли об оправдании этого пути.

Почему нынче писатели, в том числе критики и публицисты, сосредоточиваются на Сталине? — задается и такой вопрос.— Разве нет у нас других, более актуальных проблем?

Анализируя почту статьи, Ю. Буртин справедливо пишет о том, что «есть сталинизм, так сказать, начальственно-бюрократический и есть массовый, «низовой». Этот массовый сталинизм — серьезнейшая наша проблема, от решения которой кровно зависит будущее перестройки, ибо будущее формируется сегодня тем направлением, которое мы ему придаем.

Идти от жизни — или идти от «долженствующих», нормативных представлений о ней: таков сегодня выбор. Казалось бы, давно уж мы похоронили «ермиловщину» с ее догматическими предписаниями литературе (и обществу), куда и как обязана развиваться. Эмпирика проходит, а «методология» все еще, оказывается, зеленеет, удобно расположившись, например, в статье В. Бондаренко. Нет, не по Белинскому тоскует сердце сегодняшних потомков Ермилова, не о том оно болит, где печататься нынче новым Белинским и Добролюбовым! Печется оно все о той же нормативности, призывая литературу к «сильным характерам». А сегодня, предупреждает бдительный автор, в прозе идет «ставка на слабого человека».

«Оставим на совести автора» — любит В. Бондаренко такой «эзопов» стилистический оборот, свидетельствующий совершенно о другом: о бессовестности того, о ком идет речь. Распространяя прием на автора, оставим на его совести утверждение, что в период «застоя» «одному «Нашему современнику» удавалось печатать независимые статьи» (напомню, что эти статьи носили большей частью погромный характер,— а громили в «Нашем современнике» не самых плохих писателей — от Трифонова до Паустовского). Переходя к нашим дням, В. Бондаренко докладывает по начальству, что сейчас «нам с удовольствием показывают изнанку советского семидесятилетия», что везде выбирают для печати только «застой, насилие, лагерные бараки». А ведь «героическое поколение и в бараках лагерей не спешило «перестраиваться» (?!— **Н. И.**) ускоренными методами, оставалось поколением убежденных, сильных людей... Из лагерей шли добровольно в штрафбаты защищать Родину». Вот, оказывается, чему радуется В. Бондаренко. А вы все со своими «жертвами» да «страданиями» лезете!

Логика в таких сочинениях поистине непредсказуема. Вот пишет В. Бондаренко о статье В. Горбачева в «Молодой гвардии»: «...Многое и мне в этой статье кажется неубедительным. Есть односторонность в подборе писательских имен, бездоказательные обвинения в адрес всех изданий, кроме своего собственного». А на той же странице статья В. Горбачева характеризуется как «нешаблонная, предельно острая, достойная по тону публицистическая статья», которая «как катализатор действия очень полезна для большего проявления общей картины литературного процесса». Так «неубедительная», «бездоказательная по обвинениям», то есть, попросту говоря, лживая, или «достойная по тону» и «полезная»?

Во вполне благостной, понимающей интонации рассуждает автор о молодогвардейской статье. В восторженных тонах — о критике «Нашего современника». Но как только его перо касается других журналов, других имен, следуют оскорбительные определения: «волна «прогрессивного мракобесия», «органы «быстрого реагирования», сегодня почти все оказавшиеся в руках приверженцев «отрицательной культуры», «кликушество», «групповщина самого дурного толка»; «раздутость многих репутаций»... А где же дьявол-то гнездится? Самое страшное, по Бондаренко,— это люди, прогрессивно мыслящие. «Трепетные любители прогресса» (так они им пренебрежительно характеризуются), «еще немного — и тюремного заключения потребуют для «нелиберально мыслящих». Речь идет о методе. «Скомпрометировать оппонента менее трудоемко, нежели аргументировать собственные соображения»,— справедливо заметил в № 1 «Искусства кино» критик Ю. Богомолов,— но зато эта операция более эффективна, особенно в том случае, если ей удается придать политический оттенок».

На это «предположение» лучше всего ответить словами самого Бондаренко: «Речь, как вы понимаете, идет уже не о критике и полемике, пусть и самой острой».

КАК СКРЕСТИТЬ БАЛЬЗАКА С АВВАКУМОМ?

Крайности всегда сходятся.

От комплиментарщины до инсинуаций — расстояние не более шага. Касается, скажем, вопрос позиции критика С. Чупринина. Естественно, могут существовать разные оценки его работ. Но вот к какому идеологическому столбу его приковывает А. Байгушев: «Практически С. Чупринин выступил против основополагающего принципа ленинской концепции национальной культуры» («Молодая гвардия», 1987, № 12).

Но вот А. Байгушев переходит к другому жанру. В статье «Летопись поколения» («Наш современник», 1988, № 1) он рассуждает о прозе П. Проскурина. Лексика здесь совсем иная. «Масштаб повествования огромный», «аввакумовское жгучее чувство нравственности», «труд, который, пожалуй, вполне может стать вровень с такими масштабными произведениями», как «бальзаковский романный цикл «Человеческая комедия». В 70-е годы писатель, оказывается, работал лишь «на таежном упорстве — при равнодушии журналов, упорном барском замалчивании» критики.

Почему же «элитарная критика» (еще один ярлычок) проявляет «равнодушие» к П. Проскурину? Дается тонкий намек на рептильность «элитарной»: потому, что Проскурин «не занимал никаких постов». Но самая главная, корневая причина — неприязнь критиков к «русскому роману». Вот так. Не нравится тебе, критик, этот автор, равнодушен ты к нему, а ты, оказывается, против «русского романа» в принципе.

Перемены переменами, перестройка перестройкой, а почерк-то, оказывается, старый. Вчерашний.

Ну как прикажете понять сравнение Проскурина с Аввакумом? Аввакум пошел ради идеи на самосожжение. Аввакум — символ бескомпромиссности, за которую плачено собственной реальной, человеческой жизнью. Ведь уподобить нынешнего юбиляра Аввакуму как-то неловко, не правда ли? Если учесть к тому же и невероятное (в «застойные»-то времена) количество изданий и переизданий, и миллионные тиражи, экранизации, и бесконечные телесериалы по книгам Проскурина. Не очень похоже на Аввакума.

А при чем здесь Бальзак? «Человеческая комедия» — свод романов, в которых писатель последовательно разоблачал буржуазное общество, общество «новых людей». Проскурин пишет, мягко говоря, несколько о другом и на другом уровне. Но мы опять употребляем сравнение легко, не задумываясь над подлинным содержанием. Опять торжествует проклятое наследие прошлых времен — «как бы», «вроде». Наш «как бы» Бальзак», «Что-то такое вроде» Аввакума... Приблизительность мысли сразу сдвигает, нарушает систему истинных ценностей. А когда сдвигается эта система, то все здание оказывается выстроенным на песке. Таков подарок критика прозаику.

Задумаемся, например, что за новый термин такой — «русский роман»? Роман Тургенева? Или Достоевского? Пушкина или Толстого? Гончарова или А. Белого? Полифонический или монологический? Явлений, слава тебе, господи, множество, и настоящая наука о литературе глубоко и серьезно их изучает. Нет лишь общего понятия «русский роман». Опять играем в слова, реальную сумму знаний об обществе, о литературе пытаемся подменить фразой, за которой надо угадывать совсем другой, «эзопов» смысл. А смысл такой: Проскурин — истинный патриот, раз он пишет «русский роман» в отличие от романистов, работающих в иной стилевой, скажем так, манере.

Если критик озабочен проблемами своей национальной культуры и хочет определить ее место в ряду других культур — это прекрасно. Но если ты заранее отделяешь иерархической кастовой чертой — как особые — качества своей культуры, неплохо было бы для начала взглянуть на проблему с другой, соседней национальной точки зрения. Тем более, что живем мы все в многонациональном обществе. Печально, что иногда приходится об этом напоминать.

Вот, скажем, сколько раз я, русский человек, читала в статьях об «истинно русском добросердечии». А разве белорусы или абхазцы его лишены? Или об «истинно русском» гостеприимстве, «прекрасном русском женском целомудрии»... А грузины, армяне не гостеприимны? Азербайджанки не целомудренны?

Или пишем (опять цитирую А. Байгушева): «Поэтическое мироощущение у русского писателя органично, поскольку исходит из самой его натуры, из высшего смысла человеческого существования на земле...» Позвольте, а у латыша Ояра Вациетиса оно не было «органичным»? Не выходило «из самой его натуры?» Или у эстонца Юри Туулика оно не исходит «из высшего смысла человеческого существования на земле»?

Передергивания, исторические ляпы, безграмотность всегда были оборотной стороной аллилуйщины. Рассуждая о времени, например, А. Байгушев пишет: «Канун 1953 года. Время, как теперь говорят, перелома, «оттепели» и первой, задохнувшейся репетиции перестройки». Но если Проскурин объявлен нынче «страдальцем», то почему бы «канун 1953 года», то есть время «дела врачей» и «борьбы с космополитами» не объявить «оттепелью» и «репетицией перестройки»? Историческая точность мало волнует критика. Главное для него — почаще употреблять слово «перестройка».

Главное для иных сегодня — затормозить процесс освобождения литературы. Приемы тут разнообразятся с каждым днем.

Вот один из новейших приемов: сделать вид, что ничего достойного за 1987 год в журналах не появилось. Отвечает, скажем, А. Проханов на вопрос о самых значительных публикациях 1987 года и называет только роман В. Личутина «Любостай». В. Личутин — писатель действительно хороший. Но будем откровенны: разве его произведение стало событием года? Или В. Гусев, снисходительно рассуждая о «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка, ворчливо говорит о ее невысоком художественном уровне: «Так не пишут прозу». Что ж, видимо, В. Гусеву то, как надо писать прозу, ясней, чем Б. Пильняку. Не буду спорить. Вспомню лишь, что, когда В. Гусев писал о прозе А. Проханова, он горячо приветствовал именно «новую» художественность.

ПОПЫТКА РЕАНИМАЦИИ

Прошедший литературный год был беспрецедентным по публикациям. Увидели свет пятьдесят и более лет ждавшие читателя стихи, поэмы, повести, романы, статьи. Продолжается и реабилитация их авторов.

Однако в работе по реабилитации крупных художников и их произведений пока вяло слышны голоса из республик. Подавляющее большинство литературных событий происходит все-таки в Москве. В Узбекистане только начали публиковать трагически погибших в 30-е годы поэтов Чулпана и Фитрата. Хоть какие-нибудь сведения о них пробиваются на страницы прессы с трудом. В Казахстане хранят упорное молчание о поэте Магжане Жумабаеве, заклейменном в оные годы националистом, дважды (в 1930 и 1937 годах) репрессированном, давно реабилитированном. Но бумага о реабилитации есть, однако творчество все еще ждет реабилитации. На Украине давно не издавались произведения Хвылевого — мастера прозы XX века, одного из зачинателей современной украинской литературы. Хвылевой покончил с собой в 1933 году, сорока лет, затравленный официозной критикой. Только в декабрьской книжке «Вітчизны» за 1987 год появился один его рассказ. На русский Хвылевой не переведен, всесоюзному читателю неизвестен. Американские издатели выпустили пятитомное собрание его сочинений, найденных — по крупицам — в наших изданиях 20-х годов. Опять будем плестись в хвосте ситуации? Ссылаться на то, что раз за океаном интересуются, то нам не надо?

В республиках пока крайне робко, если не сказать застенчиво, уклоняются от назревших проблем. В Москве печатают «Реквием», «По праву памяти», приходят к читателю романы Б. Пастернака, В. Гроссмана, а в газете «Советская Белоруссия» тех, кто пытается вырвать из забвения имена безвинно пострадавших, снисходительно называют «доморощенными реабилитаторами». В. Пепеляев 29.12.1987 пишет, что такие слова о сталинизме, как «уничтожение лучших», «жертвы бюрократии», «геноцид против собственного народа» — это, мол, преувеличение. Строго выговаривает тем, кто сегодня задается серьезнейшими вопросами: почему, например, жертвы в Великой Отечественной войне столь катастрофически огромны? Пытаясь затормозить разбуженную активность молодежи, общества, В. Пепеляев считает, что, мол, если среди репрессированных в годы террора есть заслуженно пострадавшие, не столь уж и порочна живучая мысль о «врагах народа».

Сегодня, говорит В. Пепеляев, «в духе перестройки и гласности» «надо не выискивать какие-то негативные стороны, а помочь избавиться от них (как это сделать без их обнаружения — тайну сию знает, видимо, один лишь В. Пепеляев), поддержать полезную

инициативу, избежать ненужных (? — **Н. И.**) наслоений».

«Самая активная часть общества, его молодежь,— отвечает А. Майсене и В. Пепеляеву В. Быков («Советская Белоруссия», 9.01.1988),— не перестает задавать вопросы вроде того: как могло случиться столь вопиющее нарушение социалистической законности, в результате которого погибли тысячи невиновных людей? Тысячи, а может, миллионы?» Новоявленные статистики «странно умалчивают о количестве репрессированных в годы культа личности Сталина, словно бы эти цифры не заслуживают серьезного внимания советских людей,— пишет В. Быков.— Но люди, в том числе и молодежь, ищут четких ответов на кардинальные вопросы того времени, важнейшим из которых, несомненно, является вопрос о **палачах и жертвах.** ...признав несомненную противозаконность репрессий 30-х годов,— продолжает писатель,— мы не можем уйти от настигающего нас вопроса: **кто виноват?»**

И вот тут опять обнаруживаются те самые две позиции, о которых я говорила в начале своей статьи.

Первая: зачем размежевываться? Давайте объединимся — под знаком нового забвения! Все виноваты — никто не виноват! А. Майсеню, например, настораживает «...требование публично назвать поименно не только тех, кто пострадал в годы репрессий, но всех тех, кто...совершал»преступления». Ведь многие из них, мол, были искренни в своем заблуждении...

Уже стали известны фамилии тех, кто сгубил Н. Вавилова. Страна знает фамилию следователя Хвата, истязавшего его. В «Московских новостях» от 3 января сообщены фамилии тех, кто инспирировал в 1939 году репрессии против группы московских девушек, осужденных за «контрреволюционную деятельность». А что в Белоруссии? — спрашивает В. Быков. Где имена людей, сгубивших в своем «искреннем заблуждении» писателей Тишку Гартного, Платона Головача, Максима Гарецкого, Михася Зарецкого, Владислава Голубка?

«Странно видеть в современной газете,— говорит В. Быков,— этот поток умилительного добросердечия к тем, кто губил или способствовал гибели тысяч, и при этом повсеместно натыкаться в статье на труднообъяснимую непримиримость к посмевшим выразить свои, пусть даже ошибочные взгляды».

Как только человек перестает автоматически повторять вслед за другими, как только он начинает размышлять (пусть порою и ошибаясь, о чем говорит В. Быков), так немедленно ему приклеивают политические, подчеркиваю, ярлыки, пытаются скомпрометировать его общественную позицию, жирно намекнуть на его идейную ущербность.

Для критика Ю. Идашкина середины, например, нет. Как только он перестает расточать елейные комплименты в привычные адреса, то переходит немедленно к политическому погрому. Из его статьи «Разные лики покаяния» («Литературная Россия», 1988, № 2) я узнала о себе следующее (обвинения направлены в адрес моей, как ее называет Ю. Идашкин, «нравственно-политической позиции»): «агрессивное стремление к моральному, а затем и организационному отлучению инакомыслящих», «ликующая агрессивность», «экстремизм», «авангардизм», который «является обратной стороной консерватизма» — и даже — жажда «стать Жанной д'Арк литературного обновления», которой хочется «возжечь» «маленький, но очень жаркий» костер... У Ю. Идашкина образование юридическое, но еще из школьных уроков он мог бы извлечь полезные знания о том, что это на костре сожгли саму Жанну.

Это мой единственный комментарий к развесистым политическим ярлыкам. Примеры можно умножить без труда.

Таковы нынче нравы. Такова «литературная кадриль».

Но вернусь к вопросу более жгучему, поднятому В. Быковым.

На этот вопрос, как свидетельствует пресса, тоже существуют разные ответы. Ю. Идашкин, например, рассказывает нам сегодня рождественскую байку о том, как по-дружески нежны отношения бывшего зэка с бывшим начальником лагеря, если тот просто выполнял порученное ему дело, не выходя за рамки «установлений» бериевщины. «Мы долго беседовали в редакции, потом зашли в кафе и сидели там до закрытия» (так не хотелось им расставаться — литератору, зэку и «начальничку»). Вот что поведал начальник: «В своих действиях я исходил вот из чего: человек совершил преступление и наказан, а мой долг — способствовать тому, чтобы по отбытии срока он вернулся в общество и стал его полезным членом. Конечно, никаких особых условий создать я не мог. Но отягощать и без того тяжкую участь людей старался не позволять».

Ну, чем плоха легенда? Мол, «установления»-то были в лагерях сталинских вовсе даже не плохие, главное — «за рамки» было не выходить. А те, кто и сегодня жаждет, исходя из «требований жизни», отвергнуть устаревшие законы и инструкции, проявляют, оказывается, «правовой авангардизм». Клеймо опять поставлено. На сей раз политически-юридическое. Методы отработанные.

РЕВАНШ ПО-ПИСАТЕЛЬСКИ

«...Сумеем ли мы полно и глубоко усвоить завещанное веками эстетическое наследие, уяснить нравственные уроки минувшего?» — риторически спрашивает молодой критик А. Казинцев. И тут же отвечает отрицательно: «Публикации последних месяцев, к сожалению, не позволяют дать обнадеживающего ответа на этот вопрос» («Наш современник», 1987, № 11).

А. Казинцев полагает, что в последние месяцы не история стала постепенно выходить из мрака и забвения, а «началась охота» в ее «заповеднике» (ничего себе «заповедник», особенно если отчетливо представить себе 30—40-е годы). А. Казинцев сурово делит писателей, обращающихся к истории, на два ряда: «продолжателей» и «потребителей». В списке «потребителей» у Казинцева лидирует Ю. Трифонов, даже в самые трудные времена умевший говорить правду о времени: вспомним хотя бы «Дом на набережной», «Старик», «Время и место». Глубинный анализ 30-х годов, безыллюзорное исследование «пружин» террора, исторической слепоты живущих в Доме на набережной и объективной вины тех, кто стоял у начал (об этом прямо) и недвусмысленно свидетельствует историческая концепция Трифонова в целом, вся «цепь», которую он старался вытащить из колодца истории), проникновение в истоки современного конформизма — все это есть в недавно опубликованном романе Ю. Трифонова «Исчезновение». Но путем подтасовок и откровенных передержек А. Казинцев хочет убедить читателя в противоположном. Следует вывод: «Не покаяние, а скорее оправдание» Дома и его жителей (всех скопом, и жертв, и палачей!) — «основная идея романа».

Кого же призывает жалеть, кому сострадает А. Казинцев?

Тому, кто проводит обыск в квартире арестованного. Да-да, именно на нем, считает Казинцев, не хватило «сострадания» писателя, зато вполне хватает «понимания» критика. Вас это возмущает? Не убеждает? Не беда — передернем под конец еще раз, да потуже. И вот уже «писательская память» Трифонова уподобляется **лагерному конвою,** под которым ведут нынче по страницам журналов бедного экзекутора. А. Казинцев легко амнистирует «мужичка-простачка», моющего руки после грязного дела. Ю. Трифонова же объявляет «красноречивым защитником» тех, кто спускал приказы об арестах и расстрелах.

Что ж, Трифонову при жизни довелось столкнуться и с непониманием его идей, и с намеренным искажением, фальсификацией его литературной и общественной позиции. Но сегодня?

Видимо, это одна из негативных сторон нашего времени, когда люди, отстаивающие групповые амбиции, громче всех кричат о равном партнерстве в дискуссиях, пользуясь тем, что тот начальный период демократизации, в котором мы ныне находимся, не выработал еще правовых норм защиты личности от клеветы.

«Вот и дождались мы, слава труду, наших светлых дней»,— умиляется Василий Росляков («Литературная Россия», 28 августа 1987 года). Но чем дальше углубляешься в пространное сочинение под многозначительным названием «Реванш?», тем яснее становится: фразочка-то полна глубокомысленной иронии. Над чем же иронизирует литератор? Оказывается, над словом «радость» применительно к происходящим событиям. Ибо, как следует из текста В. Рослякова, происходящие события его ни в коей мере не радуют. «...В наши дни ошеломляющей гласности и полной свободы»,— нагнетает иронические модуляции В. Росляков, с нескрываемым сарказмом отмечая «светлый праздник возвращения на Родину обиженных судьбой русских талантов». Говоря о возвращении национального наследия, В. Росляков постоянно пользуется словом «мы». «Мы дождались, «поток ностальгических стихотворений хлынул на нас», «вернулись к нам», «мы радуемся», «разве могли мы мечтать...». Дочитаем, однако, до конца: «...мечтать о таких вещах еще вчера, когда вовсю исключали из этого Союза...» (СП СССР.— **Н. И.**) своих писателей. И вот здесь-то удобное словечко «мы» почему-то стыдливо опущено, можно подставить и «они».

Чуть позже, правда, поясняется затаенный смысл упорного именования себя во множественном числе, причисления ко всемогущему «мы». «...Оказались правы мы,— уже не иронизирует писатель.— ...Советская власть оказалась права...». И хотя стилистика сочинения не позволяет все же без колебаний отринуть мысль, что эта фраза тоже иронична, но все-таки вспоминаются слова А. Платонова: «Не путайте себя с человечеством!» Уж больно серьезного и величественного союзника одним росчерком пера приобретает вдруг посерьезневший собрат!

По логике В. Рослякова, если возвращенные ныне национальные ценности создавались людьми, не вернувшимися в Россию, или людьми, не разделявшими «наших» убеждений, то они «нам» вроде бы и не нужны. Особый сарказм автора «Реванша?» вызывает парик Анны Павловой, привезенный на Родину И. Одоевцевой. Зачем он «нам» в нашей «революционной перестройке», иронизирует В. Росляков.

Следуя мысли В. Рослякова, можно опять договориться до того, что-де и И. Бунин «нам» не ко двору, и снова вспомнить, как в незабываемые тридцатые — пятидесятые, о «религиозном мракобесии» Федора Достоевского. Под знаком той же логики писали о расцвете лирики Б. Пастернака бдительные литераторы 30-х годов: «это лирика «вообще»,— того социально-исторического «вообще», которое в лучшем случае делает искусство идейно и художественно неопределенным».

Собрат-литератор В. Росляков с, прямо скажем, непонятным удовлетворением отмечает факт... смерти русского писателя В. Набокова. Процитировав его строки: «Но музы безродные нас доконали, и нынче пора нам из мира уйти» — ироничнейший гуманист с несомненным чувством облегчения заявляет: «Вот, Владимир Владимирович, так будет ближе к правде». И тут же — издевательски по отношению к старому, больному человеку — продолжает: «Но вот же не всех доконали безродные музы. Например, Ирина Владимировна Одоевцева даже (! — **Н. И.**) вернулась домой...»

Да, не всех «доконала» безродная муза. Многих доконало и возвращение. Вспомним трагическую судьбу Марины Цветаевой и ее семьи. Горька память о тысячах других, прозревших, вернувшихся и прямо с вокзала попадавших туда, откуда уже не возвращаются...

Не нравится В. Рослякову, что напечатаны, например, крупные подборки стихов Николая Степановича Гумилева (уж не знаю, почему В. Росляков аттестует его Семеновичем? для смеха, что ли): «Наперебой спешат с публикациями»: «Выходят наконец романы А. Бека и Б. Пастернака, имевшие трагическую судьбу, авторы которых скончались, не дождавшись справедливости,— В. Росляков опять настроен скептически. Сама за себя говорит и лексика при упоминании тех, кто — «слава труду» — дожил до публикации: «выкладываются на литературном прилавке написанные загодя и явно не проходимые по тем временам романы Анатолия Рыбакова и Владимира Дудинцева и даже Анатолия Приставкина». Я уже отмечала умение В. Рослякова давать вторую жизнь отдельным словам. Так и здесь — какие хитрые словечки — «даже» и «загодя»! Так и видишь зловредных писателей, травивших долгие годы на сочинение романов загодя, впрок, чтобы потом с ними выскочить, удивить публику.

Так все-таки почему «мы» так нервничаем? Не потому ли, что при свете произведений, возвращенных в национальную культуру, и публикации написанных «загодя» сильно потускнели сочинения тех, кто пытался за эту культуру представительствовать, отождествлял эту культуру с собой?

Вопрос, надо ли сегодня радоваться, возвращая на журнальные страницы В. Набокова,— это вопрос тактики («кто кого» вытесняет и т. п.). А ведь, если задуматься всерьез, эта проблема совсем иного ряда. Проблема полноценного существования нашей культуры, как огромной исторической протяженности. Сам подход — «печатать в журналах — печатать в книгах» — носит оттенок рыночного взвешивания. Это подход узко утилитарный. Ничему не способствующий.

Вопросы культуры — стратегические, а не тактические. А к этой мысли «мы» никак не привыкнем.

Заметим, что оценки того, что приходит сегодня к читателю, самые разные. Кто-то, чей вкус сформирован В. Пикулем, не сможет дочитать до конца платоновский «Котлован». Поклонников, скажем, поэзии В. Сидорова может не заинтересовать Н. Гумилев. Ну, что же, о вкусах, как говорится, не спорят. Но дело не во вкусах.

В дореволюционной России лозунгами «не пущать!» и «запретить!», как известно из бессмертных сочинений М. Салтыкова-Щедрина, руководствовались надзирающие чиновники. Мог ли вообразить классик, что эту «запретительную» идеологию способен проповедовать свой брат литератор?

Запретительная идеология обязательно формирует образ врага. Способ известен — идеологический ярлык. Скажем, разделяем писательское мышление на «здоровое» и «подорванное... где-нибудь на трудных исторических поворотах». Логика такова: если ты и твои близкие (а таковых, как известно, в стране миллионы) хоть как-то пострадали от репрессий, то мышление твое отныне и навек — «подорванное» (как не вспомнить дела репрессированных с мстительным штампом «хранить вечно» — тоже не без иронии был сочинитель): «Может, ты подорвался на раскулачивании. Может, социальное и историческое мышление подорвалось у тебя на всем периоде культа личности».

Не понравилась В. Рослякову, ска-

жем, статья С. Залыгина «Поворот», опубликованная в «Новом мире». Нормальное дело: нравится — не нравится, согласен — не согласен. Но В. Росляков смотрит вглубь: «...Я даже стал подозревать, а вернее сказать, догадываться, что у автора «Поворота» тоже подорвано историческое и социальное мышление. На чем и где подорвал он его, я сказать точно не могу, потому что не знаю жизненного пути этого видного писателя». Странная недоработка для человека, который пользуется методами подозрений и догадок!

В. Росляков осуждает С. Залыгина за ясное и твердое отрицание идеи индустриализации и коллективизации «любой ценой». «Любую цену», оплаченную страданием и кровью своего народа, Залыгин не приемлет. А что противопоставляет ему В. Росляков? Передернув мысль писателя, он опять «догадывается»: «Получается, что Сергей Павлович начал бы прицениваться, торговаться: какой ценой, сколько надо заплатить за индустриализацию, сколько за коллективизацию?» Ерничает, мягко говоря, В. Росляков не столько над позицией писателя, а над жертвами народными, да еще и высокомерно обучает С. Залыгина своей краткокурсной политграмоте: «А ведь в стране тогда ребром стоял вопрос, кто кого? Или мы их, или они нас. Выбора не было».

Самое время перевести дух от приступа застарелого страха! Но переведя, подумаем — это в конце двадцатых годов «не было выбора»? И кто же такие «они»? Крестьянские семьи, миллионами ссылавшиеся на голодную, холодную смерть, бабы, детишки, старики — в скотских вагонах? Или Чаянов и его сподвижники, чьи имена только сегодня, несколько месяцев назад, очищены от грязи? Или Ф. Раскольников, не принявший добровольно жертвенную позу и не давший зарезать себя, как теленка? Или все те «враги народа», замученные, высланные в лагеря и ссылки? Какую, право, надо иметь душу, чтобы написать своей рукой — сегодня! — приговор: «Нас устраивал только один ответ... любой ценой». «Любой ценой...»

С. Залыгин, по словам оппонента, «как бы протягивает руку, как бы прокладывает дорожку к тем, кто пострадал от этих «деяний» и «уклонов» и кто сегодня считает, что наступил как раз тот день, когда можно в художественной форме, а то и в форме голой публицистики сказать в лицо, сказать всю правду тех лет, рассчитаться за те обиды. Ну что же, придется потерпеть». Вот так! «Рассчитаться» за «те обиды» некому — их уничтожили «любой ценой». А вот «сказать всю правду тех лет» обязаны те, в ком жива совесть, сострадание, неистребимая жажда справедливости и правды. И как понимать «придется потерпеть»? Мол, подождем немного, вот кончится все это?..

Если ты человек этой национальной культуры и ты знаешь, что другой человек приехал на свою родину умирать, у тебя никогда язык не повернется по этому поводу злорадствовать. Если ты полемизируешь с одним из самых уважаемых в стране писателей, не надо с такой развязностью дергать его за волосы или похлопывать ниже спины. А уж если ты заговорил о миллионах жертв, нельзя иронизировать.

Ерничать на тему о коллективизации — значит с полным неуважением относиться к прошлому своего народа. На чем пляшется литературная «кадриль»? На костях?

В. Росляков пытается завершить свой «Реванш?» многозначительным художественным образом. Прибегая к аналогии с автомобилем, он пугает: разогнали, мол, машину, не пора ли притормозить? И вспоминает, как в молодые годы учили его определять наличие тормозной жидкости: на запах.

Запах есть. Но тот ли? Он не показывает потерю автомобилем управления, а явственно свидетельствует о попытке затормозить его ход.

НАШ ОБЩИЙ ВРАГ

Окончание.
Начало на стр. 4.

был человек, который методически убивал миллионы своих сограждан, если даже сейчас на ваших монетах национальный символ украшает собой весь мир,— то вы сможете понять, почему граждане других стран, даже те из них, кто настроен мирно или полон доверия, могут относиться скептически к вашим нынешним благим намерениям, как бы искренни и подлинны они ни были. Дело вовсе не в злонамеренной американской пропаганде. Проблема усугубится, если вы будете делать вид, что подобного никогда не происходило.

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, писал Фридрих Энгельс. На II съезде РСДРП в Лондоне в 1903 году Ленин выступал за *полную* равноправность и даже за *признание* права нации на самоопределение. Те же принципы были изложены почти таким же языком Вудро Вильсоном и многими другими американскими государственными деятелями. Но в том, что касается наших двух стран, факты говорят об обратном. Советский Союз присоединил Латвию, Литву, Эстонию и районы Финляндии, Польши и Румынии, оккупировал и установил коммунистическую власть в Польше, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Восточной Германии и Афганистане. СССР подавил восстание восточногерманских рабочих в 1953 году, венгерское восстание — в 1956-м, попытку чехов ввести гласность и перестройку — в 1968-м. Если исключить участие в мировых войнах и экспедициях для борьбы с пиратством или работорговлей, Соединенные Штаты осуществили вооруженные вторжения и интервенции в других странах в 130 случаях, включая Китай (18 раз), Мексику (13), Никарагуа и Панаму (9 раз в каждую из стран), Гондурас (7), Колумбию и Турцию (по 6 раз в каждую), Доминиканскую Республику, Корею и Японию (по 5 раз), Аргентину, Кубу, Гаити, Королевство Гавайи и Самоа (по 4 раза), Уругвай и Фиджи (по 3 раза), Гватемалу, Ливан, Советский Союз и Суматру (по 2 раза), Гренаду, Пуэрто-Рико, Бразилию, Чили, Марокко, Египет, Берег Слоновой Кости, Сирию, Персидский залив, Перу, Тайвань, Филиппины, Камбоджу, Лаос и Вьетнам. Большинство этих вторжений были операциями незначительного масштаба, предназначенными поддержать угодные правительства либо обеспечить защиту американской собственности и деловых интересов, но некоторые из них носили более широкий, более затяжной и гораздо более смертоносный характер.

Соединенные Штаты осуществляли вооруженное вмешательство в Латинской Америке не только до большевистской революции, но и до появления «Коммунистического манифеста»,— в связи с чем несколько затруднительно объяснять американское вмешательство в Никарагуа исключительно антикоммунистическими мотивами. В результате американского вторжения в Юго-Восточную Азию — регион, который никогда не угрожал Соединенным Штатам,— погибли 58 тысяч американцев и более миллиона азиатов. США обрушили 7,5 мегатонны мощных взрывчатых веществ и произвели экологический и экономический хаос, от которого до сих пор не оправился регион. После 1979 года более 100 тысяч советских солдат оккупируют Афганистан — страну, доход на душу населения в которой ниже, чем на Гаити,— и ужасы этой войны до сих пор ждут своего рассказчика (потому что русским гораздо лучше, чем американцам, удается не допускать независимых репортеров в военные зоны).

Традиционная вражда оказывает разрушающее воздействие. Если она колеблется, то ее легко можно оживить воспоминаниями о прошлых оскорблениях, изобретя какое-нибудь зверство или вооруженный инцидент, объявив, что противник развернул какое-то новое опасное оружие, или просто упрекнув в наивности или предательстве тогда, когда общественное мнение страны проявляет неудобную беспристрастность в оценках. В глазах многих американцев коммунизм означает бедность, отсталость и Гулаг в награду за высказывание своего мнения, жестокое подавление человеческого духа и жажду покорить весь мир. В глазах многих русских капитализм означает бездушную и ненасытную алчность, расизм, войну, экономическую нестабильность и всемирный заговор богатых против бедных. Это, конечно, карикатуры, но многолетние усилия русских и американцев сделали свое дело, придав им оттенок правдоподобия и реальности.

Эти карикатуры сохраняют свою силу не только потому, что они отчасти правдивы, но и потому, что они полезны. Образ безжалостного врага дает бюрократам в руки готовый предлог, объясняющий, почему повысились цены, почему отсутствуют потребительские товары, почему страна неконкурентоспособна на внешнем рынке, почему в стране так много безработных и бездомных или почему непатриотично и непозволительно критиковать руководителей и особенно почему необходимо насаждать, да еще десятками тысяч, такое ужасное зло, как ядерное оружие. Но если образ врага недостаточно зловещ, то сразу становятся заметными и некомпетентность, и недальновидность правительственных деятелей. У бюрократов есть все основания изобретать врагов и преувеличивать их злодеяния.

В каждой стране имеются свои военные и разведывательные органы, которые дают оценку опасности, исходящей от другой стороны. Они жизненно заинтересованы в больших расходах на оборону и разведку. Таким образом, им приходится вести непрерывную борьбу со своей совестью — из-за сильного желания преувеличить возможности и намерения противника. Когда же это им

ПРИЗНАКИ ПЕРЕМЕН

Окончание.
Начало на стр. 4.

ния вокруг «положения советских евреев», бесконечные спекуляции вокруг вопроса эмиграции и «отказников».

Но главное даже в другом. Неадекватная, даже необъективная картина дается по некоторым аспектам нашей политики, особенно важным для советско-американских отношений, для решения главных задач, о которых пишет в своей статье американский ученый.

Так, ряд его оценок можно истолковать в том духе, что сами взгляды коммунистов на мировую революцию обрекают СССР если не на экспансионистские намерения, то как минимум на двусмысленность в политике. Пример — приведенные в статье высказывания советских руководителей, относящиеся к временам войны со вторгшимися на нашу территорию в 1920 году войсками тогдашнего правительства Польши.

Высказывания, приписываемого В. И. Ленину, я просто найти не смог, и по всему моему пониманию мировоззрения Ленина, свойственного ему политического реализма, а также особенностей тогдашней обстановки, так он говорить просто не мог. Скорее всего это одна из тех многочисленных фальшивых «цитат Ленина», которые были Западом пущены в ход (и до сих пор циркулируют) специально для разжигания антисоветских страстей, вплоть до изготовленной в ведомстве Геббельса осенью 41-го года фальшивки под названием «Десять заповедей Николая Ленина», загодя предназначенной, чтобы поссорить между собой участников антигитлеровской коалиции. Высказывания Тухачевского я даже не искал, поскольку оспаривать его просто не считаю нужным. Будь оно даже аутентичным, это высказывание ровным счетом ничего относительно общей природы советской политики не доказывает.

И не только потому, что нельзя относиться, как к незыблемому документальному свидетельству природы политики государства — к приказам времен гражданской войны, отдававшимся совсем еще юными, политически не так уж и искушенными командирами. Главное — в другом. В течение ряда лет после октября 1917 года ни русские большевики, ни их единомышленники на Западе просто не знали, в каком виде столь для них долгожданная социалистическая революция развернется — как российская, европейская или мировая. И не только потому, что волна революционных выступлений прокатилась тогда по многим странам Европы. Не менее важно, что интернационализировать борьбу революции и контрреволюции помогли сами западные державы (включая США), совершив вооруженную интервенцию против молодой Советской России и долгое время оказывая военную, финансовую и политическую поддержку всем вооруженным формированиям, выступавшим против Советского правительства. Стоит ли удивляться, что временами и некоторые большевики понимали дело так, что борьба приняла международный характер, характер фронтального столкновения мирового социализма с мировым капитализмом? Нападение польских войск (оно как бы открывало второй фронт в дополнение к фронту внутренней контрреволюции, возглавлявшейся в то время Врангелем) тоже выстраивалось в этот ряд и могло дать повод для неверных представлений о характере и особенностях борьбы, которая в то время была нам навязана (на X съезде партии последовал в этой связи критический анализ проводившейся Советским правительством политики).

Это история, и из нее, как говорится, слов не выкинешь. Но какое это имеет отношение к сегодняшнему дню, к нынешней нашей политике и советско-американским отношениям? Уж, во всяком случае, меньшее, чем вооруженная интервенция США в России в 1918 году или проводимые в Америке ежегодно конгрессом и президентом «недели порабощенных народов», открыто выражающие требование изменить существующий строй на большой части советской территории. Я уже не говорю о популярной в XIX веке в США концепции «явного предначертания» Америки, рассуждениях об «американском веке», получивших в США столь широкое распространение после второй мировой войны, или о принятой сейчас на вооружение «доктрине Рейгана».

Что касается упоминания советского герба на монетах, то он имеет такое же отношение к притязаниям на земной шар, как полумесяц на турецком флаге к притязаниям Турции на Луну или созвездие Южного Креста на австралийском флаге к заявке этой страны на часть Вселенной.

Как минимум неисторичны и многие другие упреки Карла Сагана в адрес Советского Союза. Обвинять нас в оккупации (после второй мировой войны) и установлении коммунистического режима в ряде стран Восточной и Центральной Европы у американского профессора столько же оснований, как у нас обвинять США в оккупации и установлении капиталистического режима во Франции, Италии, Греции, не

удается, такое называют необходимым благоразумием, и результатом становится новый виток гонки вооружений. Существует ли независимая общественная оценка разведывательной информации? Нет. Почему же? Да потому, что информация носит секретный характер. Так что в данном случае механизм действует самостоятельно, эдакий заговор де-факто, цель которого помешать падению напряженности ниже минимального уровня, приемлемого для бюрократии.

Сегодня очевидно, что многие политические структуры и догмы, какими бы эффективными они ни оказались в свое время, нуждаются в изменениях. Ни одна из стран пока еще не соответствует миру XXI столетия. Поэтому задача не в том, чтобы выборочно прославлять прошлое или защищать национальные основополагающие принципы, но в том, чтобы найти путь, который проведет нас через период великой общей опасности. Для достижения этого мы нуждаемся в любой помощи, откуда бы она ни исходила.

Главный урок науки заключается в следующем: чтобы постигнуть сложные проблемы (или даже простые), мы должны постараться освободить наши умы от догм и беспрепятственно публиковать, возражать, отстаивая свое мнение, экспериментировать. Обратные аргументы властей недопустимы. Мы все можем ошибаться, даже руководители. Но как бы ни было очевидно, что критика необходима для прогресса, правительства склонны ей сопротивляться. Самый яркий пример этого — гитлеровская Германия. По мнению одного из вождей нацистской партии Рудольфа Гесса, один человек должен остаться вне всякой критики — фюрер. Это потому, что каждый чувствует и знает: он всегда прав, он всегда будет прав. Национал-социализм опирается в каждом из нас на беспредельную верность, безграничное доверие к фюреру, говорил Гесс.

Об удобстве такой доктрины для лидеров страны говорил и сам Гитлер: какое счастье для стоящих у власти, что народ не думает! Повсеместное духовное и нравственное послушание может быть удобным для лидеров на первое время, но в перспективе оно становится самоубийственным для наций. Следовательно, одним из критериев для национального руководства должен стать талант к пониманию, поощрению и конструктивному использованию энергичной критики.

Поэтому, когда люди, которым затыкали рот и унижали, получили сегодня возможность высказаться,— то их, конечно же, охватило от этого радостное возбуждение. Гласность и перестройка демонстрируют всему миру человеческий аспект советского общества, который маскировала политика прошлого. Они запускают механизмы исправления ошибок на всех уровнях советского общества. Они необходимы для процветания экономики. Они позволяют реально улучшить международное сотрудничество и совершить крутой поворот в гонке ядерных вооружений. Гласность и перестройка нужны как Советскому Союзу, так и Соединенным Штатам.

Разумеется, гласность и перестройка наталкиваются на противодействие: в Советском Союзе его оказывают те, кто должен сегодня демонстрировать свою компетентность, вместо того чтобы вести сонное существование на своей пожизненной должности, кто не привык к ответственности. И те, кто не хотел бы, чтобы спустя десятилетия их привлекли к ответу за содеянное в прошлом. Да и в Соединенных Штатах находятся также люди, сопротивляющиеся гласности и перестройке. Некоторые утверждают, что это трюк, предназначенный усыпить бдительность Запада, в то время как Советский Союз, воспользовавшись передышкой, соберется с силами, чтобы затем предстать перед США еще более грозным соперником. Некоторые предпочитают прежний Советский Союз — ослабленный отсутствием демократии, легко становящийся одержимым. (Американцам, слишком долго испытывающим самодовольство от своих собственных демократических форм, есть чему также поучиться у гласности и перестройки. Это само по себе вызывает у некоторых в США беспокойство.) И так как за реформы и против них выступают могущественные силы, никто не может сказать, каков будет исход.

Мы должны признаться себе в том, что в действительности мы крайне мало знаем как прожить в безопасности следующие несколько десятилетий; мы должны найти в себе смелость изучить широкий круг альтернативных программ, и прежде всего нам нужен поиск новых решений, а не преданность догме. Найти правильные решения будет достаточно трудно.

Наши две страны должны помочь друг другу разобраться, какие нужны перемены. И их перспективы должны выходить за рамки следующего президентского срока или следующего пятилетнего плана. Нам нужно сократить военные бюджеты, поднять жизненный уровень, воспитать уважение к учебе, оказывать поддержку науке, эрудиции, изобретателям и трудолюбию, содействовать свободным исследованиям, сокращать масштабы внутреннего принуждения, вовлекать рабочих в управленческие решения и содействовать подлинному уважению и пониманию, проистекающим из признания общности наших человеческих ценностей и нашей общей опасности.

Хотя мы должны поднять сотрудничество до небывалого прежде уровня, я не выступаю против здоровой конкуренции. Но давайте соперничать в поисках путей надежного прекращения гонки ядерных вооружений и проведения широких сокращений обычных вооружений, в устранении правительственной коррупции, в достижении большинством районов мира самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией. Давайте соперничать в искусстве и науке, музыке и литературе, в области технологических новшеств. Давайте устроим соревнования в честности. Давайте соперничать в борьбе со страданиями, невежеством и болезнями, в борьбе за уважение ко всему миру национальной независимости, в выработке и внедрении этики ответственного поведения на нашей планете.

Давайте поучимся друг у друга. Капитализм и социализм вот уже целое столетие заимствуют методы и доктрины друг друга. Ни одна страна не имеет монополии на истину и добродетель. Я хотел бы, чтобы мы соперничали в готовности сотрудничать. В 70-х годах, помимо договоров, ограничивавших гонку ядерных вооружений, мы добились некоторых заметных успехов, работая вместе: в глобальной борьбе с оспой, в попытках помешать ЮАР создать собственное ядерное оружие, в осуществлении совместного космического полета «Аполлон-Союз». Сегодня мы можем добиться большего. Давайте начнем с нескольких совместных проектов, отличающихся размахом и дальним прицелом,— помощь голодающим — особенно в таких странах, как Эфиопия, ставших жертвами соперничества сверхдержав,— предотвращение экологических катастроф, совместное исследование планеты Марс, которое завершилось бы высадкой человека на эту планету.

Возможно, мы уничтожим сами себя. Возможно, общий враг внутри нас окажется слишком силен, чтобы мы могли осознать и преодолеть его. Возможно, мир будет отброшен к средневековому прошлому, а то и хуже.

Но я все же надеюсь. В последнее время появились признаки перемен, правда, робких, но в верном направлении и по сравнению с прежними — быстрых. Неужели мы — мы, американцы, мы, русские, мы, люди,— наконец, обретаем разум и начинаем работать вместе во имя человечества и всей планеты?

История возложила это бремя на наши плечи. Именно от нас зависит, построим ли мы будущее, достойное наших детей и внуков.

говоря о Западной Германии. Не стоило бы поднимать и территориальный вопрос — и потому, что это открывает настоящий «ящик Пандоры», и потому, что за нынешние свои границы мы платили кровью, а не только чернилами подписей на договорах. История — сложная штука и требует к себе уважительного отношения. Альтернативные варианты могут обсуждаться теми, кто ее изучает, переделке же она, если мы не хотим навлечь на себя катастрофу, не подлежит.

Как у историка вызывает у меня возражение и подход профессора Сагана к гонке ядерных вооружений в послевоенный период. Его можно охарактеризовать так: «Чума на оба ваши дома». То есть равная вина приписывается как СССР, так и США. Но ведь это не так. Хотя в ответственный период после 1945 года мы едва ли всегда, во всех случаях принимали только идеально правильные решения, но нельзя же забывать о главных фактах. И прежде всего о том, что начало и практически все важные этапы гонки ядерных вооружений были инициированы Соединенными Штатами. Этого не может не знать и американский ученый.

Конечно, на душе легче, если ты разделил вину ровно пополам с другой стороной. Но ведь это несправедливо.

Нельзя не видеть и явных различий в нынешней политике СССР и США, различий в их подходе как раз к тем вопросам, о которых профессор Саган говорит в этой и других своих статьях,— о ядерном разоружении, прекращении ядерных испытаний, отказе от милитаризации космоса и т. д.

Вот так я все-таки не удержался и излил свое недовольство, высказал уважаемому мною американскому ученому ряд упреков.

Ну а потом подумал: а не подтвердил ли я тем самым высказанной им мысли насчет того, что чему-чему, а спорить друг с другом, мы с американцами за последние десятилетия научились? Должен признать, я тоже не раз на эту тему размышлял. Скажу больше: мне не раз приходила в голову парадоксальная для историка мысль о том, что нет сейчас дела вредней, чем увлечение историей. Ибо она относится к числу сфер, по которым мы, наверное, никогда не договоримся. И чем больше будем спорить, тем больше будем распалять страсти, лишь генерируя взаимное недоверие. Я поэтому сомневаюсь в разумности предложения Сагана для начала рассмотреть исторические факты такими, какими они, возможно, видятся другой стороне (если это только с его стороны не риторический прием, позволяющий в вежливой форме выложить обеим сторонам неприятные вещи).

Может быть, высшая политическая мудрость нашего времени как раз в том и состоит, чтобы (внимательно изучая, так сказать, «для себя» историю) все же не сосредоточиваться на спорах по безнадежным, «гиблым» вопросам, а выводить дискуссию, диалог на проблемы, где не только нужно, но и можно договариваться. Ибо прав Саган, когда говорит: задача не в том, чтобы выборочно прославлять прошлое или защищать национальные основополагающие принципы, но в том, чтобы найти путь, который проведет нас через период великой общей опасности.

Я видел Карла Сагана хоть мельком, но совсем недавно, в декабре 1987 года, во время советско-американской встречи в верхах в Вашингтоне. Но статью он написал до этого. А я свой комментарий пишу уже после этой важной, принесшей весомые результаты встречи.

И могу поэтому позволить себе больший оптимизм. Признаки перемен перестают быть робкими, они крепнут, крепнет и надежда, что мы — американцы, русские, все люди — научимся работать вместе во имя себя самих, человечества, нашей планеты.

Но главное, что внушает мне оптимизм,— это новое политическое мышление и тот факт, что оно находит все более глубокое воплощение в политике хотя бы одной из великих ядерных держав — Советского Союза. Вместе с перестройкой, гласностью это размывает столь необходимый для «холодной войны» и гонки вооружений «образ врага». И это может оказаться эффективным способом разорвать «смертельные объятия», о которых пишет американский ученый, отказаться от «правил игры», которые нам, Советскому Союзу, столь долго и не всегда безуспешно пытались навязать извне.

Есть известная поговорка — «для танго нужны двое». Ее не раз приводили как политики (включая президента Рейгана), так и журналисты обеих стран применительно к договоренности о сокращении вооружений, нормализации отношений и сохранении мира. И это, конечно, верно — в одиночку такой договоренности не достигнешь. Но, изучая историю международных отношений, и прежде всего отношений между СССР и США, я пришел к выводу, что двое в общем-то нужны не только для разоружения, но и для «холодной войны» и гонки вооружений. Притом вторая сторона, так сказать, «партнер по танго», может их и не хотеть, но если он будет двигаться под заказанную кем-то другим мелодию, в чужом ритме, давая себя спровоцировать, принимая бой на навязываемых ему плацдармах,— этого может оказаться достаточным. Достаточным и для «холодной войны», и для гонки вооружений.

Мне кажется, особенно наглядно это выявилось с переменами последних лет в советской политике, когда она стала смело ломать старые рамки, в том числе и тем, что пошла против многих привычных, наигранных приемов и реакций, лишая сторонников «холодной войны» в США столь необходимого им партнера-противника. Оказалось, что очень эффективен ответ, когда не отвечаешь жестокостью на жестокость, глупостью — на глупость, излишествами по части оружия — на излишества, безрассудством — на безрассудство.

Конечно, в политике, когда тебя «бьют по лицу», невозможно отвечать по-евангельски, подставляя другую щеку. Но и другой библейский принцип: око за око, зуб за зуб — очень часто не самая лучшая политика. Особенно в ядерный век. К тому же в условиях, когда на каждое действующее лицо политики воздействует не только другая сторона — так называемый «противник»,— но и множество других сил, как международных, так и внутренних, не только военных, но и политических, экономических, психологических и даже моральных.

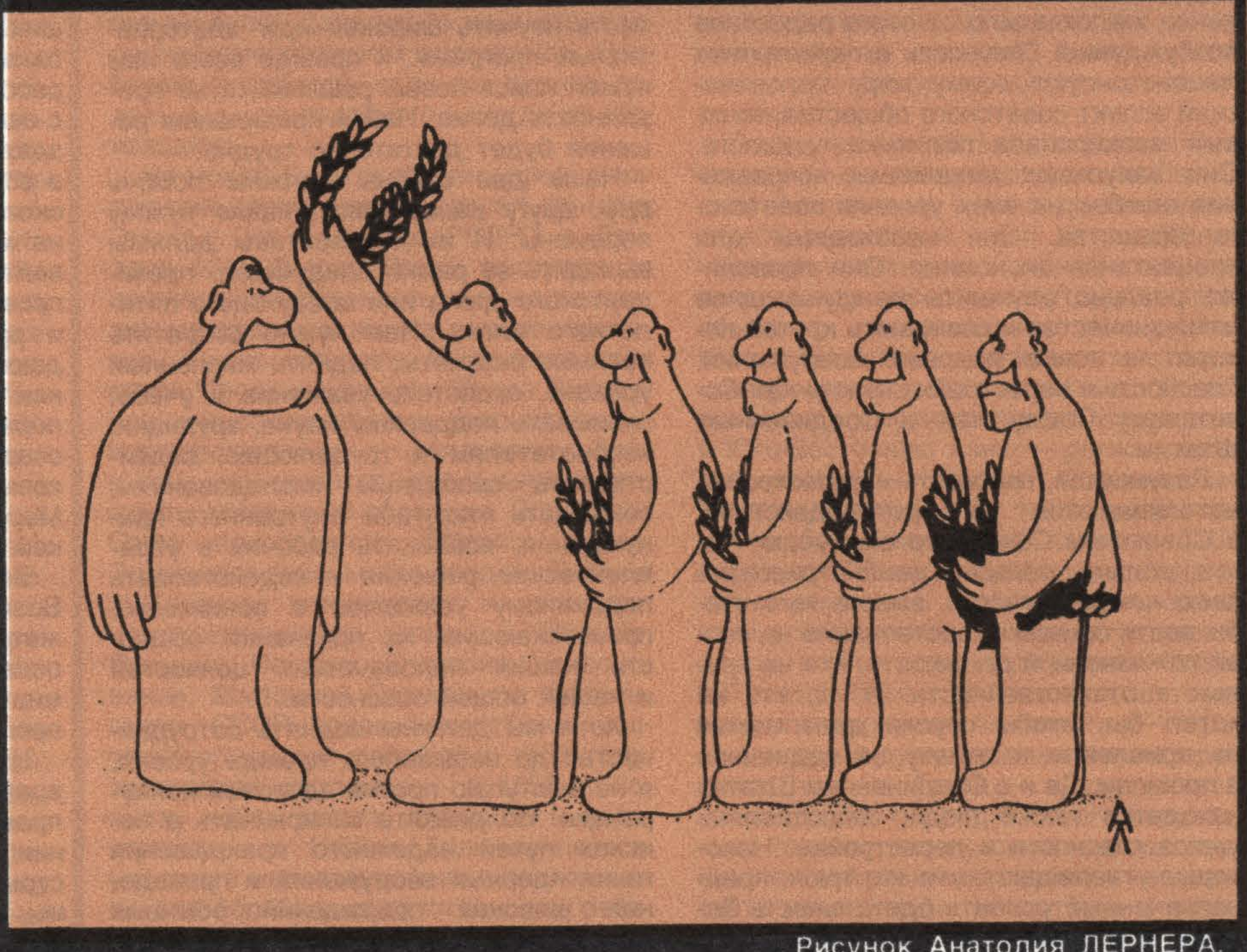
Мне пришлось слышать сравнение силовой политики с перетягиванием каната. А что произойдет, если одна сторона возьмет и выпустит свой конец? И не намечается ли в мировой политике нечто похожее сейчас?

Заключая, скажу: я согласен с Карлом Саганом в том, что в международных отношениях вести себя по-старому становится смертельно опасно. Думаю, что в них назревают радикальные перемены. Надеюсь, они произойдут не в очень отдаленном будущем.

Но уверен, что это — трудная задача и ее решение потребует максимума усилий всех, кто таких перемен хочет. Карл Саган наверняка относится к их числу.

НАРОД И НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ

Еще раз о званиях, титулах, премиях. Всегда ли награды соответствуют заслугам?


Рисунок Анатолия ЛЕРНЕРА.

Михаил **ВОЗДВИЖЕНСКИЙ**



В последние годы жизни Сергей Прокофьев был, несомненно, самым популярным композитором в мире. Буквально все виртуозы земного шара, все знаменитые дирижеры непременно включали в концерты произведения нашего великого современника. Но, между прочим, высшего титула, каким награждались в то время деятели искусства, звания народного артиста СССР, он удостоен не был. Трем его коллегам было присвоено это звание, Прокофьев же получил лишь звание народного артиста РСФСР. На первый взгляд — чепуха, смешной факт, не более, казус. Но чиновничий мир, выставляя оценки и расставляя по рангам, не шутил, это не в его правилах. Крупнейший композитор века не был признан таковым в собственном отечестве, по крайней мере официально. И такой факт не единственный.

Недавно режиссер Эльдар Рязанов предложил вообще упразднить всяческие звания, резонно заметив, что само имя артиста должно говорить за себя. В большинстве стран и не существует практики присвоения почетных званий. В самом деле, какое звание может украсить имя Чаплина, Висконти, Мастроянни? Или Карузо, Казальса, Рубинштейна, Клайберна? Или что изменилось бы в нашем восприятии романов, скажем, Хемингуэя, если бы он был много раз лауреатом?

Так, может, действительно лучше всего, дабы не плодить рой несправедливостей, отменить звания? Что же касается премий, то, может быть, их стоит давать начинающему талантливому человеку, чтобы он быстрее вырос, чтобы не тратил время на околотворческие заботы, не погиб на подступах к редакторским или иным бастионам? Ведь маститый писатель, художник, артист уже не нуждается ни в моральной, ни в материальной поддержке. Давали же раньше в России премии начинающим талантливым художникам в виде оплачиваемой поездки в Италию, давали с расчетом на совершенствование.

Но поскольку сегодня премии и звания у нас существуют и никто пока их отменять не собирается, то, без сомнения, требуется самая существенная, даже не перестройка, а какая-то капитальная ломка устоявшейся практики.

В последнее время самым популярным композитором у нас стал Альфред Шнитке. Только за музыку к фильмам «Восхождение» и «Мертвые души» ему к пятидесятилетию (по аналогии со многими маститыми) положено было бы получить хоть самое низшее звание, а за банальную выслугу лет (кстати, удивительно плодотворных) как минимум какую-нибудь награду. Ни звания, ни ордена А. Шнитке в 1984 году не получил. Вероятно, решили поклонники, композитор в немилости у высокого начальства, ничего другого не приходит в голову, поскольку слушатели, то есть народ, валом валят на концерты, где исполняется его музыка, и каждый такой концерт оставляет у попавших на него неизгладимое впечатление, и становится событием в музыкальной жизни, и всякий раз заставляет задуматься: ну почему же этот композитор странным образом обойден официальным признанием?

Помнится, весенним вечером 1965 года писатель Сергей Смирнов, узнав о присуждении ему Ленинской премии, появился страшно расстроенный. На вопросы друзей, присудили ему премию или нет, долго ничего не отвечал, а потом все твердил, что не дали, не дали, обошли... Оказалось, говорил он не о себе, а о Константине Паустовском, кандидатуру которого в тот вечер забаллотировали.

Трудно вообразить, что ушли из жизни, не имея ни одной премии, и Константин Паустовский, и Владимир Тендряков, и Юрий Казаков. Трудно представить, что и сегодня не имеют премий (и до сих пор никому в голову, видимо, не пришло их выдвинуть) Борис Можаев, Фазиль Искандер, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава. Последний обойден не только как писатель, но и как самобытный поэт и композитор.

Премия — это не только медали и деньги, это главным образом признание, похвала, которая необычайно нужна творческому человеку. Есть люди пронзительно-горькой судьбы, которым не досталось и частички заслуженного признания. Нельзя забывать, например, что В. Шукшин при жизни не был отмечен премиями как писатель...

Уже много раз по многим поводам вспоминали его горькую реакцию, когда ему показали хвалебную рецензию критика А. Макарова на книгу «Там, вдали». Василий Макарович сказал, что много бы отдал в те далекие ранние годы за хвалебные слова. Товстоногов назвал игру Шукшина антиактерством, оценил ее как сверхмастерство, но умер В. Шукшин в странном звании заслуженного деятеля искусств РСФСР...

Признание необходимо иной раз, чтобы выжить. Как можно было не заметить поэзии Николая Рубцова, как можно было не отметить поэта? Заведенный житейскими неурядицами в тупик, Н. Рубцов обращался за помощью и в Союз писателей, и в журналы, в частности в «Наш современник». Эти письма журнал опубликовал не так давно. Как в этом свете выглядят сегодняшние наезды знаменитых поэтов, членов правления СП СССР в Вологду, чтобы произнести красивые слова на могиле поэта? И снова, отойдя на минуту от прямого разговора, хочется спросить состоятельных и благополучных людей, не оказавших элементарной помощи товарищу: где же солидарность? Спрос с писателя особый, не как с председателя профкома или управляющего трестом. Писатель ведь поучает читателей, говорит им о нравственности, о чувстве долга, нередко клеймит почтеннейшую публику за пороки, призывает к милосердию...

Если у нас принято давать премию посмертно, то как было по горячим следам не дать премию Николаю Рубцову,— ведь сразу всем было ясно, что погиб пронзительно-чистый русский поэт. Эту премию следовало бы дать уже затем, чтобы ею заклеймить бездушных бюрократов, которые травили поэта.

Тут трудно не вспомнить прямо-таки фантастическую историю с присуждением, а точнее говоря, с неприсуждением премии художнику Ю. Ракше. Фильм «Восхождение», крупное явление нашей культуры, потребовал не только уникального мастерства режиссера, оператора, композитора и актерских работ. Это фильм высокохудожествен в прямом смысле этого слова. Огромная, пусть и незримая для обывателей творческая нагрузка легла на художника картины, именно его рукой, прежде всего, из повести В. Быкова вылеплена притча. Художник Ю. Ракша был представлен в 1979 году на соискание Госпремии СССР, но был вычеркнут как живой — дали только тем, кто погиб: Л. Шепитько и В. Чухнову. Через два года, уже после неожиданной смерти, Ю. Ракша был снова представлен на премию. Без сомнений, заслуженно, ибо помимо прекрасных живописных работ он был создателем таких шедевров кино, как фильм «Время, вперед!», где именно он воссоздал быт, костюмы, антураж тридцатых годов, фильм «Дерсу Узала», который, кстати, получил «Оскара» — высшую награду американской академии киноискусства за художественность (до того мы имели «Оскара» только за пиротехнические работы). Премию Ю. Ракше теперь не дали уже как умершему, решив к тому времени, что премии надо давать только живым.

Художникам вообще не везло. Случись вызвать интерес народа, случись выставка, к которой выстраивались длиннющие очереди, как сам художник почему-то оказывался в опале. И указующий перст почему-то принадлежал лицу высокопоставленному, иной раз и главе государства. Когда В. И. Ленина, посетившего ВХУТЕМАС, спросили о его впечатлениях, он ответил, что ничего не понимает в искусстве, что лучше спросить у Луначарского. Как остроумно кто-то заметил, это был последний наш руководитель, который не разбирался в искусстве. Многие наши художники и скульпторы пострадали от поспешных, поверхностных директивных оценок.

Есть целый пласт в нашей культуре, который долго не замечали (а стало быть, не отмечали ни званиями, ни премиями), но который будто назло вершителям, присуждающим премии и звания, оказался наиболее распространен, популярен и, разумеется, народен. Носителей этого искусства зовут менестрелями на немецкий лад, бардами на английский, шансонье на французский. Советская авторская песня, как аляповато нарекли ее, смею утверждать, есть высокое по уровню мастерства искусство, которым мы вправе гордиться ничуть не меньше, чем классическим балетом или танцевальными ансамблями.

Многим из наших бардов относительно повезло: выпущены пластинки Б. Окуджавы, Ю. Визбора, Н. Матвеевой, но никто никогда и не заикался о присуждении им каких-либо премий. Трудно даже сказать, чем объяснимо такое пренебрежение Министерства культуры СССР к талантливым представителям этого не только самого популярного, но и весьма сложного творчества. Остались незамеченными Е. Клячкин, ставший профессиональным артистом; Ю. Ким, удивительно тонкий мастер, утвердивший себя и как

поэт, драматург, актер. Песни Ю. Кукина лет двадцать с наслаждением слушают, переписывают, хранят миллионы людей. Не хранит их только Министерство культуры, и тут уж не о премиях впору говорить, а о том, чтобы записать пластинки, ведь время идет, барды стареют быстрее, чем их искусство, не те уже голоса. Недавно демонстрировался старый фильм Л. Шепитько «Родина электричества», где звучит голос молодого Булата Окуджавы. Ёкнуло сердце... И подумалось: а ведь нынешнее поколение вообще не знает ранних песен Окуджавы. Едва ли сохранились хорошие записи этих песен, с которых можно сделать пластинку.

Искусство советских бардов надо вернуть народу, дать его молодежи, которая не случайно слушает иностранщину, не получая ничего равноценного нашего, отечественного. И вот если пластинки бардов выпустят, не худо бы посмотреть, сколько станут покупать Б. Окуджаву, В. Долину, Ю. Кима, Е. Клячкина... Кого тогда в первую очередь придется включать в списки на награждение званиями народных?

Уже на протяжении тех же 20—25 лет вместе с бардами практически замалчиваются замечательный ленинградский поэт О. Тарутин и московский поэт Д. Сухарев. Именно их стихи любят барды делать основой своих песен. Не случайно. Но тень, брошенная на бардов, накрыла и поэтов.

Много лет назад написал я на радио (что было по меньшей мере наивно), чтобы дали премию авторам детской передачи «КОАПП», а в мае 1987 года наткнулся на статью в газете «Московский литератор», где обсуждалась проблема приема в Союз писателей СССР. Среди тех, кого в этой статье отстаивали, мелькнула фамилия М. Константиновского. Я был поражен, что автор блестящих радиопьес даже и не писатель. Не знаю, какие критерии для приема в Союз писателей, но неужели человек, написавший более 100, пусть небольших, но удивительно мудрых, веселых и наисовременнейших пьес для детей, от которых не могут оторваться и взрослые, не заслужил звания писателя? Или ста пьес маловато? Сколько же надо? И неужели те, кто решал, принимать или не принимать, написали больше и лучше?

Восемнадцать лет назад я видел такую картину. В коллекторе библиотек делили книги. Были выложены двухметровые стопки разных изданий, и тут вышла женщина с несколькими книжечками в руках, торжественно, под жадные взгляды присутствующих положила на каждую стопку по книжечке. Это был второй выпуск «КОАППа». Все остальное, то есть все эти два метра, была нагрузка, та макулатура, к которой мы, бог знает почему, привыкли. И вот к двухметровой нагрузке была добавлена Книга!

Сегодня мы редко выключаем телевизор, чтобы послушать радио, но многие мои знакомые выключают телевизор каждое последнее воскресенье месяца, в четыре часа, чтобы послушать «КОАПП». Передачу слушают их внуки и правнуки. И хочется обратиться теперь к различным комитетам по различным премиям: не забыты ли ими до сих пор создатели одной из лучших детских радиопередач?

Многое сдвинулось в последнее время. Посыпались письма, например, по поводу «неостепененности» Геннадия Хазанова. Чиновничий мир, похоже, держит оборону, поскольку решение вопроса о присуждении талантливейшему артисту звания «заслуженный» затянулось уж слишком, да только это «наименьшее» звание давно не отражает ценности этого артиста для искусства, для народа...

Сейчас право произносить свое слово предоставлено народу — это и есть истинная гласность и настоящая демократия. И пусть народными называют художников и артистов не чиновники от имени народа, а сам народ.

У НАС В ГОСТЯХ

ГОЛОСА СТОЛЕТИЙ

Недавно возникшие мужской вокальный ансамбль русской музыки (руководитель В. М. Рыбин) и литературная художественно-исследовательская группа «Слово» (руководитель Ю. Н. Малышева) побывали в редакции «Огонька». Прозвучала старинная русская музыка: древнейшие песнопения знаменного роспева, раннее русское многоголосие, хоровые произведения Василия Титова, Дмитрия Бортнянского, Алексея Верстовского. Были исполнены канты XVII—XVIII веков. Кант — это первый по времени возникновения жанр светской вокально-хоровой музыки в России. Канты возникли в просвещенных кругах российского общества и подразделялись на лирические, духовные, назидательные и гражданственные. Ансамбль исполнил канты «Начну на флейте стихи печальны» (слова Василия Тредиаковского), «О расширении государства Российского», «Радуйся Росско земле», «Орле Российский» и, конечно же, народные песни. Прозвучали на древнерусском языке фрагменты из памятников древнерусской литературы XII—XIII веков «Слово о полку Игореве» и «Слово о погибели Русской земли».

И словно раздвинулись стены редакционного конференцзала, где проходил концерт, раздвинулись во времени и пространстве, и будто открылись необъятные, былинные дали Русской земли, выросли мощные стены крепостей, засияли золотом куполов величавые соборы на холмах...

Мы попросили рассказать о коллективе Валерия Михайловича Рыбина, преподавателя музыкального факультета Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

— В своей работе,— сказал Валерий Михайлович,— мы прежде всего опираемся на всестороннее изучение замечательных памятников русской музыкальной культуры, наглядно отражающих процесс становления певческих традиций в России. Это очень важно: изучить, освоить богатейшие пласты национальной культуры и постараться передать их в первую очередь молодежи. Наш ансамбль тесно сотрудничает с молодежной организацией при Москворецком РК ВЛКСМ «Калейдоскоп». Коллектив ансамбля постоянно ищет новые средства выразительности. В этой связи закономерно наше сближение с группой «Слово».

Юлия Николаевна Малышева, преподаватель кафедры культуры речи Московского государственного института культуры, говорит:

— Группа была организована в 1983 году из студентов МГИКа. Мы ставим своей задачей изучение и популяризацию в звучащем слове памятников древней литературы на древнерусском языке. Наше чтение литературных текстов основывается на научных исследованиях крупнейших ученых-лингвистов. Так, заведующий кафедрой русского языка Ленинградского университета профессор В. В. Колесов проделал интереснейшую работу по звучанию древних текстов «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русской земли», «Задонщины», предложив древнейшие варианты ударений. Древнее русское слово было поющим, широким и удивительно емким, оно сплачивало людей, и в пении каждый сознавал себя частью народа.

Юрий КРАСНОЩЕКОВ

На снимке — участники концерта: Е. Вавилкина, С. Новиков, Ю. Малышева, В. Мамчур, С. Казначеев, С. Игумнов, И. Егорова, В. Яковлев, В. Рыбин, М. Горский, И. Гожавина, В. Сурженко, П. Шабанов.





ДАЙ ЛАПУ, ДРУГ!

Т только от жизни собачьей собака бывает кусачей...» — так, кажется, поется в одной известной песенке. Но к героям нашего репортажа эти слова никакого отношения не имеют. Жизнь у них сложилась явно не собачья и не кусачая. В этом мог убедиться каждый, кто посетил недавно завершившуюся в Москве первую в истории нашей страны выставку-конкурс лучших собак «Бест ин шоу». Такие собачьи конкурсы красоты в Европе устраиваются постоянно, настал и наш черед. Главным судьей, интерэкспертом, говоря официальным языком, был президент Стокгольмского кинологического клуба, судья международной категории Карл Юхан Адлер Кройц.

С раннего утра к павильону шли толпы четвероногих конкурсантов. Со своими хозяевами, естественно. Кого здесь только не было! И огромные беспокойные, всех окрасок и темпераментов доги, и добродушные, лохматые, переваливающиеся, как медвежата, ньюфаундленды, аристократичные красотки — афганские борзые, и суетящиеся, тявкающие даже на руках своих хозяев болонки. Был здесь и английский бульдог. Это такая невысокая собачка, на коротеньких ножках, с головой, как у трех больших собак в общем, своеобразный песик. Так сказать, на любителя.

Естественно, конкурсанты, а также их хозяева сильно волновались. Еще бы! Окно, можно сказать, в Европу прорубаем. И что скажут о четвероногих питомцах в далекой загранице? Соответствуют ли они уровню мировых собачьих стандартов или нет? Конкурсанты переступали с лапы на лапу, поскуливали, тихонько ворчали, заглядывали в глаза хозяевам, изредка тявкали, огрызаясь на соперников. В общем, нервничали.

Когда нервничает болонка или шпиц — это еще куда ни шло. А вот когда начинает нервничать королевский дог или сенбернар да еще не один, а в компании!..

Возможно, именно поэтому большие собаки начали конкурс первыми. Кто-то из конкурсантов уходил из круга радостный и польщенный оценкой интер-



Чемпионы, медалисты, победители... И все-таки самая лучшая собака — своя.

эксперта. Еще бы! Он отвечал мировым стандартам и мог составить достойную конкуренцию на международных выставках. А кто-то... Таких хозяев и их воспитанников было сразу видно. Они ни с кем не разговаривали, ни на кого не лаяли, грустно молчали. И это понятно. Согласитесь, не очень приятно, когда тебе сообщают, что у тебя уши не те, морда легковата, лапы подкачали и вообще...

Но соревнование есть соревнование. Кстати, если вы думаете, что судья учитывал только внешние данные, то вы очень ошибаетесь. Учитывалось все. Даже характер и поведение.

Самым позорным и непростительным было тявкнуть на интерэксперта. Если болонкам и пуделям по их природной легкомысленности это еще как-то прощалось, то догам, сенбернарам и ньюфаундлендам, в общем, солидным собакам, этого простить судья никак не мог. Залаять на эксперта, объяснял мне президент Стокгольмского клуба, такое же хулиганство, как, скажем, в теннисе швырнуть в судью ракеткой. Хулиганов с соревнований снимают. Так был лишен приза на этом конкурсе огромный сенбернар. Ему не понравилось, что интерэксперт позволил себе похлопать его по спине, и в ответ он огрызнулся. За что и был с позором удален.

С давних детских лет во мне, признаюсь, жила тайная мысль: надо завести собаку. Такая идея время от времени, наверное, посещает всех людей. И здесь, на этом собачьем празднике, я высказала ее вслух. И тут же со всех сторон на меня обрушились советы, рекомендации, пожелания хозяев. Они убеждали, что дома нужно иметь именно их породу, и никакую другую.

Выслушав всех, я стала подкована во всех отношениях. И могу теперь сама давать советы тем, кто вроде меня решил завести дома собаку. Если вам нужен друг, который, не задумываясь, отдаст за вас жизнь,— берите овчарку, боксера, можно дога. При условии, что вы его сможете достойно воспитать и прокормить. Если вам нужна некая романтичная, капризная, непостоянная, артистичная натура — приобретайте афганскую борзую. С ней, как с мужем-художником, интересно, но невыносимо. Если вам необходимо нежное, веселое, любящее существо — берите пуделя.

— Как вы можете снимать нас в таком виде! — возмутился хозяин американского коккер-спаниеля Торри Сильвестра Лайта, да, именно так зовут этого прекрасного пса, позвякивающего десятками медалей.— Как вы можете нас снимать! Мы же не расчесаны!

И все уверения фотокорреспондента, что Сильвестр и так очень хорош, ни к чему не привели. Пес был расчесан, приведен в порядок, и только тогда позволил себя снять.

— У моего Сильвестра божественный характер,— рассказывал хозяин, пока собака готовилась к съемкам.— Во всяком случае, у людей такого характера я не встречал.

Кстати сказать, Торри Сильвестр победил в своей породе и получил еще одну медаль и грамоту, на этот раз от шведского судьи. Вот так.

Русская борзая Буяна положила мне доверчиво голову на руки. Она несколько устала...

— Очень красивая собака,— сказала я хозяйке.— Вот только, наверное, для городской квартиры великовата,— предположила я, представив огромную





длинную Буяну в своей квартирке.

— Ну что вы! — устыдила меня хозяйка.— Это только так кажется. Когда она свернется клубочком на кресле — ее и не видно... И внимание особого ей не надо. Бегайте с ней по пятнадцать — двадцать километров каждый день, и все будет в порядке...

А тем временем конкурс продолжался. На манеж пригласили шесть лучших собак. Затем осталось три. Черный дог-красавец, афганская борзая — светлошерстная элегантная — и добрый, похожий на теленка, неуклюжий, спокойный сенбернар, который несколько застенчиво поглядывал на своих роскошных красавцев конкурентов.

Собаки ходили по кругу, а интерэксперт ходил вокруг них, стараясь понять, кто же лучше.

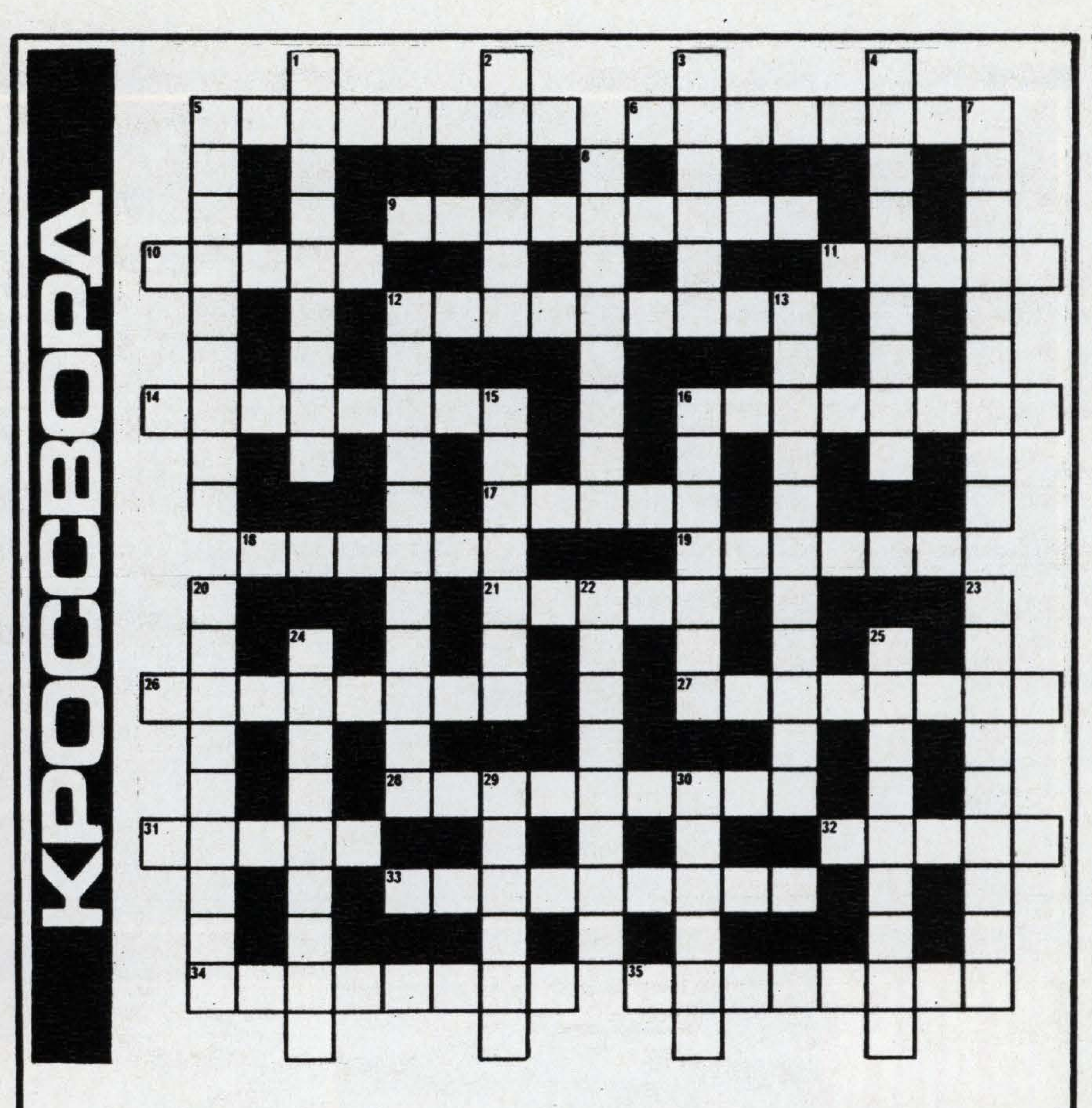
И вот решающий момент: судья последний раз подходит к каждой собаке. Ну, кто же? Черный дог, уставший от долгого конкурса, не выдержал, дернулся, издал что-то типа рычания. Афганская борзая устало отвернула куда-то в сторону морду. А огромный сенбернар, неуклюжий, добрый теленок, встал и доброжелательно помахал интерэксперту хвостом и даже дал лапу: мол, смотри, как я тебя люблю. И сердце шведского судьи не выдержало. Грамоту, медаль и большую куклу унес добрый сенбернар.

А потом соревновались лучшие из лучших. И главный приз «Бест ин шоу» завоевал английский бульдог. Помните, тот самый, маленький, с огромной головой. Никогда бы не подумала!..

Но о вкусах не спорят, особенно с интерэкспертами...

Ирина ВЕДЕНЕЕВА
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

КРОССВОРД



По горизонтали: 5. Действующее лицо в литературном произведении. 6. Широкополая шляпа в странах Латинской Америки. 9. Оптический прибор. 10. Киноактриса, народная артистка СССР. 11. Северное созвездие. 12. Народный художник СССР, участник творческого коллектива, работающего под одним псевдонимом. 14. Польский астроном XV—XVI веков. 16. Южное ореховое дерево. 17. Плотная шерстяная ткань с ворсом на поверхности. 18. Древнегреческий струнный музыкальный инструмент. 19. Живопись по сырой штукатурке. 21. Графический знак азбуки. 26. Рассказ А. П. Чехова. 27. Приток Миссисипи. 28. Материк. 31. Марка советских легковых автомобилей. 32. Раздел книги, статьи. 33. Русский критик, публицист, революционный демократ. 34. Арифметическое действие. 35. Промысловая морская рыба.

По вертикали: 1. Курорт в предгорьях Карпат. 2. Центр Адыгейской автономной области. 3. Терапевт, основатель крупнейшей школы русских клиницистов. 4. Порода собак. 5. Советская спортсменка, олимпийская чемпионка по конному спорту. 7. Русский поэт-декабрист. 8. Человек, владеющий многими языками. 12. Балерина, народная артистка СССР. 13. Польская и советская писательница. 15. Охотничье нарезное ружье. 16. Духовой сигнальный инструмент. 20. Декоративное растение, цветок. 22. Картина Т. Г. Шевченко. 23. Стихотворение А. С. Пушкина. 24. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 25. Сборник литературно-художественных произведений разных авторов. 29. Река в Крыму. 30. Древнерусская мера длины.

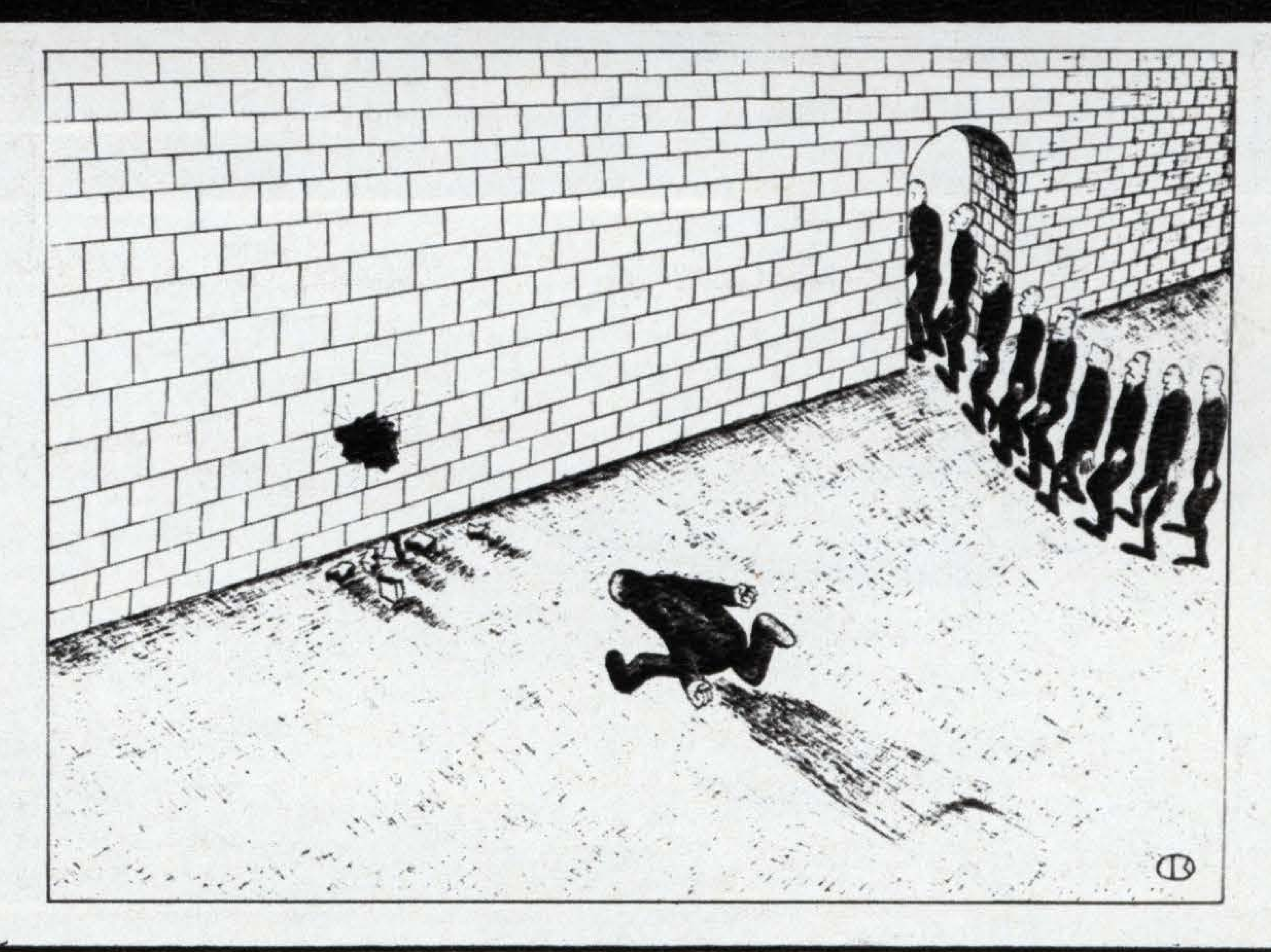
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 5. Валторна. 7. Ангелина. 9. Галоп. 10. Увертюра. 11. Осипенко. 14. Каракас. 17. Авдотка. 18. Тетрадь. 19. Краснокаменск. 22. Сервант. 23. Карадаг. 24. Алгебра. 29. Одинцова. 30. «Спутники». 31. Такси. 32. Латынина. 33. Казакова.

По вертикали: 1. Пахмутова. 2. Гагарка. 3. Капуста. 4. Андромеда. 6. Офорт. 8. Ессей. 12. Балакирев. 13. Волкова. 14. Кассета. 15. Стрелка. 16. Трактат. 20. Термостат. 21. Максимова. 25. Левитан. 26. Реплика. 27. Анион. 28. Анета.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА.



ХОББИ ПРОФЕССОРА РОДИОНОВА

Он не собирался быть хирургом. Но война на свой лад перекроила судьбу мальчишки из села с красивым названием Семиозерное. Воевал в пехоте. Тяжелое ранение надолго выводит 18-летнего старшего сержанта из строя.

Демобилизовавшись после госпиталя, пошел учиться в медицинский институт. Известный анатом, профессор Борис Николаевич Усков, увидев однажды этюды Васи Родионова, сказал: «Учиться тебе надобно, и не только медицине, но и рисунку».

С тех пор прошло много лет. Василий Васильевич Родионов стал известным профессором, доктором медицинских наук. Сейчас заведует кафедрой хирургических болезней Московского стоматологического института имени Н. Семашко. На его счету более двухсот научных работ, три монографии по хирургии рака легких. Однако живопись не забросил, уделяет ей много свободного времени.



Две персональные выставки, сотни этюдов и зарисовок...

— Помогает ли живопись в вашей основной профессии?

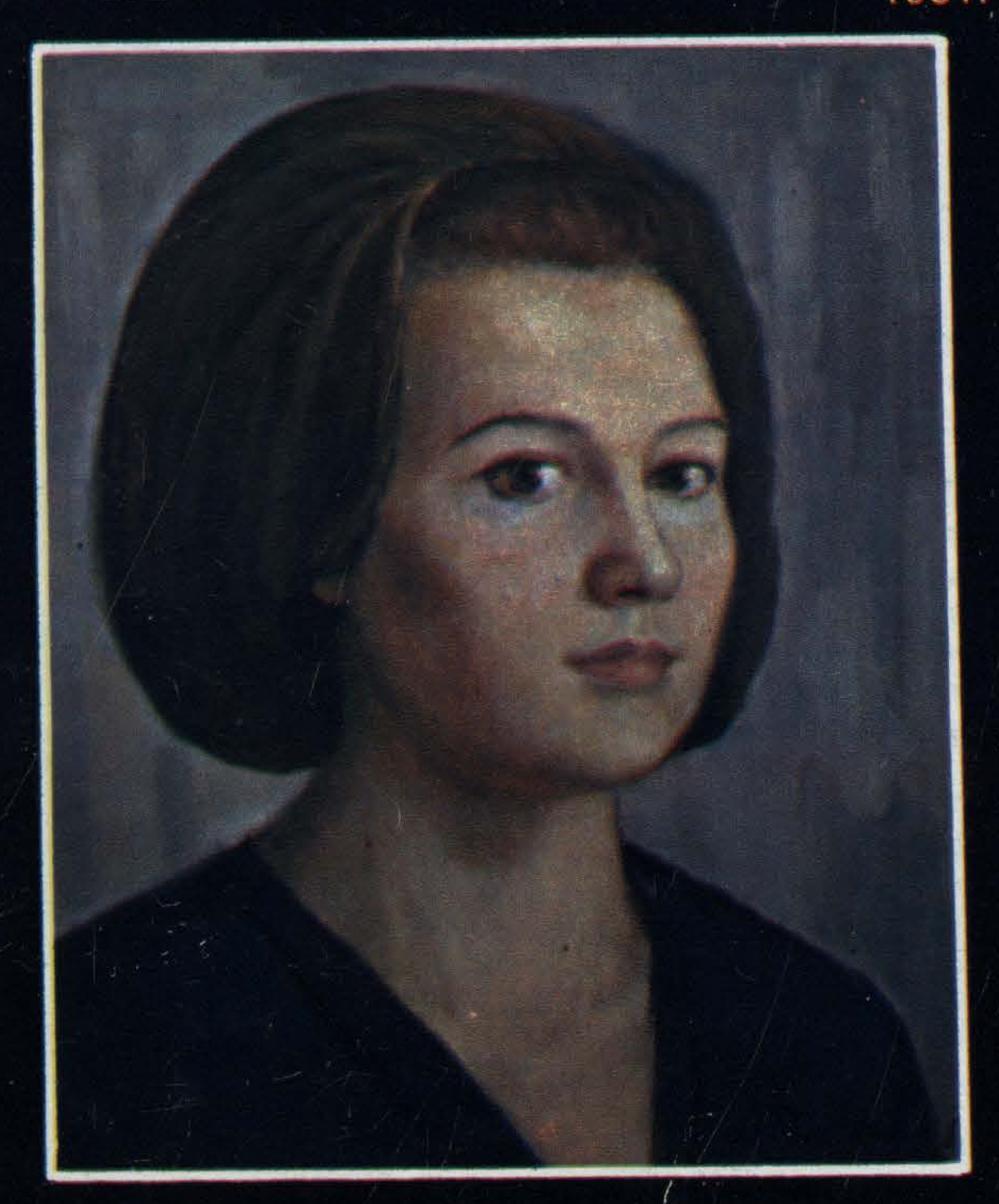
— Работа хирурга — сложный, требующий больших эмоциональных и физических сил труд. Живопись для меня — активный отдых.

Олег ТУРКОВ

ОГОНЁК

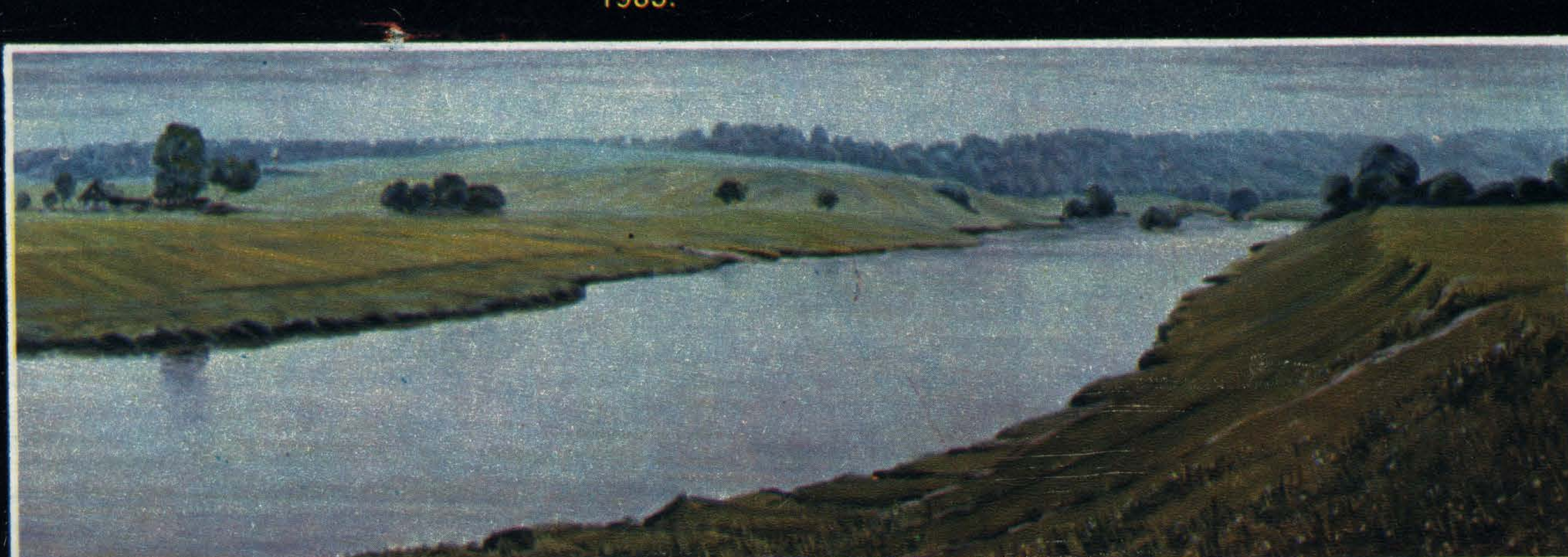
ДОМ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ. 1979.

ЦЕРКОВЬ В АБРАМЦЕВЕ. 1981.



ЛАРИСА. 1967.

МОСКВА-РЕКА У ТУЧКОВО. 1983.



ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663